

DIXI
2013

ИДЕИ
ГИПОТЕЗЫ
ОТКРЫТИЯ
В СОЦИАЛЬНО-
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Хабаровская государственная академия экономики и права»

**DXI – 2013:
ИДЕИ, ГИПОТЕЗЫ, ОТКРЫТИЯ
В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**

Сборник научных трудов

Выпуск 4

Хабаровск 2013

ББК Ч 48
Х 12

DIXI – 2013 : идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях : сборник научных трудов : выпуск 4 / под науч. ред. д-ра социолог. наук А. Ю. Завалишина. – Хабаровск : РИЦ ХГАЭП, 2013. – 208 с.

ISBN 978-5-7823-0620-5

Коллектив авторов:

Бакшеева Елена Борисовна, канд. ист. наук,
Гончарова Светлана Владимировна, канд. ист. наук,
Завалишин Андрей Юрьевич, д-р социолог. наук,
Конобеев Геннадий Михайлович, канд. филос. наук,
Костюрина Надежда Юрьевна, д-р культурологии,
Ламашева Юлия Александровна, канд. полит. наук
Марков Сергей Михайлович, канд. филос. наук,
Ревич Илья Михайлович, д-р филос. наук,
Скрабневская Елена Серафимовна, канд. ист. наук,
Смоляков Владимир Александрович, д-р полит. наук,
Фёдорова Валентина Руфовна, канд. психол. наук
Юдина Вера Ивановна, канд. искусствоведения

Рецензенты: кафедра социологии, политологии и регионоведения
ФГБОУ ВПО «Тихоокеанский государственный университет»

С. В. Бобышев, д-р ист. наук, профессор кафедры теории и истории государства
и права ФГБОУ ВПО «Дальневосточный государственный университет
путей сообщения»

Сборник научных статей включает результаты научных изысканий, сделанных преподавателями дисциплин социально-гуманитарного цикла вузов Владивостока, Комсомольска-на-Амуре, Орла и Хабаровска в области истории, философии, культурологии, социологии, политологии, конфликтологии и психологии. Предназначен для учёных, преподавателей вузов и колледжей, аспирантов, студентов высших учебных заведений, интересующихся социальными и гуманитарными проблемами современного общества.

ISBN 978-5-7823-0620-5

© Коллектив авторов, 2013

©Хабаровская государственная академия экономики и права, 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

(от редактора)

Сборник научных трудов «DIXI – 2013» продолжает серию сборников DIXI, составленных из статей, написанных исследователями, работающими в системе высшего образования, научные интересы которых охватывают самый широкий спектр социально-гуманитарного знания. Сборник включает статьи по истории Дальнего Востока (Россия и Китай), философии, культурологии, социологии, политологии, конфликтологии и психологии. Предназначен для учёных, преподавателей вузов и колледжей, аспирантов, студентов высших учебных заведений, интересующихся социальными и гуманитарными проблемами современного общества.

Первую часть сборника открывает статья кандидата исторических наук, доцента ФГБОУ ВПО «Хабаровская государственная академия экономики и права», **Елены Борисовны Бакшеевой** «*Незарегистрированные православные объединения на Дальнем Востоке РСФСР (1943 – 1962)*» в которой она систематически продолжает разработку ранее начатой темы анализа государственно-церковных отношений на Дальнем Востоке и РСФСР в целом¹. В данной статье автор акцентирует внимание на деятельности местных органов советской власти, которые, следуя указаниям политического руководства страны, часто по надуманным мотивам препятствовали возрождению религиозной жизни на Дальнем Востоке, чем создавали условия для широкого распространения и деятельности незарегистрированных религиозных православных объединений.

Светлана Владимировна Гончарова, кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВПО «Хабаровская государственная академия экономики и права», в статье «*Изучение китайских обществ в Приамурье (конец XIX – начало XX века)*» обращается к историографическому анализу изучения семейно-клановых и профессиональных объединений, на протяжении веков игравших важнейшую

¹ См.: Бакшеева Е. Б. Русская православная церковь на Дальнем Востоке РСФСР: история взаимоотношений с государством и обществом (1946 – 1951 гг.) // DIXI – 2010... С. 7 – 25; Она же. Русская православная церковь в 1954 – 1958 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом (на примере Дальнего Востока РСФСР) // DIXI – 2011... С. 7 – 17; Бакшеева Е.Б. Политика Совета по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР в 1943 – 1965 гг.: её особенности и проявления на Дальнем Востоке РСФСР // DIXI – 2012... С. 9 – 23.

роль в традиционном обществе Китая, предпринятого российскими исследователями на рубеже XIX – XX веков. Особое внимание исследователей этого вопроса, по мнению автора статьи, привлекало изучение специфики деятельности тайных китайских обществ, их организационной структуры и социального состава. Вместе с тем, заслуживает внимания и такой аспект, как использование тайных обществ в качестве инструмента социально-политической и экономической борьбы китайского населения.

Елена Серафимовна Скрабневская, кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВПО «Хабаровская государственная академия экономики и права», в статье «*Социальная защита населения дальневосточной окраины России в деятельности органов местного самоуправления ((XIX – начало XX века)*» анализирует проблему социальной защиты наиболее обездоленных слоёв общества, которая в указанный период имела значительные масштабы и была разнообразнее, чем в настоящее время. В статье раскрываются основные направления по организации благотворительной деятельности как в стране, в целом, так и более детально – в дальневосточных городах Российской империи.

Вторая часть сборника открывается статьёй **Геннадия Михайловича Конобеева**, кандидата философских наук, доцента Дальневосточного филиала Российской правовой академии Министерства юстиции РФ «*Духовный кризис российского общества и проблема развития личности*». Данной статьёй автор продолжает разработку темы, предпринятую им в сборниках «DIXI – 2010» и «DIXI – 2011». При рассмотрении любого кризиса, как утверждает автор, в центре внимания исследователей неизбежно оказываются действия (или бездействие) власти, её культурная и социальная политика. Гораздо меньше внимания обращается на человеческую и личностную сторону кризиса, хотя именно она составляет ядро культурно-исторического процесса. В этом последнем смысле особое внимание автор уделяет таким двум аспектам генезиса личности, как культивирование духовного труда, ведущего к творчеству на всех уровнях социальной организации общества, и формирование целостной и сильной личности, измеряемой подлинно человеческими, духовными качествами.

Надежда Юрьевна Костюрина, доктор культурологии, профессор ФГБОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет», в статье «*Молодёжная аксиология современной России: по материалам эмпириче-*

ского исследования» продолжает тему «молодёжь и современная культура», начатую в предыдущем сборнике¹. В данной статье автор ищет ответы на фундаментальные вопросы современного общества: представляет ли современная молодёжь России аксиологическое единство; возможно ли сегодня говорить о молодёжной культуре/субкультуре; сформирована ли у современной молодёжи единая картина мира? Вывод автора неутешителен: аксиология современной российской молодёжи, как, впрочем, и всего российского общества, всё ещё находится на перепутье.

Илья Михайлович Ревич, доктор философских наук, профессор ФГБОУ ВПО «Хабаровская государственная академия экономики и права», в статье «Гуманитарный этос и история» рассуждает о том, как следует относиться к истории, преподавать её в школах и вузах, использовать в целях воспитания. Автор систематически проводит противопоставление партикулярного гуманизма и национал-историзма, полагая опасными обе эти формы политически ангажированной псевдо-исторической демагогии. Единственным критерием, позволяющим достичь постижения исторической правды, по его мнению, служат принципы гуманизма, сущность которых раскрывается в данной статье.

Вера Ивановна Юдина, кандидат искусствоведения, доцент ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет», в статье «Об определении научной сферы современной провинциологии» рассматривает разнообразные векторы изучения отечественной провинциальной культуры в рамках особой сферы культурологического дискурса. Вопрос об институализации провинциологии проанализирован в контексте выделения различных исследовательских ракурсов обозначенной научной области, её методологии, а также в сопоставлении с близкими научными категориями (регионоведение, регионалистика, краеведение, местная история и др.).

Третью часть сборника открывает статья **Андрея Юрьевича Завалишина**, доктора социологических наук, доцента ФГБОУ ВПО «Хабаровская государственная академия экономики и права», «Социокультурные аспекты этнической ксенофобии и экстремизма», в которой автор проводит социологический анализ таких опасных социальных явлений как ксенофобия и экстремизм. Особый акцент в статье делается на социально-психологических истоках и проявлениях эт-

¹ См.: Костюрина Н. Ю. Молодёжной субкультуры больше нет, или Особенности современного социокультурного пространства г. Комсомольска-на-Амуре // DIXI – 2012... С. 117 – 124.

нической ксенофобии и экстремизма, которые в последние два десятилетия стали вызывать особую озабоченность российской общественности в связи с усложнением и обострением межэтнических отношений в нашей стране.

Юлия Александровна Ламашева, кандидат политических наук, доцент ФГБОУ ВПО «Тихоокеанский государственный университет» в статье *«Политические технологии создания и трансформации транснациональной идентичности»* акцентирует внимание на процессе формирования позитивной транснациональной идентичности, сравнивая ситуацию в Европейском союзе и Северо-восточной Азии. Для российских регионов, по мнению автора статьи, эта проблема связана с тем, что сотрудничество со странами-партнёрами в западной (европейской) и восточной (азиатской) частях Евразии не может строиться одинаково именно по причине различий в транснациональной идентичности их населения.

Владимир Александрович Смоляков, доктор политических наук, профессор ФГБОУ ВПО «Хабаровская государственная академия экономики и права», в статье *«Проблема вмешательства во внутренние дела суверенных государств в западном теоретическом дискурсе»* обращается к теоретико-методологическим аспектам вопроса о допустимости вмешательства во внутренние дела суверенных государств. Автор рассматривает и классифицирует основные течения общественно-политической мысли Западной Европы и США, в которых излагаются идеи, оправдывающие применение гуманитарных интервенций в современном глобализирующемся мире. Вывод, к которому приходит В. А. Смоляков, состоит в том, что гуманитарная интервенция, как инструмент вмешательства во внутренние дела суверенных государств, нуждается во всесторонне разработанном концептуальном основании и формировании международного консенсуса относительно её правовых и морально-политических стандартов.

Четвёртую часть сборника открывает статья **Сергея Михайловича Маркова**, кандидата философских наук, доцента ФГБОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет» (г. Владивосток), *«Медиация – альтернативный инструмент разрешения спортивных конфликтов»*. Автор обосновывает необходимость перемещения центра тяжести в процессе разрешения спортивных конфликтов из судебной сферы в практику примирительных технологий, в первую очередь, медиации и переговоров. Это тем более важно, что указанные инстру-

менты разрешения спортивных споров уже применяются повсеместно, однако, законодательно пока не оформлены. Используя в качестве доказательства своих идей примеры из спортивной жизни современной России, автор приходит к выводу, что медиация позволит обеспечить не только правовую, но и гуманитарную защищённость спортсменов, поскольку она опирается на такие моральные принципы, как верность, вежливость, мужество, правдивость и простота.

Тот же автор в статье *«Сказ о логике А. Курбского, глаголемый для современных юристов»* проводит историко-лингвистический и правовой анализ философского труда князя А. Курбского, предположительно написанный им во 2-й половине XVI века. Сказ о логике А. Курбского – это добавление к переводу сочинения И. Спаненберга «О силлогизме», первая печатная книга по логике, изданная на русском языке в Вильно в 1586 г. Логика и диалектика для А. Курбского представляют собой органон познания, средство для тренировки разума, методы обоснования политико-правовых учений, аналитику власти (самодержавия). Он их понимает по-аристотелевски – как учение о демонстративных доказательствах. Применяет в качестве метода изложения политико-правовых взглядов в письмах к Ивану Грозному и в труде «История о великом князе Московском».

Валентина Руфовна Фёдорова, кандидат психологических наук, доцент ФГБОУ ВПО «Хабаровская государственная академия экономики и права», в статье *«Современные психологические особенности финансового поведения россиян: изнаночная сторона»* акцентирует внимание на дихотомии «руководители (те, кто платит) – сотрудники (те, кто получает заработную плату)». Раскрыв психологические особенности первых и вторых, связанные с финансовой стороной их взаимодействия, автор приходит к мысли о том, что финансовое поведение россиян имеет как явную, очевидную для всех и для них самих, сторону, так и изнаночную, о которой также необходимо знать для принятия грамотных решений в денежно-финансовой сфере. Психологический анализ этой изнаночной стороны позволил автору утверждать, что её особенности, вместе взятые, приводят к заметному антагонизму взаимодействий между руководителями и сотрудниками, продуцируют множество «очагов поражения» финансового сознания, как с той, так и с другой стороны, которые на практике приводят к неустойчивому финансовому результату, а значит, требуют незамедлительной коррекции.

*Часть 1**История**Е. Б. Бакшеева***НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ
ОБЪЕДИНЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РСФСР
(1943 – 1962)**

Накануне Великой Отечественной войны Русская православная церковь находилась в тяжёлом положении: была ослаблена политически и экономически. К 1941 г. в стране (без учёта территорий, вошедших в состав СССР в 1939 – 1940 гг.) насчитывалось всего 382 молитвенных здания¹. На Дальнем Востоке РСФСР примерно из 300 церквей и молитвенных домов, возведённых к 1917 г. верующими Владивостокско-Камчатской и Благовещенской епархий², официально действовавших зарегистрированных церквей и религиозных объединений вообще не осталось.

В военные годы политика государства в отношении Русской православной церкви была откорректирована с учётом сложной внутривнутриполитической и международной ситуации. Изменения в государственно-церковных отношениях выразились в том, что Церковь получила право на избрание патриарха и восстановление деятельности Синода, открытие монастырей, духовных учебных заведений, культовых зданий. Свидетельством одобрения нового курса государства явилась начавшаяся повсеместно, в том числе на Дальнем Востоке, подача верующими ходатайств о регистрации своих объединений и возвращении культовых зданий, ранее закрытых на основании решений советских органов. В некоторых ходатайствах, например, из села Спасское и г. Спасска Приморского края сообщалось, что сохранилась утварь, остававшаяся после закрытия церкви³.

Деятельность православных групп и отдельных лиц, выступавших инициаторами подачи заявлений, проведения молитвенных собраний на Дальнем Во-

¹ Шкаровский М. В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущёве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939 – 1964 годах). М., 1999. С. 116 – 117.

² Религиозные организации Дальневосточного Федерального округа: словарь-справочник. Владивосток, 2010. С. 115, 168.

³ Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 13. Л. 1, 2.

стоке РСФСР активизировалась после Поместного собора¹, проходившего в Москве с 31 января по 2 февраля 1945 г.² Избрание нового патриарха Алексия I (Симанского)³, принятие «Положения об управлении Русской православной церковью», утверждённого постановлением СНК СССР от 28 января 1945 г., укрепило их уверенность в сохранении изменений в церковной политике государства.

Особенно настойчивыми были обращения из городов Ворошилова, Имана, Кневичи, станций Ружино и Тигровая, населённого пункта Артёмгрэс Приморского края. Ходатайствовали об открытии церковей верующие из г. Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре, Николаевска-на-Амуре, с. Хор, г. Благовещенска, Свободного, пос. Шимановского, Завитая, Буря, Переяславка, Кузьмичи Амурской области, пос. Кихчика Камчатской области и других территорий Хабаровского края⁴. Основными просителями выступали женщины в возрасте от 50 лет и старше.

С разрешения Правительства СССР и созданного при нём Совета по делам Русской православной церкви (далее – Совет), как требовало Постановление СНК от 28 ноября 1943 г. № 1325 «О порядке открытия церковей» (далее – Постановление), в течение 1944 – 1945 гг. на территории РСФСР началась деятельность 672 культовых зданий⁵, в том числе, в г. Владивостоке, с. Спасское и пос. Лазо Приморского края. Работа по удовлетворению даже такого количества обращений свидетельствовала об изменении в церковной политике государства⁶.

Незначительное количество официально открытых культовых зданий объяснялось тем, что в новых нормативно-правовых документах содержались требования, которые часто становились непреодолимым препятствием для заявителей. Так, согласно Постановлению, решение вопроса о возобновлении культовой жизни в населённом пункте начиналось с подачи ходатайств в адрес представителей краевых или областных исполнительных комитетов⁷. Основанием для отклонения становились неправильное оформление, признание их фальсифицированными (если в списках имелись фамилии, внесённые «без ведома и согласия»

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 38.

² Русская православная церковь. XX век. К 1020-летию крещения Руси. М., 2008. С. 357.

³ Патриарх Сергей (в миру Иван Николаевич Страгородский) умер 15 мая 1944 г.

⁴ Религия и власть на Дальнем Востоке России : сборник документов Государственного архива Хабаровского края / отв. сост. Е. Б. Бакшеева. Хабаровск, 2001. С. 222; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 96. Л. 90.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 80. Л. 79.

⁶ Бакшеева Е. Б. К истории реализации государственной политики в отношении Русской православной церкви в Приморском и Хабаровском краях (1943 – 1945 годы) // Вестник Челябинского гос. ун-та. История. 2012. Вып. 49. № 7. С. 109.

⁷ Одинцов М. И. И. В. Сталин: «Церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку правительства» // Диспут. 1992. № 3. С. 155 – 157.

граждан) или спровоцированными (подписи собирались в ходе агитации и обмана). Последнее определялось во время бесед уполномоченных Совета, должности которых были введены при Приморском и Хабаровском крайисполкомах, с верующими, как правило, в присутствии представителей местной исполнительной власти, что часто вынуждало граждан отказываться от членства в религиозных объединениях. Таким образом, признание заявлений «ненадлежащим образом оформленными», фальсифицированными или спровоцированными позволяло не только сдерживать, но и противостоять процессу открытия новых культовых зданий. Данный факт подтверждается и тем, что правительственные постановления и инструкции, устанавливавшие требования к подготовке заявлений, имели гриф «секретно» и не были известны верующим.

Кроме того, обязательным условием для открытия церквей, согласно Постановлению, являлось наличие здания, пригодного для молитвенных целей. На Дальнем Востоке РСФСР к началу 1944 г. насчитывалось 215 бывших культовых зданий (см. табл. 1).

Таблица 1 – Сведения о количестве церковных зданий, учтённых на Дальнем Востоке в 1944 г.¹

Регион	Количество недействующих культовых зданий	Из них занято для хозяйственных и культурных целей
Хабаровский край	105	101
Приморский край	110	100
Всего	215	201

Почти все помещения активно использовались «для хозяйственных и культурных целей». Так, в г. Владивостоке в 7 бывших культовых зданиях² размещались учебные заведения, частные квартиры, райвоенкомат и военная база³. В г. Хабаровске сохранилось 4 таких здания, которые были заняты под детский сад, мастерские, дом печати и воинскую часть⁴. Стояли закрытыми только вет-

¹Религия и власть на Дальнем Востоке России... Хабаровск, 2001. С. 209, 210; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 6. Л. 2 об.

² Снесены: собор на ул. Жертв революции, церкви по ул. В. Сибирцева и Китайской // ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.

³ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

⁴ Сердюк М. Б., Дударёнок С. М. Религиозная жизнь советского Дальнего Востока (1941 – 1954). Владивосток, 2009. С. 38.

хия и не пригодные к эксплуатации: 10 в Приморском и 4 в Хабаровском краях. В условиях, когда Церковь не имела официально признанного права юридического лица и верующие не могли приобрести в собственность здания для молитвенных целей, объективно возрастала роль представителей местной власти, принимавших решения о предоставлении помещений для оборудования церквей. В большинстве своём они могли передать полуразрушенные и перестроенные здания, лишённые культового имущества, но даже такие решения члены религиозных объединений воспринимали с благодарностью, считая, что началось смягчение государственно-церковных отношений¹.

Ещё больше прав получили представители краевой власти в связи с принятием Постановления СНК СССР от 22 августа 1945 г. № 2137-546с «По вопросам, относящимся к православной церкви и монастырям». Теперь с разрешения уполномоченного Совета верующие могли строить, брать в аренду и покупать в собственность дома «для церковных надобностей»². Многие религиозные объединения расценили это как выход из ситуации, так как большинство ходатайств отклонялось по причине, как отмечалось, отсутствия свободных помещений. Однако уполномоченные, выполнявшие указания крайисполкомов, а не требования постановлений правительства, отказывали верующим в выдаче разрешений на аренду или покупку молитвенных зданий. Настоящие причины, на наш взгляд, заключались в том, что представители советских и партийных органов не хотели «допускать активизации церковной деятельности и её переноса» в районные центры Хабаровского и Приморского краёв, Амурской, Камчатской и Сахалинской областей.

Незначительное количество официально действовавших церквей объяснялось также и тем, что законодательство предусматривало длительность процедуры рассмотрения ходатайств. Сначала документ изучался уполномоченными, затем краевой властью, получившей право принимать решения об удовлетворении или отклонении ходатайств верующих, при положительном решении – Советом, а при его согласии – Правительством СССР. Следует отметить, что сбой в этой цепочке часто возникал на уровне уполномоченных. Так, при Хабаровском крайисполкоме до сентября 1946 г. освобождённого уполномоченного не было, а совмещавшие эту должность работники «вопросами православной церкви не занимались»³. В связи с этим 24 ходатайства верующих, поступившие из 15 насе-

¹ Бакшеева Е. Б. К истории реализации государственной политики... С. 109.

² Религия и власть на Дальнем Востоке России... Хабаровск, 2001. С. 221.

³ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 96. Л. 84.

лённых пунктов, лежали в крайисполкоме без рассмотрения¹. Подобная ситуация была характерна и для других территорий РСФСР. Так, уполномоченный Совета по Ульяновской области, получив 75 заявлений от верующих в первом полугодии 1944 г., до сентября не приступал к их рассмотрению. За тот же период его коллега в Куйбышевской области составил заключения только на 33 из 65 ходатайств².

Отсутствие возможности у уполномоченных в годы войны осуществлять работу в точном соответствии с Постановлением привело к тому, что краевые и областные исполнительные комитеты «под сильным напором верующих» стали открывать культовые здания в обход Совета и союзного правительства. Так, на основании решений Хабаровского крайисполкома в г. Хабаровске были открыты Александро-Невская (1943 г.) и Христорождественская (1945 г.) церкви. Из 2816 культовых зданий, действовавших к 1 января 1946 г. в РСФСР (с учётом воссозданных на временно оккупированных территориях), на основании решений Совета и распоряжения СНК СССР в 1944 – 1945 гг. открылось 672³.

Сложившаяся повсеместно ситуация была учтена в Постановлении СНК СССР № 1643–486с «О православных церквях и молитвенных домах», принятом 1 декабря 1944 г.⁴ и инструкциях, направленных уполномоченным. Обращаясь к представителям власти, Совет требовал «во избежание справедливого недовольства верующих... в ближайшее время... срочно принять меры» по устранению нарушений законодательства⁵. Однако эта работа полностью не завершилась. К 1 января 1949 г., когда был приостановлен процесс по удовлетворению ходатайств верующих, фактически действовавших православных обществ и молитвенных зданий было намного больше, чем открытых на основании решений Совета и союзного правительства (см. табл. 2)⁶.

За 1946 – 1948 гг. на Дальнем Востоке РСФСР разрешения на официальную деятельность смогли добиться 8 православных объединений: 2 – в Хабаровском крае (г. Хабаровск), 2 – в Приморском крае (гг. Ворошилов, Сучан) и 4 – в Амурской области (гг. Благовещенск, Свободный, Белогорск⁷, пос. Магдагачи). Удовлетворение прошений даже такого незначительного количества групп и общин также свидетельствовало об изменении в церковной политике государства⁸.

¹ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-1359. Оп. 2. Д. 2. Л. 1.

² ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 2. Д. 1. Л. 20.

³ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 80. Л. 78, 79.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 80. Л. 80.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 7. Л. 19, 20; ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 2. Д. 1. Л. 37.

⁶ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 16. Д. 669. Л. 8.

⁷ До 1957 г. город Куйбышевка-Восточная.

⁸ Бакшеева Е. Б. К истории реализации государственной политики... С. 109.

Таблица 2 – Сведения о церквях и молитвенных домах, открытых решением Правительства СССР в 1946 – 1948 гг. (по состоянию на 1.01)¹

Годы	Количество церквей, действовавших на территории		Количество церквей, открытых решением Правительства СССР
	СССР	РСФСР	
1947	14 092	3168	369
1948	14 244	3228	185
1949	14 477	3185	27

В то же время данная статистика показывает, что представители власти на местах не стремились форсировать процесс возобновления религиозной жизни в регионе, т. к. в большинстве своём придерживались мнения о нецелесообразности официального открытия церквей. Так, председатель Завитинского райисполкома заявил в 1947 г., что «мы 29 лет вели борьбу против Церкви, а на 30-м году советской власти открывать церкви нецелесообразно»². С этих позиций некоторые местные городские и районные исполкомы саботировали работу уполномоченных: не отвечали на их неоднократные запросы, а заявления верующих без рассмотрения «подшивали в дела»³. Сдерживая «натиск церковников», представители местной власти, таким образом, создавали условия для открытия молитвенных домов явочным порядком.

Согласно далеко не полным сведениям уполномоченных в 1947 – 1950 гг. нелегальные богослужения проводились в городах Артёме, Имане, Лесозаводске, сёлах Вознесенке, Знаменке, Кневичи, Черниговке Приморского края⁴. Собирались верующие в пос. Смидович Еврейской автономной области, Князевке, Кузьмичи, Высокое Амурской области, Дид-Биран Нижне-Амурской области, г. Южно-Сахалинске, Александровске-Сахалинском Сахалинской области и в других населённых пунктах Дальнего Востока⁵.

В создании нелегальных молитвенных домов принимали участие как коренные жители, так и переселенцы из центральных областей страны, где религиозность была намного выше и действовали десятки культовых зданий. Организаторами групп выступали наиболее инициативные верующие, а богослужения со-

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 669. Л. 8, 9; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 180. Л. 22.

² ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 169. Л. 3.

³ Религия и власть на Дальнем Востоке России... С. 228, 229.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 167. Л. 33, 56, 57.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 169. Л. 28.

вершали бывшие монахи и монашки, священники и псаломщики¹. Незарегистрированные служители культа действовали бесконтрольно, за исключением тех случаев, когда их деятельность попадала в поле зрения финансовых органов или принимала формы антисоветской работы.

Способствовало увеличению количества незарегистрированных молитвенных домов и то, что официально действовавшие церкви являлись труднодоступными. Во-первых, они были малопоместительными, в связи с чем в дни религиозных праздников, особенно на Пасху, многие граждане не могли попасть внутрь храмов. Во-вторых, находились за сотни километров от населённых пунктов, в которых верующие настойчиво добивались открытия церквей. А в организованных явочным порядком молитвенных домах можно было собираться по мере надобности, как правило, в воскресные и праздничные дни.

Представители местной власти не запрещали собраний верующих (а часто даже не знали об этих фактах²). Лояльность официальной власти, на наш взгляд, объяснялась тем, что деятельность незарегистрированных общин и групп можно было запретить в любой момент, а в случае необходимости привлечь к уголовной ответственности лиц, скомпрометировавших себя в глазах власти. Такая позиция и бесконтрольность вызвала обеспокоенность у председателя Совета Г. Г. Карпова, который рекомендовал уполномоченным вести борьбу с такого рода явлениями путём усиления политико-просветительной работы.

Заинтересованность в прекращении «самочинных служб» и принятии административных мер к незарегистрированному духовенству демонстрировала и Московская патриархия. Однако правительство считало, что таким образом епископат стремился получить поддержку при открытии как можно большего количества церквей, что шло в разрез с интересами государства. Причина недоверия заключалась и в том, что в 1948 г. окончательно сформировалась политическая линия, в основе которой лежала идея свёртывания процесса открытия молитвенных зданий. Мнение Совета о том, что во избежание недовольства населения следовало удовлетворять ходатайства «значительного количества верующих» из населённых пунктов, где «имелись здания под церкви», правительство не поддержало. Отражением такой позиции стало Постановление Совета Министров СССР от 28 октября 1948 г. № 4055-1626с, отменившего своё же распоряжение от 10 августа 1948 г. об открытии 28 новых храмов, в том числе на о. Сахалин и в Амурской области. Официально названной причиной было то, что этот доку-

¹ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 169. Л. 3.

² ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 314. Л. 27.

мент подписал не председатель Совмина И. В. Сталин, а его заместитель К. Е. Ворошилов¹. С этого момента процесс удовлетворения ходатайств верующих был заморожен до 1955 г.

Для «правильной расстановки политических акцентов», получения поддержки граждан в проведении жёсткой линии в отношении Церкви, в 1949 г. была организована антирелигиозная пропагандистская кампания, вошедшая в историю как Саратовская купель. Обряд погружения в Иордань близ г. Саратова, совершённый в праздник Крещения верующими, оставшимися после ухода священника, был сфотографирован и явился предметом разбирательства на Секретариате ЦК ВКП(б). В феврале 1949 г. в газете «Правда» появился фельетон «Саратовская купель», где купание расценивалось как пример «церковного мракобесия»².

Представители советских и партийных органов получили нужный аргумент для беспелляционных отклонений обращений верующих. На практике это вылилось в запреты зарегистрированному духовенству выезжать для совершения треб в населённые пункты, где не было официально действовавших церквей, началась разборка «хороших церковных зданий», усилилось политико-административное давление на граждан, крестивших детей. Получив поддержку государства, представители власти выступили с инициативой закрытия официально действовавших церквей. В 1949 г. горисполком г. Сучан Приморского края запретил деятельность общины, сославшись на то, что под культовым зданием проходила галерея шахты, «угрожавшая обвалом». Разрешения на строительство нового помещения «на безопасном месте» верующие смогли добиться только в 1952 г.³ Следующей попала под удар церковь на ст. Лазо, оставшаяся в 1950 г. без священника. Благодинный Приморских церквей, желавший сохранить приход, обратился в крайисполком с просьбой о её переносе в г. Иман⁴. В прошении отказали из опасения «активизации церковной деятельности» в районном центре⁵. Однако под давлением верующих, обращавшихся с просьбами о защите от притеснений в Совет, Президиум Верховного Совета РСФСР и даже к главе государства И. В. Сталину, краевая власть была вынуждена отказаться от ликвидации Успенской церкви на ст. Лазо.

¹ Гераськин Ю. В. Взаимоотношения Русской православной церкви, общества и власти в конце 30-х – 1991 гг. (на материалах областей Центральной России). М., 2008. С. 10.

² Русская православная церковь. XX век... С. 414, 415.

³ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 14. Л. 12 – 14, 16.

⁴ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 4. Л. 75.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 622. Л. 12.

В условиях выбора курса на администрирование и закрытие молитвенных зданий деятельность уполномоченных Совета при Приморском и Хабаровском крайисполкомах оказалась не нужна. На основании распоряжения Совета Министров СССР от 26 марта 1950 г. № 4068-р их должности были сокращены¹. Секретари крайисполкомов не получили даже инструкций о порядке рассмотрения заявлений верующих, что также свидетельствовало о том, что работа по открытию новых церквей и молитвенных домов в регионе признавалась нецелесообразной. Как следствие, всем группам верующих стали отказывать «в связи с отсутствием свободных зданий»². В 1951 – 1954 гг. на территории Дальнего Востока, других краёв и областей РСФСР продолжали действовать незарегистрированные объединения верующих. Все эти годы, зная о сложившейся повсеместно ситуации, председатель Совета Г. Г. Карпов добивался от Правительства СССР разрешения на регистрацию фактически действовавших молитвенных домов в обход решений представителей местной власти³.

Результатом его активной позиции явилось Постановление Совета Министров СССР от 17 февраля 1955 г. № 259 «Об изменении порядка открытия молитвенных зданий». В соответствии с этим документом, право рассмотрения и удовлетворения ходатайств верующих было передано от союзного правительства республиканским⁴, и Совет получил возможность после тщательной проверки самостоятельно регистрировать фактически действовавшие религиозные объединения, имевшие молитвенные здания⁵. За 1955 – 1956 гг. по решению Правительства РСФСР на основании заключений органов местной власти было открыто только 10 церквей и молитвенных домов⁶. А благодаря праву, предоставленному постановлением от 17 февраля 1955 г. № 259, Совет зарегистрировал как фактически действовавшие в СССР 84 культовых здания⁷.

Однако среди объединений верующих, приступивших к официальной деятельности, не было объединений их Хабаровского и Приморского краёв, Амурской, Сахалинской и Камчатской областей. В 1955 – 1958 гг. все обращения Совета с предложением рассмотреть вопрос о регистрации групп верующих в горо-

¹ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 622. Л. 22; Там же. Д. 624. Л. 10.

² ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1100. Л. 36, 39.

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 669. Л. 11.

⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 22. Л. 45.

⁵ Чумаченко Т. А. Правовая база государственно-церковных отношений в 1940-е – первой половине 1960-х годов: содержание, практика применения, эволюция // Вестник Челябинского гос. ун-та. История. 2008. Вып. 24. № 15. С. 141.

⁶ Там же.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1747. Л. 13.

дах Южно-Сахалинске, Александровске-Сахалинском, Комсомольске-на-Амуре, Николаевске-на-Амуре не встретили поддержки представителей местной власти. Начатый конструктивный диалог с руководством других территорий, на наш взгляд, мог бы стать примером и для Дальнего Востока, но он был прерван очередным наступлением на позиции Русской православной церкви.

Смена курса была директивно утверждена 4 октября 1958 г., когда было принято секретное Постановление ЦК КПСС «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК по союзным республикам “О недостатках научно-атеистической пропаганды”», требовавшее начать наступление на религиозные пережитки¹. На Дальнем Востоке в ходе очередной антирелигиозной кампании в 1959 г. была закрыта Успенская церковь в пос. Лазо Приморского края, в 1961 г. – молитвенный дом в пос. Магдагачи Амурской области². В РСФСР к 1 января 1963 г. из 2914 православных церквей и молитвенных домов, действовавших на начало 1959 г.³, осталось 2148, в том числе 163 в автономных республиках, 224 в краях и 1755 в областях⁴.

Сведения о результативности действий власти омрачала статистика о повсеместно действовавших незарегистрированных православных объединениях. В ходе единовременного учёта выяснилось, что на Дальнем Востоке, согласно представленным данным, к началу 1962 г. действовало 15 православных общин и групп: 5 – в Хабаровском крае, 2 – в Камчатской, 1 – в Магаданской⁵ и 7 – в Амурской областях⁶. В постановлении Совета от 2 ноября 1962 г. местным органам власти предписывалось провести все необходимые мероприятия по прекращению их деятельности⁷, но это указание полностью так и не было выполнено. Очередной цикл изменений в церковной политике государства, начатый в 1970-х годах, позволил верующим гражданам страны реализовать своё право на свободу совести.

Резюмируя, отметим, что с началом Великой Отечественной войны у верующей части населения региона появилась надежда на возрождение религиозной

¹ Гераськин Ю. В. Русская православная церковь, верующие, власть (конец 30-х – 70-е гг. XX в.). Рязань, 2007. С. 120.

² Бакшеева Е. Б. Православные объединения и духовенство дальнего Востока РСФСР в период антирелигиозной кампании 1958 – 1964 гг. // Власть и управление на Востоке России. 2012. № 1. С. 133, 134.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 556. Оп. 15. Д. 57. Л. 23.

⁴ ГАРФ. Оп. 2. Д. 487. Л. 6.

⁵ Дударёнок С. М. Политика советской власти в отношении религиозных организаций. 1960 – 1980-е годы // Россия и АТР. 2005. № 2. С. 124.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-6001. Оп. 2. Д. 416. Л. 10.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 486. Л. 40.

жизни на Дальнем Востоке РСФСР, где к этому времени были закрыты все культовые здания. Новые нормативно-правовые документы, вышедшие в 1943 – 1945, 1955 гг., позволяли верующим гражданам реализовать свои права на свободу совести. Однако в рассматриваемый период представители советских и партийных органов часто по надуманным мотивам не спешили с возрождением религиозной жизни в крае, что создавало условия для широкого распространения и деятельности незарегистрированных религиозных объединений.

С. В. Гончарова

ИЗУЧЕНИЕ КИТАЙСКИХ ОБЩЕСТВ В ПРИАМУРЬЕ (конец XIX – начало XX века)

На протяжении веков важнейшую роль в традиционном обществе Китая играли различные семейно-клановые¹ и профессиональные объединения. Семейно-клановые коллективы соседей и родственников были наиболее устойчивыми и распространёнными формами социальной организации сельского населения. Профессиональные гильдии в основном организовывали и регулировали деятельность в области промышленности и торговли. Они делились на два типа: по видам ремёсел и по провинциям. Первые регулировали вопросы обучения ремеслу, устанавливали стандарты и уровень качества товаров, а также определяли цены. Провинциальные гильдии представляли интересы торговцев различных территорий².

В XVII веке значительное место в традиционном обществе Китая стали занимать такие социальные объединения, как тайные общества (хуэйданы). Их возникновение и формирование ряд исследователей связывали с социально-экономическими, демографическими и миграционными процессами, а начало оформления с событиями 1644 г., когда к власти в Китае пришла маньчжурская династия Цин. Тогда на юге и юго-востоке страны начали действовать первые тайные общества («Тяньдихуэй» – «Общество Неба и Земли», «Саньхэхуэй» – «Триада», «Хунмэнхуэй» – «Союз братства Хунов» и др.).

¹ Семейно-клановые объединения больше известны как традиционные «братские» общества взаимопомощи, основанные на «клятве крови».

² См.: Дацышин В. Г. Новая история Китая // URL : <http://www.bookard.com/>.

Многие тайные объединения были основаны на базе уже сложившихся и легально действовавших организаций. Во многом, трансформация этих объединений, основанных на взаимной помощи и «клятве на крови», в скрытые социальные структуры была связана с запретом их деятельности со стороны пришедшей к власти цинской династии. В тот же период были заложены основы идеологии тайных обществ, главные положения ритуалов, которые были созданы в рамках традиционных, восходивших к раннему Средневековью китайских военно-прикладных искусств и практик даосских и чань-буддистских монахов¹. Уже первые общества имели уставы и религиозную обрядность. От вступающих в них требовалось следование особому ритуалу (36 клятв, даваемых при вхождении в общество) и соблюдение строгой конспирации². По мнению ведущих китайских и тайванских историков, представителей Школы архивов³, тайные объединения возникли как «союзы братьев», где все его члены считались равными и обязаны были оказывать друг другу помощь.

В XVIII веке социально-экономические и, главным образом, миграционные процессы в Юго-Восточном Китае привели к увеличению групп переселенцев, которые были вынуждены оказывать друг другу помощь на новом месте, что оказало влияние на развитие традиционных «братских» обществ взаимопомощи на новой территории.

Во многом этапы создания и развития тайных организаций совпадают по времени с начавшимися в Китае в XVII веке миграционными процессами и возникновением общин китайцев за пределами родины (хуацяо). Опасаясь преследований со стороны цинских властей, многие члены хуэйданов бежали за границу, в те страны, где уже имелись компактные поселения китайцев. Среди мигрантов вербовались новые сторонники, и создавались зарубежные отделения тайных союзов. К середине XIX века тайные союзы хуацяо существовали во всех странах массовой китайской иммиграции, в том числе, в России и, в частности, в Приамурье.

¹ Лайнгер С. Р. Тайные общества хуацяо: эволюция и социальная сущность // Народы Азии и Африки. 1985. № 3. С. 34.

² Захаров Е. А. «Школа Жана Шено» и современная западная историография тайных обществ Китая // Молодёжь в XXI веке: материалы VIII краевой научной конференции. Барнаул – Рубцовск, 2006. С. 50.

³ Школа архивов – научная школа, возникшая в Китае конце 1970-х – начале 1980-х годов после открытия для широкого круга исследователей архивов Китайской Народной Республики и Китайской Республики (Тайваня). Наиболее известные работы представителей Школы архивов принадлежат учёным-историкам Цай Шаоцин, Цинь Баоци (КНР), Чжуан Цзифа (Тайвань) и посвящены тайным обществам Китая.

На рубеже XIX – XX веков Китай стал главным источником международных миграционных потоков¹. К тому же периоду относится и пик активной деятельности китайских тайных обществ. Способность китайской диаспоры выжить и обеспечить себе «жизненное пространство» в чужеродной среде, будь то в России или любой другой стране, была в немалой мере обусловлена её сплочённостью, своеобразной, весьма эффективной организацией².

Определение места и роли тайных союзов в социально-политической жизни китайского общества тесно связано с проблемой их типологии. Цай Шаоцин в работе «История тайных обществ Китая» (1989) предлагает такую классификацию основных типов тайных обществ (хуэйданов): а) по месту их образования: сельские и городские; б) по доминирующему социальному составу: хуэйданы «рек и озёр», т. е. созданные «вольным людом» – бродягами, разбойниками и т.п.³

Западноевропейские учёные также считали тайные общества союзами низших социальных слоёв, созданными для взаимной социально-экономической поддержки, а также для реализации духовных потребностей. Канадский учёный Д. Оунби в своих фундаментальных исследованиях не только рассмотрел вопрос их возникновения, но и предложил собственную классификацию. Хуэйданов он разделил на союзы «клятвы на крови» и общества взаимной помощи. Значительную трансформацию «обществ взаимной помощи» учёный связывал с демографическими процессами в XVII веке, когда значительные массы населения Китая переселялись в другие места проживания, создавая общества взаимной поддержки, в которых могли, внося регулярный пай, в случае крайней необходимости позаимствовать необходимую сумму. Члены обществ также могли оказать помощь друг другу при столкновениях с коренным населением или другими группами мигрантов⁴.

В 1990 г. проблема типологии тайных обществ стала объектом исследования российского учёного Б. М. Новикова. В своей работе автор опирается на известную классификацию тайных союзов Китая, включающую тайные религиозные секты (цзяомэнь) и собственно тайные общества (хуэйдан)⁵.

¹ См.: Захаров Е. А. Указ. соч.

² Ларин А. Г. Китайские мигранты в России: история и современность. М.: Восточная книга, 2009. С. 112.

³ Захаров Е. А. Указ. соч. С. 51.

⁴ Там же. С. 49.

⁵ См.: Новиков Б. М. Вопросы типологии тайных обществ в Китае периода Цин // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XVI. СПб., 1992.

Авторскую типологию тайных обществ Китая предложила А. С. Костяева, которая считала, что «тайные союзы представляли собой противостоящие официальным социальным и политическим структурам организации самозащиты и взаимопомощи различных слоёв и групп китайского населения»¹. В основу классификации она положила принцип «политизированности», условно разделив общества на две крупные группы. Одна из них включала в себя организации материальной взаимопомощи и социальной самозащиты, которые изначально преследовали цель оказания помощи своим членам, лишённым постоянных средств и источников существования. В рамках решения этой задачи общества часто прибегали к противозаконным методам: мошенничеству, воровству, азартным играм, кражам и грабежам. По своим действиям они напоминали бандитские шайки, но отличались от последних большей стабильностью, традициями, «возвышенными» наименованиями, считали себя наследниками «благородных рыцарей» Средневековья. В эту же категорию входили союзы, связанные с социальной, правовой самозащитой и взаимопомощью, которые защищали интересы трудовой и малоимущей части населения. Такие объединения во многом носили узкокорпоративный, профессиональный характер и имели широкое распространение среди мигрантов.

Вторую крупную группу тайных союзов А. С. Костяева отнесла к социально-политической оппозиции. В подавляющем большинстве это были антиманьчжурские объединения, возникавшие в разное время на протяжении почти двух столетий. Помимо основной задачи – свержения цинской династии – они действовали как и организации взаимовыручки, защиты от «несправедливости» и притеснений.

Что касается социального состава тайных обществ Китая периода династии Цин, то в этом вопросе отечественные исследователи в основном солидарны с китайскими и западными синологами. По их мнению, ядро хуэйданов составляли люди низкого достатка и люмпенизированные элементы общества: бедные и разорившиеся крестьяне и ремесленники, коробейники, бродяги и разбойники, контрабандисты, солдаты, уволенные со службы, и т.п.² Каждая такая организация насчитывала от нескольких сотен до нескольких тысяч членов. В их деятельности принимали участие сотни тысяч, а в периоды максимальной активно-

¹ Костяева А. С. Тайные общества Китая в первой четверти XX века. М: Восточная литература, 1995. С. 132.

² См.: Костяева А. С. Указ. соч.; Новиков Б. М. Проблема тайных обществ (хуэйданов) периода Цин в современной историографии КНР // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Выпуск XII. Л., 1990.

сти – миллионы людей. Тайные союзы имели сложную иерархическую структуру, свой устав и ритуалы.

Касаясь причин создания этих организаций за рубежом в среде эмиграции, многие авторы отмечают, что у мигрантов-одиночек, не связанных земляческими или родственными узами, не оставалось иного выхода, кроме вступления в тайное общество, которое брало их под свою защиту. «Не только мигранты-одиночки, но и целые организации хуацяо в интересах своей безопасности и самосохранения вступали в тесный контакт с тайными обществами»¹.

Большое значение для анализа особенностей формирования китайских диаспор на территории Российской империи в конце XIX века имел статус Маньчжурии, занимавшей буферное положение между двумя странами. До 70-х годов XIX века китайцы попадали на её территорию только в составе знамённых войск или в качестве ссыльных. Между тем, с переходом левобережья р. Амур к России в середине XIX века и в соответствии с нормами международного права, должен был измениться и статус цинских подданных, проживавших на этой территории. Первоначальный российский проект Айгуньского договора (1858) предусматривал их переселение на правый берег реки в течение трёх лет. Однако глава российской делегации Н. Н. Муравьёв согласился на замену временного статуса подданных Цинской Империи на постоянный, т.е. принял решение оставить «на прежних местах их жительства, под ведением маньчжурского правительства, с тем, чтобы русские жители обид и притеснений им не делали»².

Со второй половины XIX века российские учёные начинают отсчёт формирования китайского населения в Приамурье. В отечественной исторической науке сегодня накоплен богатый опыт в освещении особенностей культуры зарубежных китайцев. Ранние фундаментальные работы были посвящены комплексным географическим исследованиям (М. И. Венюков, Н. М. Пржевальский, А. Ю. Назаров, Л. И. Шренк и др.) и в основном фиксировали наличие «манзовского населения»³, его социальный состав, места компактного проживания, а так же обозначили границы возможного соприкосновения с русскими переселенцами.

И. П. Надаров, основываясь на личных наблюдениях и накопленном материале, первым отметил, что «китайское население жило особенно своей жиз-

¹ Новиков Б. М. Проблема тайных обществ... С. 37.

² См.: Тимофеев О. А. Российско-китайские отношения в Приамурье (сер. XIX – нач. XX вв.) // URL : http://www.igpi.ru/center/lib/hist_tradit/east/china/timofeev1.html.

³ Манзы – китайское население Уссурийского края во второй половине XIX – начале XX века. Так называли, преимущественно, осёдлых китайцев, постоянно проживавших в крае на момент его присоединения к России, а в широком значении – всех уссурийских китайцев, включая сезонных охотников и мигрантов.

нию, нисколько не смешиваясь с русским населением»¹. Большинство из проживавших в крае китайцев были объединены в особое братство, члены которого обязаны были помогать друг другу во всех предприятиях и при всех обязательствах относиться друг к другу как братья.

По мнению И. П. Надарова, товарищество китайцев в Приамурье было основано на клятве – *кады*. Этот древний обычай существовал в Маньчжурии, но был запрещён в Китае. Согласно обычаю, между всеми китайцами, проживавшими в Уссурийском крае, существовало тесное взаимодействие и сотрудничество. Во многом этот принцип взаимопомощи и чёткого регулирования отношений определял организацию управления китайцами на территории Приамурья. Созданная ими система была не подконтрольна ни русскому правительству, ни правительству Китая. Весь район был разделён на особые округа, управляемые выборными окружными старшинами. Округа подразделялись на деревни, во главе которых находились выборные деревенские старосты. Один из них назначался окружным старшиной или старшим братом. Все решения по организации общественной жизни, определению цен на жизненно важные товары, судебным разбирательствам принимались во время ежегодных собраний старшин. Их постановления были обязательны для всего китайского населения, несоблюдение вело к суровым наказаниям².

Первую классификацию социального состава мигрантов с сопредельной территории предложил в своей работе известный востоковед и уполномоченный Министерства иностранных дел Российской Империи В. В. Граве в своей работе «Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье» (1912). Он выделял три категории китайских мигрантов: 1) осёдлые (купцы, торговцы, промышленники, долгосрочные арендаторы, земледельцы); 2) сезонные рабочие; 3) бродячие (хищники на золотых приисках, охотники, искатели женьшеня, спиртоносы, хунхузы и т.д.)³.

Для каждой из групп В. В. Граве определил основные причины миграции и виды деятельности в России, что позволило ему разделить коренных китайцев (промысловиков) и китайских поданных – маньчжур (земледельцев). К 1910 г. представители первой группы земледелием почти не занимались, а сосредоточились на торгово-промышленных и ремесленных занятиях. По мнению В. В. Граве, китайские предприятия, основанные на скрытой системе товарищества, име-

¹ Надаров И. П. Северо-Уссурийский край. СПб., 1887. С. 129.

² Там же. С. 65.

³ См.: Граве В. В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье // Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. 11. СПб., 1912.

ли благодаря этому ряд финансово-экономических преимуществ: 1) быстрый оборот капитала; 2) низкие ставки постоянных издержек; 3) скрытие недобросовестности продавцов; 4) ввоз контрабанды; 5) уклонение от уплаты пошлин и налогов и т.д.¹

Значительный вклад в изучение культуры «зарубежных китайцев», проживавших на территории Уссурийского края принадлежит известному исследователю российского Дальнего Востока В. К. Арсеньеву. Его научные исследования носили систематический характер, длились более 20 лет. В 1914 г. вышла в свет книга учёного «Китайцы в Уссурийском крае». Это было первое монографическое исследование, посвящённое специфике культуры локальных сообществ китайцев за рубежом. В центре внимания автора оказались вопросы истории формирования китайского населения на территории Приамурья, мест расселения, основных видов хозяйственной деятельности, традиционного уклада жизни, верований и др.

Организация управления китайцами, жившими в городах, определялась уставами разнообразных объединений, которые были больше известны русской администрации как общества взаимопомощи или торговые общества. Их уставы переводились на русский язык, но русский перевод умышленно искажался. Задачи обществ, зафиксированные в уставах, включали в себя взаимную помощь их членов друг другу, улаживание споров, содействие российским властям и полиции, защиту от разбойников, просветительскую деятельность. В действительности же общества регулировали отношения не только между своими членами.

Такие общества взаимной помощи были основаны в г. Владивостоке в 1881 г., в г. Хабаровске – в 1889 г., в г. Никольск-Уссурийске – в 1908 г. Они получили признание не только со стороны администрации Приамурского края, но и Министерства труда, торговли и земледелия сопредельной страны, что подтверждалось официальной печатью общества, присланной из Пекина. Ежегодно эти общества были обязаны направлять отчёты о проделанной работе и финансовой деятельности в это министерство. На русские учреждения такое правило не распространялось².

В городах и посёлках российского Дальнего Востока стали множиться китайские общества, носившие, как правило, названия «хуацяо шанхуэй» (китайские коммерческие или купеческие общества, торговые палаты), «хуацяо лянхэхуэй» (национальные ассоциации), «хуацяо сечжухуэй» (общества взаимопо-

¹ Там же. С. 30 – 31.

² Арсеньев В. К. Китайцы в Уссурийском крае. Хабаровск, 1914. С. 193.

мощи). Некоторые из них создавались как «генеральные ассоциации», имевшие сеть своих отделений. Разумеется, решающую роль в обществах играли торгово-промышленные группы, как наиболее просвещённые и влиятельные, однако, общества брали на себя и защиту интересов низших слоёв¹.

Все китайские торговые общества в Уссурийском крае, по мнению В. К. Арсеньева, находились в полнейшей зависимости от Шанхайского объединённого общества коммерсантов, откуда они и получали все указания. Помимо этого, «деятельность обществ взаимной помощи и всех вообще торговых ассоциаций тесно связана с политическими обществами (Гуань-и-хуй) и не ограничивается одними городами, а распространяется по всему краю, где только есть китайцы, будь то земледельцы, купцы, охотники, искатели женьшеня или промышленники на берегу моря»².

О деятельности тайных обществ российской администрации было известно немного. Благодаря В. К. Арсеньеву, официальные власти располагали уставом одного из тайных союзов, действовавших в Приамурье, – общества Гуань-и-хуй. Устав состоял из 36 правил, в основном, запретов и наказаний, регулировавших отношения членов общества друг с другом и с местным населением.

Как и в Китае, тайные союзы хуацяо, действовавшие в Уссурийском крае, отличались скрытым от непосвящённых характером деятельности, сложной многоступенчатой иерархией, определённым ритуалом посвящения, строгой дисциплиной и повиновением приказам руководящей верхушки, связывавшей их членов взаимопомощью и круговой порукой. Источниками финансирования тайных обществ являлись пожертвования имущих хуацяо и влиятельных кланов, вступительные взносы новообращённых членов (для состоятельных хуацяо они были достаточно велики), а также средства, поступавшие от контрабанды, торговли наркотиками, опикурилен и игорных домов, спекулятивных операций, рэкета и пр. Полученные различными путями и аккумулированные в руках тайных обществ немалые средства шли на содержание жизнедеятельности этих организаций и их членов.

Не очень много было известно властям и о скрытой деятельности легальных обществ. Однако повсеместно господствовало убеждение, что такая деятельность существует, и что китайские общества, будь они легальные или тайные, служат для китайских предпринимателей инструментом согласования коммерческих интересов, устранения конкуренции, установления монопольных цен.

¹ Ларин А. Г. Указ. Соч. С. 117.

² Арсеньев В. К. Указ. соч. С. 193.

В своей основе, как считал В. К. Арсеньев, сообщества зарубежных китайцев имели экономическое, политическое и культурное значение. Они объединяли значительную часть торговцев и предпринимателей не только в больших дальневосточных городах, но и небольших населённых пунктах.

В начале XX века китайские общества выбирали из своей среды правление, состоявшее из председателя, его помощника, писаря и казначея. Они имели даже свою полицию, которая следила за исполнением действовавших правил, в частности, за нарушениями в торговле. Благодаря эффективной системе управления, эти общества не только устанавливали и контролировали цены на товары, но и держали в повиновении всё китайское и инородческое население (коренные малочисленные народы) Уссурийского края. Вместе с тем, приоритетными задачами обществ взаимопомощи, по мнению исследователя, были: разбор уголовных дел, связанных с их интересами; сбор налогов, предназначенных для торгово-промышленных целей; создание противовеса русским купцам и предпринимателям в экономической борьбе¹.

Вся внутренняя жизнь китайского населения в Уссурийском крае регулировалась, по мнению учёного, специальными законами – «всеобщими оповещёнными правилами». В. К. Арсеньеву удалось получить несколько образцов таких законов, содержание статей которых в разных таёжных районах оказалось различным. В целом же это был своеобразный кодекс поведения, жёсткие нормы, во многом антигуманные, которые определяли деятельность китайцев. Любое нарушение правил строго наказывалось: «Всякий человек, пришедший в долину, хотя бы только на одни сутки, должен подчиняться всем её законам, как бы суровы они ни были»².

В. К. Арсеньев стал первым исследователем, проанализировавшим деятельность и организацию жизни не только законопослушных китайцев, но и разбойников-хунхузов в Уссурийском крае. Он разделил последних на две категории: 1) местные шайки; 2) шайки, приходившие из Маньчжурии – и пришёл к выводу, что китайская преступность носила организованный характер. Тем не менее, социальный состав хунхузов, по его мнению, был нерегулярным и неоднородным. Охотник, собиратель женьшеня, любой китаец, занимавшийся промыслом в Уссурийской тайге, мог на какой-то период стать членом преступного сообщества, а потом так же легко выйти из него.

¹ Там же. С. 191.

² Там же. С. 175.

Для борьбы с хунхузами в 1880 г. в Уссурийском крае была организована китайская охотничья дружина «пао-тоу», которая действовала на значительной территории побережья от залива Святого Владимира (ныне залив Владимира) до р. Кусун¹. Просуществовала эта дружина до 1907 г. Возглавлял её начальник, избравшийся из числа самих охотников. Новые члены принимались решением общего собрания, и стать ими могли только лица, известные своей честностью, храбростью и имевшие обязательное поручительство от товарищей. Действовала дружина, по мнению В. К. Арсеньева, на основании древнего закона «Кровь за кровь» и правила «Око за око».

Исследователь предположил, что вся деятельность разнообразных китайских обществ, как легальных, так нелегальных и криминальных, была централизована, имела связь с метрополией и координировалась оттуда. Изучение современными российскими учеными архивных материалов рубежа XIX – XX веков, хранящихся в Китае, подтвердило эти выводы².

Помимо разнообразных неформальных тесных связей друг с другом, в том числе, деловых, китайцы, проживавшие в России, повсеместно объединялись в общества, служившие опорой их самоуправления. Российская администрация, ощущавшая собственную слабость, нуждалась в таких китайских национальных организациях как вспомогательных органах управления китайским населением. В то же время она смотрела на эти организации с подозрением, как источник альтернативной теневой власти в крае. Её отношение к китайским обществам было двойственным, и, пробуя разные варианты, она то разрешала их открывать, ограничивая при этом деятельность достаточно узкими рамками, то запрещала³.

Таким образом, различные китайские сообщества, как традиционные семейно-клановые и ремесленные, так и тайные, на протяжении последних трёх веков оказывали значительное влияние на все сферы китайского общества, в том числе его зарубежные анклавы. За рубежом они часто носили смешанный характер и имели признаки как традиционных, так и тайных объединений. В Уссурийском крае на рубеже XIX – XX веков, по утверждению В. К. Арсеньева, «эти ответвления вырабатывают свои правила, обязательные для всех, живущих в данной местности и играют крупную роль в общественной жизни уссурийских манз, далеко заходя за пределы взаимопомощи и торговли. В нужный момент эти организации объединяются в совместной работе и... выступают как компактная сила»⁴.

¹ Река Кусун – Максимовка, впадает в Японское море.

² Ларин А. Г. Указ. соч. С. 59.

³ Там же. С. 115.

⁴ Арсеньев В. К. Указ. соч. С. 176.

Особое внимание современных исследователей этого вопроса привлекает изучение специфики деятельности тайных китайских обществ, их организационной структуры и социального состава. Продолжительное время деятельность таких социальных объединений рассматривалась в сугубо негативном ключе, как проявление, в целом, отрицательных процессов в социальной жизни Китая и в меньшей мере как инструмент социально-политической и, главное, экономической борьбы китайского населения. Как представляется, последний аспект нуждается в дальнейшем изучении и ждёт своих исследователей.

Е. С. Скрабневская

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ОКРАИНЫ РОССИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ (XIX – начало XX века)

Общественные власти дореволюционной России среди первоочередных задач всегда ставили проблему социальной защиты наиболее обездоленных слоёв общества, и благодаря их стараниям благотворительность имела значительные масштабы и была разнообразнее, чем в настоящее время. Существенную помощь оказывали и частные лица, выделявшие необходимые средства для финансирования программ социального обеспечения. В представленной статье раскрываются основные направления по организации благотворительной деятельности в дальневосточных городах Российской империи.

В рамках своих полномочий, предоставленных российским законодательством, органы местного самоуправления принимали различные меры по обеспечению нуждавшихся в помощи: неимущих, престарелых, а также малолетних детей. Наиболее распространённой формой стали попечительства о бедных. Лидером в этом направлении была Москва, которая во многих отношениях опережала другие города страны в деле организации помощи неимущим и служила образцом нового подхода к разрешению острых социальных проблем. Первые попечительства в городе были созданы по ходатайству Московской думы в конце 1894 г. Собираемые ими средства стали основным источником финансирования социальной сферы. Отдельные пожертвования от частных лиц составляли более 400 тыс. руб., что сопоставимо с размером бюджета какого-либо дальневосточ-

ного города (например, городской бюджет Хабаровска на 1909 г. был определён в сумме 417 875 руб.)¹.

Министр внутренних дел И. Л. Горемыкин признал московский опыт весьма полезным и в марте 1899 г. разослал представителям администрации циркуляр, в котором подчёркивалось, что для развития призрения нуждающихся необходимо участие как можно большего числа местных деятелей. Министр просил местные администрации оказывать содействие общественным управлениям в организации попечительств, в качестве нормативной базы в циркуляре были даны примерные правила о городских попечительствах². На основании полученных рекомендаций городские власти создавали при управах свои структуры по призрению бедных, разрабатывали для них соответствующие документы. Так, во Владивостоке дума сформировала специальную комиссию и к сентябрю 1910 г. разработала для неё специальную «Инструкцию Владивостокской городской комиссии по призрению бедных», в которой подчёркивалось, что комиссия, учреждённая на основании ст. 103 Городового положения, являлась одним из органов городского самоуправления, непосредственно подчинявшимся городской думе и действовавшим по её постановлениям³ (организация и деятельность комиссии подробно рассмотрены в коллективной работе «Местное самоуправление на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX в. Очерки истории»⁴).

Городские комиссии организовывали попечение о бедных, призревали их по необходимости, оказывали им материальную поддержку, для чего привлекали средства частных лиц и различных обществ, изыскивали их, эксплуатируя доходные сооружения, предоставляемые городскими властями, производили сборы по подписным листам и в кружки. С той же целью комиссии устраивали спектакли, концерты, литературные вечера, балы, маскарады, лотереи-аллегри и т. п.

Для реализации задач попечения о бедных в городах создавались «ночлежные» и «работные» дома, дешёвые квартиры, столовые, богадельни, амбулатории, детские сады, ясли и приюты, бесплатные библиотеки, читальни и т. п., а также нуждавшимся выделяли материальную помощь в виде пособий, ссуд, сти-

¹ Приамурские ведомости. 1908, 23 декабря.

² Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 28. Оп. 1. Д. 206. ЛЛ. 32, 32об, 33.

³ Там же. Д. 371. Л. 74.

⁴ Сергеев О. И., Лазарева С. И., Тригуб Г. Я. Местное самоуправление на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX в. Очерки истории. Владивосток, 2002. С. 212 – 215.

пендий, пенсий и пр. На комиссии возлагалась и обязанность поиска работы для безработных. В случае, если трудоустройство оказывалось невозможным, общественное управление формировало из нуждавшихся рабочие артели для выполнения работ, оплачиваемых из средств городского бюджета¹. В случае необходимости комиссии учреждали в каждом районе города участковые районные попечительства, обязанности которых состояли в сборе членских взносов и пожертвований, привлечении новых лиц к благотворительности, сборе информации о неимущих и наблюдении за призреваемыми.

Помощь, предоставляемая участковыми попечительствами, была временной либо постоянной. Временная помощь оказывалась взрослому трудоспособному населению и состояла в обеспечении нуждавшихся жильём, продуктами, одеждой, топливом или деньгам и пр. до тех пор, пока призреваемый не находил постоянного источника доходов. К этому виду помощи также относилось лечение бедняков на дому или помещение их в больницу.

Малолетние дети, старики и иные лица, не способные позаботиться о себе, нуждались в постоянной помощи. Для обеспечения этих людей необходимыми жизненными условиями их помещали в специализированные заведения или назначали постоянные пособия.

Нуждавшиеся могли рассчитывать на помощь только по постановлению попечительств после предоставления необходимых справок и личного подтверждения одного из попечителей. При этом лицам, которые уже находились на попечении различных обществ и учреждений, город оказывал лишь временную помощь за счёт опекавших их организаций. При выявлении наличия родственников у лица, претендовавшего на помощь, попечители обращались к ним с увещеванием принять на себя заботу о нуждавшемся родственнике или с предложением возмещать городские расходы на его содержание.

В соответствии с российскими законами попечительства получили право при составлении протоколов обращаться за помощью к полиции. Со своей стороны полицейские чины могли обращать внимание попечительства на «обнаруженные полицией случаи нужды, требующие безотлагательной помощи»².

В соответствии с Примерными правилами о городских попечительствах право непосредственно участвовать в заведывании делами по призрению бедных

¹ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 371. ЛЛ. 74, 74об., 75.

² Там же. Л. 77.

в качестве участковых попечителей и членов городского и участкового попечительств было предоставлено только избирателям. Но поскольку отдельные, не имевшие права голоса, благотворители жертвовали значительные средства и хотели контролировать их распределение, вопрос о предоставлении таким лицам права участия и голоса в заседаниях попечительств был решён правительством положительно: письмом управлявшего отделом городского хозяйства Главного Управления по делам местного хозяйства Соковнина от 16 марта 1905 г. участвовать в попечительстве было разрешено всем, независимо от пола и наличия избирательного права¹.

По итогам года участковые попечительства представляли отчёты городским комиссиям по призрению бедных. Комиссии, собрав воедино отчёты всех участковых попечительств, составляли свой отчёт для Городских управ, а последние через губернаторов представляли полный годовой отчет о деятельности городских самоуправлений по общественному призрению в Министерство внутренних дел.

Значительную поддержку городским учреждениям в деле попечения оказали благотворительные общества, образованные в городах Дальнего Востока: во Владивостоке – в 1876 г., Благовещенске – в 1886 г., Хабаровске – в 1890 г., Николаевске-на-Амуре – в 1898 г., Никольске-Уссурийском – в 1901 г. К 1917 г. на дальневосточной окраине России действовало более 40 благотворительных обществ. Их деятельность, результатом которой стало открытие богаделен, приютов, школ, ночлежных домов и др., способствовала сглаживанию социальных противоречий, в некоторой степени смягчала или предотвращала социальные конфликты².

Благотворительные общества действовали в тесном контакте с городскими властями. Городские самоуправления предоставляли участки земли, здания для размещения приютов, школ или богаделен, как правило, безвозмездно, частично оплачивали содержание в них призреваемых, одарённым воспитанникам назначали стипендию, чтобы они могли продолжать учиться. В Алексеевске последовательно – в 1912, 1913 и 1914 гг. были открыты три детских приюта: переселенческий на 100 детей, железнодорожный – для сирот железнодорожных служащих на 25 детей и приют общества вспомоществования нуждающимся пересе-

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1288. Оп 5. Д. 3. Л. 39 – 40.

² РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 371. Л. 77 – 80; Обзор Приморской области за 1906 год. Владивосток, 1907. С. 36, 57.

ленцам на 40 детей¹. Городские власти Верхнеудинска во второй половине XIX в. среди различных благотворительных учреждений содержали особый приют для детей арестантов².

Особое внимание городские думы уделяли обществам и комитетам, призревавшим детей, чьи родители были призваны в армию или погибли во время военных действий. В Благовещенске в апреле 1904 г. при активном участии городского самоуправления Комитет по призрению нижних чинов войск открыл приют для детей-сирот запасных нижних чинов. Город не только выделил помещение для приюта, но и взял на себя расходы на отопление³.

Городские власти содействовали благотворительным обществам и при открытии благотворительных заведений для взрослых. На содержание ночлежек, богаделен, приютов думы выделяли единовременные и постоянные пособия. В 1890-х годах содержание 15 мужчин и 5 женщин в богадельне Николаевска-на-Амуре частично оплачивалось из городских средств. Лечебно-благотворительное общество Благовещенска, созданное в 1886 г., при поддержке городского самоуправления содержало больницу для бедных, две амбулатории, аптеку, богадельню для стариков и инвалидов. Обществу регулярно оказывалась материальная помощь со стороны городских властей. Например, в 1907 г. на общественные богадельни было выделено 3 494,03 руб., в 1908 г. – 6 040 руб., в 1909 г. – 7 324 руб., на детский приют лечебно-благотворительного общества – 1 566 руб., 1 500 руб. и 1 620 руб., соответственно⁴.

В Благовещенске в начале XX века на городские средства открыли ночлежный дом, постояльцы которого с 1909 г. в связи с «бедностью лиц, пользующихся приютом в ночлежном доме и незначительностью сбора» освобождались от платы за ночлег, хотя содержание ночлежки в том же году обошлось городу в 1 497,25 руб.⁵

Благотворительным комитетом в Хабаровке в феврале 1890 г. был создан приют для беспризорных и детей неимущих родителей, получивший название Ольгинского. В 1894 г. городская дума отвела участок на пересечении улиц Ба-

¹ РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. Д. 133. Л. 64.

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 48. Д. 1271. Л. 49; Ф. 1290. Оп. 4. Д. 31. Л. 30.

³ Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф. 8-и. Оп. 1. Д. 116. Л. 20 – 28.

⁴ РГИА. Ф. 1288. Оп. 7. Д. 407. Л. 55об. – 56.

⁵ ГААО. Ф. 8-и. Оп. 1. Д. 116. Л. 20 – 25; РГИА. Ф. 1288. Оп. 7. Д. 407. Л. 9, 55об. – 56.

рановской и Барабашевской под строительство отдельного здания приюта, а несколько позднее – второго для школы приюта¹. В январе 1896 г. Хабаровская дума постановила открыть в городе ночлежный дом, а в сентябре 1896 г. гласные приняли решение предоставлять ночлег в устроенном доме неимущим бесплатно, а работавшим за 3 – 5 коп. за ночь. На ноябрьском заседании 1897 г. при подведении итогов работы ночлежного дома, гласные пришли к выводу, что люди находились в нём не только ночью, но и днем, поскольку из-за отсутствия тёплой одежды не могли выходить на улицу. На том же заседании постановили учредить за счёт городских средств должность сторожа, который следил бы за порядком в ночлежном доме, наблюдал за чистотой, а также за тем, чтобы ночлежники не устраивали карточных игр. Инструкция для ночлежного дома, утверждённая Хабаровской думой в мае 1907 г., установила стоимость входного билета в 5 коп., лишила права ночлега лиц в алкогольном опьянении, а за порядком в ночлежке, кроме городского смотрителя, обязала отвечать городского².

Ночлежные дома, как способ заботы о бездомном городском населении, были распространённым явлением для городов России, но в начале XX в. они существовали лишь в 212 городах. 17 губернских городов не могли предоставить беднейшему населению никакого пристанища на ночь³. На общероссийском фоне города Дальнего Востока в деле создания временного жилья для нуждавшихся выглядели предпочтительнее. Городские власти быстрее, чем в центральных регионах России реагировали на возрастающие потребности населения, и в начале XX века ночлежные дома существовали во всех дальневосточных городах.

Активно участвовали в благотворительности и дальневосточные предприниматели, хотя их возможности для этого были несоразмерны с возможностями богачей европейской России. Так, за счёт частных средств в 1841 г. была основана Троицкосавская общественная богадельня на 15 чел. Поскольку городского пособия в 300 руб. не хватало для обеспечения призреваемых, пожертвования частных лиц, ежегодно поступающих к праздникам Св. Пасхи и Рождества Христова, проценты от капиталов, пожертвованных разными благотворителями, позволили в последующем не только сохранить богадельню, но и расширить её. К концу столетия в богадельне проживало около 30 чел. В 1894 г. в соответствии

¹ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 849. Оп. 1. Д. 89. Л. 5. Д. 108. Л. 23.

² ГАХК. Д. 75. Л. 37, 38; Приамурские ведомости. 1907, 31 мая.

³ Фойгт А. Социальные утопии. СПб., 1906. С. 98 – 99.

с уставом, составленным городской думой, богадельня приобрела статус юридического лица¹. В том же Троицкосавске в сиропитательно-ремесленной школе, за счёт капитала в 78 200 руб., пожертвованного А. А. Немчиновым, 27 мальчиков обучались столярному, сапожному и портняжному ремёслам².

Сложнее всего благотворительная деятельность выстраивалась на Сахалине, четверть населения которого составляли лица, осуждённые за различные преступления. На острове существовали всего два благотворительных учреждения: сахалинское отделение общества попечения о семьях ссыльно-каторжных под покровительством императрицы Марии Фёдоровны, обеспечивавшее детей из семей ссыльных, и общество пособия бедным, которое, несмотря на крайне ограниченные средства, выдавало ссуды и пособия беднякам и уезжавшим с острова, а также содержало дешёвую столовую в Александровском посту³.

Как отмечал в своих отчётах за 1900 и 1901 гг. военный губернатор генерал-лейтенант Ляпунов на острове по причине отсутствия органов местного самоуправления, сельских, посадских обществ, «внутренний быт как внетюремного ссыльного, так и свободного населения острова никакими законоположениями не организован»⁴. Из-за отсутствия учреждений, способных принять на себя заботу о неимущих, престарелых, увечных, хронически больных и проч., а также по причине отсутствия ассигнований из казны на нужды призрения, все расходы осуществлялись за счёт тюремных кредитов, а сами богадельщики (1900 г. – 548 чел., 1901 г. – 827 чел.) содержались в зданиях упразднённых тюрем. Специализированную богадельню было решено учредить только 1 июля 1901 г. В том же году в Александровском посту под покровительством Министерства финансов открылся дом трудолюбия, который обеспечивал заработок самым необеспеченным и «непривычным к работе» слоям населения⁵.

В военное время забота о нуждавшихся становилась особенно актуальной, поскольку значительная часть семей оставалась без кормильцев. Помощь, которая оказывалась семьям запасных и нижних чинов, призванных в армию, проанализирована в работах И. А. Горбуновой⁶. Можно согласиться с её выводами,

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 48. Д. 1271. Л. 194.

² Там же. Л. 192об.

³ РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 35. Л. 188об.

⁴ Там же. Л. 183, 187об.

⁵ Там же. Л. 188.

⁶ Горбунова И. А. Становление общественного призрения на Дальнем Востоке России (1884 – февраль 1917 гг.). Дисс. на соискание учёной степени канд. истор. наук. Хабаровск: ДВАГС, 2003; Горбунова И. А. О социальной обустроенности населения Приамурского генерал-губернаторства в конце XIX – начале XX вв. // Материалы регион. науч.-практ. конф. «Дальний Во-

что социальная помощь нуждавшимся (в первую очередь, призрение бедных) была поставлена в городах на продуманных основаниях, учитывавших возможности города и частных лиц, что, несомненно, облегчило жизнь беднейшим слоям. Но эта помощь была явно недостаточной, она распространялась не на всех нуждавшихся, не носила систематического характера, и зачастую финансировалась по остаточному принципу, что подтверждается суммами, заложенными в «бюджетные росписи»¹.

После массовых мобилизаций Первой мировой войны городские самоуправления взяли на себя заботу о детях, поскольку значительное число их осталось «без всякого призора». В 1914 г. только в Приморской области было выявлено 36 беспризорных детей, в том числе во Владивостоке – 6, в Никольске-Уссурийском – 5. Все они были размещены в детские приюты, ясли, ремесленные и общеобразовательные учреждения, освобождены от платы за обучение, обеспечены учебными пособиями и одеждой².

Городские самоуправления всячески содействовали работе Российского общества красного креста (РОКК), особенно в годы Русско-японской войны. Городская дума Благовещенска регулярно перечисляла единовременные ссуды временному лазарету, открытому отделом РОКК в июне 1904 г. Власти Владивостока выделили под лазарет Красного креста Елизаветинской общины новое здание женской гимназии на улице Пушкинской. С началом Первой мировой войны городские власти способствовали организации активной работы местных отделений РОКК, общин сестер милосердия по оказанию помощи фронту, больным и раненым воинам, эвакуированным гражданам. Общественность Алексеевска в 1915 г. образовала товарищество, поддержавшее горожан, не имевших средств для завершения строительства своих домов, а также мобилизованных, имущество которых осталось без присмотра. Усилиями этой организации несколько десятков человек были спасены от разорения³.

Даже революционные потрясения не остановили благотворительности. Напротив, одним из первых распоряжений Временного правительства, закреп-

сток России: исторический опыт и современные проблемы заселения и освоения территории Хабаровского края». Хабаровск, 2001. Ч. 1. С. 66 – 68.

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 223 Д. 130 Л. 34.

² Иконникова Т. Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999. С. 202.

³ РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. Д. 133. Л. 63 об.

лённым Постановлением об изменении Положения о губернских и уездных земских учреждениях, к предметам ведения органов местного самоуправления были отнесены «оказание пособий нуждающемуся населению, заведывание земскими лечебными и благотворительными заведениями, попечение о призрении бедных, неизлечимо больных и умалишённых, а также сирых и увечных, устройство попечительств о бедных»¹.

В дальневосточном регионе благотворительность осуществлялась по тем же направлениям, что и в европейской России, но имела некоторые отличия, обусловленные особенностями далёкой окраины: малонаселённостью, пограничным положением, колониальным характером экономики и т.д. Во всех благотворительных мероприятиях значительную роль играли органы местного самоуправления, которые организовывали работы и заведения для оказания помощи, изыскивали необходимые финансовые средства, координировали деятельность различных благотворительных учреждений и обществ. Если в европейской части России благотворительность существовала, в основном, благодаря филантропической деятельности отдельных лиц и организаций, то на Дальнем Востоке она возникла и развивалась как результат высокой сознательности общества, формировавшегося в дальневосточных поселениях в конце XIX – начале XX века.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1788. Оп. 3. Д. 5. Л. 1об. – 2об.

Часть 2

Философия, культурология

Г. М. Конобеев

ДУХОВНЫЙ КРИЗИС РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

При рассмотрении любого кризиса современного общества действия (или бездействие) власти, её культурная и социальная политика неизбежно оказываются в центре внимания. Подлежат анализу действия политического режима в процессах назревания, развёртывания и преодоления кризиса, поскольку именно властные полномочия позволяют мобилизовать ресурсы и усилия общества в том или ином направлении. При этом гораздо меньше внимания обращается на человеческую и личностную сторону кризиса, хотя именно она составляет ядро культурно-исторического процесса.

Судя по публикациям и высказываниям многих политиков и обществоведов, перманентный кризис характеризует российское общество на протяжении всего XX века и, успешно преодолев рубеж столетия и тысячелетия, перекочевал в век XXI. Его причины и пути преодоления обсуждаются бесконечно, но не дают результатов. Он не преодолевается, а по временам то обостряется, то «сглаживается».

В существующей ситуации, на наш взгляд, прежде чем говорить о причинах кризиса и анализировать пути и средства его преодоления, необходимо определиться с рядом вопросов: что называют, и чем характеризуется российский кризис; как понятие кризиса соотносится с другой «весомой» категорией социально-гуманитарного знания – конфликтом; не является ли «кризисное развитие» (развитие через непреодолимые кризисы) нормой существования российского и подобных ему типов обществ? И последний вопрос: может быть, определение состояния российского общества как кризисного, отвечает интересам и просто выгодно определённым социальным силам и организациям?

Кризис духовный и социокультурный

Кризис (греч. κρίσις – решение, поворотный пункт) в философии и социально-гуманитарных областях знания определяется как переворот, перелом, пора переходного состояния, при котором существующие средства достижения целей становятся неадекватными, в результате чего возникают непредсказуемые ситуации и проблемы. Кризис в развитии общества, социальных общностей и личности осмысливается как следствие или этап противостояния, борьбы, конфликта внутренних сил и внешних воздействий на развивающуюся во времени, самоорганизующуюся систему.

С позиции синергетики, кризис представляет собой точку бифуркации, в которой развитие самоорганизующихся систем приостанавливается, как бы ожидая некоего труднопредсказуемого энергетического или информационного толчка, который задаст новую программу и траекторию движению и самореализации системы. Кризис как точка бифуркации «отрицает» логику и детерминанты предшествующего развития и ожидает новой логики и новых детерминант.

В социальных системах возникновение точек бифуркации, как и развитие системы в целом, опосредствуется человеческой деятельностью, а значит – той или иной степенью их опосредствования разумом и волей человека, за которыми стоит личностное начало, поскольку только личность, а не толпа или аудитория способна к целенаправленной сознательной деятельности в соответствии с вызовами времени и имеющимися ресурсами жизнедеятельности.

Соотношение кризиса *духовного* и *социокультурного* есть соотношение образующих их социальных начал – духовности, с одной стороны, и социокультурной сферы (общества в целом), с другой. Анализ этих феноменов позволяет утверждать, что *первоосновой социокультурного кризиса выступает кризис духовный*. Это определяется местом духовности в культуре, в развитии человека и общества, тем, что всякая деятельность подготавливается и обеспечивается духовным трудом общества и человека. Как нами было отмечено в предыдущих публикациях, культура в своём историческом развитии воплощается в трёх основных направлениях: создании материализованных ценностей, формировании общественных отношений и развитии самого человека как социального субъекта. Последнее направление является главным, ключевым, обеспечивающим прогресс в развитии всех других направлений и сфер жизнедеятельности общества¹.

¹ См.: Конобеев Г. М. Духовный труд личности: феномен, содержание, направленность // DIXI-2010... С. 50, 58 – 90.

Сегодня, несмотря на научно-технический и хозяйственно-экономический прогресс, человечество переживает системный, всепроникающий кризис, причина которого – кризис духовный, кризис внутренней опустошенности и подмены в функционировании и развитии общества человеческих ценностей и смыслов на недо- или противочеловеческие, как это в наиболее острой и трагической форме происходило в нацистской Германии, и в большевистской России (СССР).

Современное человечество, как отмечают исследователи, находится сегодня дальше от счастливого и беззаботного будущего, чем когда-либо прежде. Сотни миллионов людей на планете умирают от голода и болезней, которые легко можно было бы устранить с помощью миллиардов долларов, ежегодно затрачиваемых на безумие гонки вооружений. Величайшие достижения науки: атомная энергия, кибернетика, освоение космического пространства, электроника, лазеры, компьютеры, химия и бактериология – обращены, прежде всего, на военные цели, грозящие невообразимыми разрушительными последствиями по вполне правдоподобным сценариям конца света, от постепенного разрушения окружающей среды до внезапного и мгновенного опустошения в ядерной катастрофе.

Среди наиболее деструктивных аспектов человеческой психики и поведения современников выделяются злобная агрессивность и безудержное стяжательство. Именно эти силы ответственны за неконтролируемый рост расходов на военные нужды. Они же препятствуют более справедливому распределению ресурсов среди индивидов, классов и наций, равно как и переориентации на экологические приоритеты, необходимой для продолжения жизни на нашей планете. Эти разрушительные и саморазрушительные элементы сегодняшнего человеческого существования отражают отчуждение современного человечества от самого себя, от духовной жизни и её подлинно человеческих ценностей.

Кризис личности и кризис общества

Системный кризис общества есть, прежде всего, кризис человека, кризис социальной субъектности. Если личность определить как отдельного человека, субъекта социальной жизнедеятельности и духовного труда, то данный вывод представляется вполне очевидным.

Кризис личности есть кризис её способности осуществлять социально значимый духовный труд. Виды и своеобразие форм духовного труда личности и других социальных субъектов также описаны нами в предыдущей статье¹, где

¹ См.: Там же. С. 64 – 73.

подчёркивалось, что духовная лень и бездеятельность – не только мать всех пороков, как учили древние, но и главное выражение и причина процесса *некрофиллизации* общества, то есть его деградации и омертвления¹.

Кризис личности – это неспособность общества и индивида сформировать целостную сильную личность, сохранить и развить её познавательно-творческое начало в перипетиях социальных конфликтов и проблем.

Феномен и черты сильной личности

Согласно позиции канадского психолога и социального мыслителя П. Вайнцвейга², сила личности – это синоним мудрости, опыта, добытого сердцем и увенчанного интеллектом, синтез ума, сердца, физического здоровья и воли. Сила личности, в первую очередь, это любовь, творчество и мудрость, а также свобода оставаться самим собой в самых различных ситуациях. Эта сила не даётся просто так, она не может быть привнесена извне, её можно обрести лишь собственными усилиями, собирая по кирпичикам из каждодневного опыта. Одно безответственное слово, мимолётное чувство, непродуманное действие может подчас вызвать негативный поток, который разрушит гору творческих возможностей, созданную из мелких «камешков» смелых мыслей и деяний.

По утверждению П. Вайнцвейга, сила личности является одновременно и условием и целью достойного существования человека в этом мире, полном противоречий, соблазнов и иллюзий, она – единственный гарант подлинной свободы и независимости. Сила личности стоит на четырёх «китах»: 1) желании преодолевать трудности; 2) самоконтроле; 3) гармонии и 4) идеализме.

Рассмотрение этих черт-признаков сильной личности, на наш взгляд, позволит ответить на вопрос: почему в российской политике нет сильных личностей демократического типа?

Желание и готовность преодолевать трудности – основа силы личности. Согласно позиции автора, тот, кто не борется, никогда не познает меру своей силы. Ни мужчина, ни женщина без жизненных испытаний не сумеют поверить в свои творческие возможности.

Для творческого проявления личности *гармония* имеет такое же значение, как смазка для движущегося механизма. Она – «мост от сердца к разуму»³, свое-

¹ См.: Там же. С. 75 – 90.

² См.: Вайнцвейг П. Десять заповедей творческой личности. М., 1990.

³ Там же. С. 30.

образный посредник между центрами нашего рационального сознания и духовности. Гармония значительно усиливает творческий потенциал, главным образом, потому, что позволяет личности кооперировать свою энергию с энергией других людей. Гармония понимается П. Вайнцвейгом как золотая середина между противоборством и покорностью. Решительным быть не трудно, труднее быть решительным и гибким одновременно. Так же трудно быть одновременно настойчивым и уступчивым. Гармония как баланс противоположного, отмечает П. Вайнцвейг, несёт в себе огромное напряжение и поэтому – колоссальную мощь.

По П. Вайнцвейгу, гармония включает в себя уравновешенность, красоту, грацию и единение. Главная среди них – *уравновешенность* (мера). Равновесие зиждется на умеренности, золотой середине. Неумеренность многих достоинств нередко превращает их в пороки. Отсюда берёт начало фанатизм – основной разрушитель принципа гармонии. Так, чрезмерность в осторожности превращается в трусость, терпении – в пассивность, проявлении воли – в упрямство, сострадании – в унижительную жалость, сентиментальность и всепрощение.

Под *идеализмом* П. Вайнцвейг понимает высокие духовные ценности и цели, противостоящие безверию, опустошённости, цинизму. «Корень слова “идеализм”, – пишет автор, – “идея”, и именно идеи придают очертания истории. Идеи – основной источник энергии творческой личности»¹.

По сути дела, идеализм – это и есть феномен позитивной или биофильской человеческой духовности, поскольку *идея*, по нашему представлению, есть «квант», элементарная единица фундамента человеческой духовности.

По справедливому суждению канадского учёного, «у человека или даже народа, не наделённого в достаточной мере идеализмом, как правило, отсутствуют и жизненные принципы, и стимулы для борьбы за существование»². Всё это как будто специально написано автором об изверившемся российском народе, в значительной мере утратившем вследствие некрофилизации культуры и общества свою духовность и бесплодно ищущем объединяющую общество национальную идею.

Идеал, по П. Вайнцвейгу, – это идея, преобразованная в мощный энергетический заряд, направляющий творческую энергию личности к будущему. Поэтому идеализм для автора – это не пустые мечтания, а творческое участие в реальных событиях. Чего ещё, кроме самосохранения, можно пожелать сегодня российской интеллигенции и российскому народу в целом?

¹ Там же. С. 57.

² Там же. С. 60.

Эгоизм и «самоинтересованность», как справедливо подчёркивает автор концепции сильной личности, ограничивают её силу. Узость интересов, меркантильность большинства людей мешают им воспринимать те великие идеи, которые питают творческую личность. Для эгоизма характерна приверженность укоренившимся принципам и общепринятым догматам, закостенелым мыслям и чувствам. Изжить эгоизм можно только любовью и разумным отношением к своим интересам. Добавим к этому: насколько эгоизм *тормозит* развитие силы личности, настолько альтруизм *ускоряет* его.

Цинизм, как утверждает П. Вайнцвейг, – это защитная реакция труса, который боится обнаружить собственную ущербность и которому не достаёт храбрости для приобретения убеждённости. Ничто, по мнению автора, так наглядно не демонстрирует отсутствие силы личности, как цинизм с присущим ему пренебрежительным отношением к идеям.

Из различных слоёв современного российского общества наибольшим цинизмом, несомненно, обладает политическая элита. По этому свойству, как и по другим, предложенным П. Вайнцвейгом показателям, можно судить о силе личности у представителей нашего управленческого слоя или класса. Не надо быть очень наблюдательным, чтобы сделать вывод о том, что этой силы личности у них просто нет, они её не ценят как идеал и не формируют как социально-психологическое качество ни в себе, ни в других. Силу личности неонаomenclатура заменяет силой корпоративной солидарности, попросту говоря, круговой порукой и утвердившимися ещё в сталинский период внутриэлитными нормами и принципами жизнедеятельности. Договариваться друг с другом «аппаратчикам» всегда было важнее, чем находить общий язык с народом.

Анализируя востребованный обществом и временем идеал сильной личности, уместно задаться вопросом: почему самосознание современного человека в его основной массе остановилось на примитивном, индивидуально-потребительском, безответственном уровне миропонимания и мироотношения? На наш взгляд, потому что *тормозится, консервируется и закрывается духовный труд эволюционно формирующейся личности* как обществом, не выработавшем соответствующие демократические формы самоорганизации и тяготеющем к управлению с помощью насилия и обмана, не готовым осуществлять управление автономной, самодостаточной, критически мыслящей и высоко организованной личностью, так и самой личностью, довольствующейся потребительским образом мысли и жизни, отягощённой невежеством и ленью.

Вместо того, чтобы вытаскивать друг друга из болота потребительски-безответственного прозябания, современные общество и личность сдерживают взаимное развитие и самоорганизацию, культивируя инстинктивно-двигательные потребности и блокируя пути и формы одухотворённой деятельности и давно открытые формы духовного труда.

Кризис личности в широких слоях населения тех или иных стран и человечества, в целом, представляет собой остановку в развитии, бифуркацию на пути личностного роста и сознательного саморазвития человека. Это кризис в осуществлении дальнейшей эволюции самосознания на пути формирования субъект-субъектного мироотношения, «личностного» и «планетарного» подуровней самосознания¹.

Кризис и конфликт

Анализ и соотнесение понятий и феноменов кризиса и конфликта позволяет утверждать их тесную взаимосвязь. Одно порождает или, при определённых условиях, может порождать другое. Социальные конфликты (особенно в России, где уровни конфликтологической и управленческой культуры, в целом, крайне низки) нередко приводят к кризисам. С другой стороны, кризисы, независимо от их причин, порождают социальные конфликты различного типа и качества.

Конфликт определяется в сфере философии и социально-гуманитарных наук как открытое или скрываемое противодействие, борьба, столкновение сторон или субъектов, разделяемых ценностями, целями, интересами или занимаемыми политическими или мировоззренческими позициями.

Подходы к исследованию кризиса, как и конфликта, могут быть различными и зависят от занимаемой аналитиком позиции. В современном социологическом дискурсе по отношению к конфликту и кризису выделяют: 1) структурно-функциональный подход, оценивающий конфликт и, соответственно, кризис как дисфункцию в функционировании и развитии системы; 2) конфликтологический подход, в противоположность первому, воспринимающий конфликт и кризис как неизбежные способы существования и развития систем и требующий разумного вмешательства управляющей подсистемы в конфликтную ситуацию и протекание кризиса.

¹ О трёх уровнях или ступенях эволюции сознания человечества и подуровнях ступени самосознания см.: Конобеев Г. М. Философия в эпоху глобализации и кризиса // DIXI – 2012... С. 64 – 68.

С позиции конфликтологического подхода кризис не только неизбежен, он желателен, поскольку вскрывает внутренние противоречия в развитии системы, соотношение сил борющихся сторон. Однако бездействие управляющих или их некомпетентное вмешательство в конфликт ведут не к развитию, а к деградации системы. Кризис в этом случае превращается в развал, чего, по существу, и опасаются сторонники структурно-функционального подхода.

Как правило, кризис и конфликт выступают следствиями борьбы противоположностей – внутренних сил системы, получающих стимулы как изнутри неё, так и извне. Кризис в этом случае во всей полноте выявляет скрытые конфликты и диспропорции в развитии системы. Кризис социальных систем и образований общества, социальной общности, личности, хотя и проявляется по-разному, но всегда обретает форму конфликта (внутреннего или внешнего) и нуждается для своего разрешения в этом воплощении.

Ввиду всего сказанного, возникает необходимость приложения междисциплинарного конфликтологического подхода к анализу кризисов вообще и кризиса российского общества, в частности. Что мы и сделаем, рассматривая кризис российского общества на самом обобщённом уровне – уровне российского этноценоза.

Раскол этноценоза как выражение кризиса

Фундаментом всякой цивилизации и цивилизационного развития стран и народов, на наш взгляд, выступает *этноценоз* – сложившееся на территории проживания того или иного этноса жизнеутверждающее системообразующее единство народонаселения (этноса), природно-географической среды его формирования и обитания и созданной им культурно-национальной почвы – общенациональной культуры, ставшей для этноса «второй природой»¹. Этноценоз представляет собой наиболее крупную, устойчивую (до определённых пределов) структурную единицу жизнедеятельности человека и человечества, не представляющего сегодня, как и прежде, прочного единства и разделённого целым рядом факторов, порождающих непрекращающиеся конфликты стран и народов (см. рисунок 1).

Жизнеутверждающее функционирование и развитие цивилизаций обусловлено единством этноценоза и умелым регулированием взаимоотношений и вза-

¹ Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1993. С. 93.

имодействия его системообразующих блоков и элементов внутри них, число которых возрастает с усложнением системы.

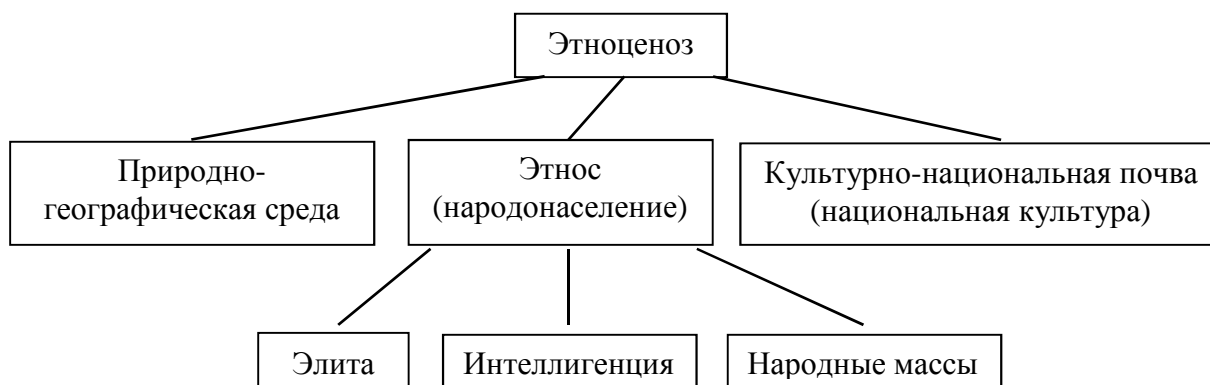

Рисунок 1 – Структура этноценоза

В социологии традиционно делается акцент на обществе как социокультурной реальности – созданной человеком «второй природе» его обитания и жизнедеятельности. Начиная с первопоэитивистов и заканчивая современниками, социологи ищут ответ на социальные проблемы, прежде всего, в социальной организации общества, где выделяют социальные институты («социальную статику») и социальное поведение («социальную динамику», хотя под последней нередко понимают любого рода изменения, включая институциональные).

Историки, культурологи и философы, анализируя социум, стараются за анализом организаций и событий не забыть и человека. Но связать социально-философскую антропологию и психологию, с одной стороны, и анализ социума и истории, с другой, удаётся далеко не всегда и не всем, хотя жизнь человека и общества, единство живой природы и созданной человеком культуры нерасторжимы. Поэтому необходим междисциплинарный подход, способный осуществить синтез накопленного отдельными дисциплинами знания на основе новой парадигмы и понятийного аппарата, «снимающего» достижения «отраслевых» подходов. Такой синтез назревает сегодня и, на наш взгляд, может быть осуществлён на базе исторической и этнокультурной социологии и психологии.

*Роль духовно-идеологической сферы в жизнедеятельности
общества и человека*

Не только схема (см. рисунок 2), но сама жизнь убедительно показывают центральное место духовно-идеологической сферы в структуре и жизнедеятель-

ности общества. Психология и все остальные социально-гуманитарные области знания свидетельствуют: духовный труд социального субъекта предшествует любому виду социальной деятельности, как профессиональной, так и повседневной. «Прорабы перестройки», как и управленцы советского периода, следуя принципам исторического материализма, утверждали обратное: труд порождает духовность. Надо признать, что бездуховный труд не только не порождает духовность, но просто стирает её с лица земли, что, по нашему глубокому убеждению, и является подлинной причиной как кризиса духовного, так и социокультурного, в целом, и в масштабах отдельно взятой страны, и в масштабах планеты.

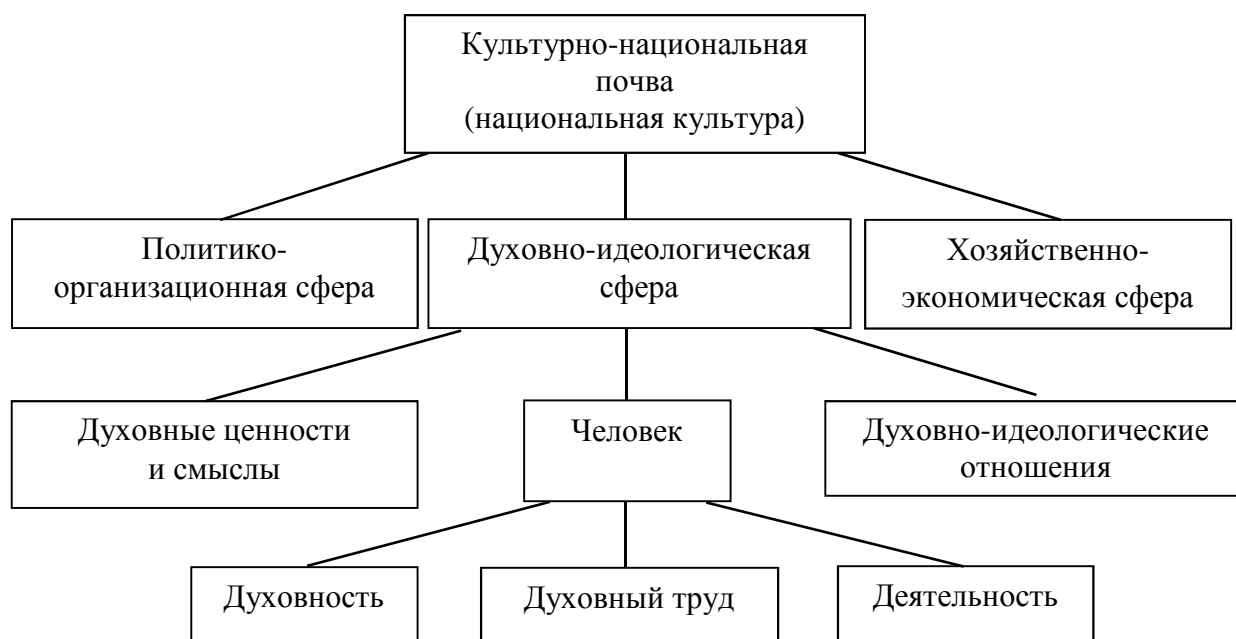

Рисунок 2 – Место духовно-идеологической сферы в структуре и жизнедеятельности общества

Этноценоз претерпевает раскол, ведущий к деформациям, застою и гибели цивилизации тогда, когда его активно-деятельное начало – народонаселение (этнос) – утрачивает связь как с природно-географической средой своего обитания, так и с созданной им культурно-национальной почвой.

Раскол этноценоза провоцируется ослаблением и утратой внутрисистемных связей между основными блоками и элементами этноценоза вследствие трансформирующих систему внешних и внутренних изменений и воздействий. Прежде всего, это разрыв связей этноса (народонаселения) с природно-географической средой его обитания, а также с созданной населением традиционной культурой, естественно, претерпевающей исторические изменения, но сохраняющей

свою историко-культурную самобытность. Во-вторых, раскол порождается утратой единства этноса: сначала духовным, а затем и социально-политическим противостоянием основных слоёв населения. Поскольку население (в особенности многонациональных государств) далеко не однородно по своему экономическому, политическому и иным показателям, то и различные его слои и группы имеют различное отношение (идейно-теоретическое и практическое) как к природно-географической среде обитания, так и к культурно-национальной почве (национальной культуре).

В России раскол этноценоза и противостояние основных слоёв населения резко обозначились со времён Петра I, разделившего российскую элиту и интеллигенцию на два лагеря, названные позже «западниками» и «славянофилами». Это противостояние продолжается до настоящего времени и приобрело характер безнадежно неразрешимой национальной задачи-традиции.

В конфликтологии выделяются два основных вида конфликтов: конфликты интересов и конфликты ценностей. Если конфликты интересов связаны (определяются) различиями слоёв и групп по их экономическому и политическому положению в обществе, то конфликты ценностей – это конфликты духовно-идеологической сферы, порождаемые различным смысло-ценностным отношением социальных слоёв и групп к природно-географической среде и национальной культуре. Характерное для России с петровских времен и сохраняющееся сегодня противостояние западников и славянофилов («почвенников») порождает веками воспроизводимый в стране конфликт ценностей. На наш взгляд, именно этот конфликт, а вовсе не конфликт интересов (хотя последний также существует и усиливается) несёт главную угрозу раскола российского этноценоза.

Этот исторически непреходящий ценностный конфликт российской культуры и российской цивилизации требует разностороннего не только аксиологического и социально-психологического, но и социально-экономического и политологического анализа, поскольку ценности и интересы в социокультурной реальности неотделимы друг от друга, переходят друг в друга в социокультурных процессах, в функционировании и развитии как общества, так и народонаселения. Интересы (в частности, материальные и политические, но не только они) тех или иных групп населения становятся для них жизненно значимыми ценностями, даже святынями, а обретение определённых духовных ценностей, преданность идеалам, жизненным принципам наилучшим образом способствуют реализации как материальных, так и духовных (идеальных) запросов и интересов.

Условное деление обществ на «экономические» и «политические» выявляет главные механизмы их внутренней самоорганизации и, соответственно, отношение к конфликтам и способам их разрешения. В первом типе обществ это механизмы рыночной саморегуляции, дополняемые организационно-политическими действиями, основанными на знании законов рыночной экономики. Во втором типе обществ – почти исключительно политические механизмы, подчиняющие себе или стремящиеся подчинить себе развитие экономики. В таких обществах, как отмечал в своё время В. И. Ленин, «политика не может не первенствовать над экономикой»¹.

Всё сказанное выше позволяет утверждать, что, независимо от выделяемого исследователями типа обществ, не хозяйственно-политическая или политико-организационная сферы и возникающие в них конфликты, а сфера духовно-идеологическая является ведущей в процессе его функционирования и развития, и именно в ней, прежде всего, следует искать причины кризиса и способы их преодоления. Подлинно современным может быть не общество «политическое» или «экономическое», а общество «идеократическое» – общество с доминирующей ролью духовно-идеологического начала во всех сферах и отношениях общественной жизни.

*Деструктивность – выражение духовного кризиса
и причина кризиса социального*

Криминализация общества, возрастание масштабов деструктивного поведения населения (в частности, аддиктивного, преступного и суицидного) есть, на наш взгляд, следствие нарушения (игнорирования) современным человеком духовно-нравственного закона *обязательного духовного труда личности и общества*. «*Spiritus contra spiritum*» («духовность – противовес пьянству»), – говорили древние.

Современный мир переживает настоящую эпидемию алкоголизма и наркозависимости. Как отмечают основатель трансперсональной психологии С. Гроф и исследователи надличностных областей (учёные, философы, общественные деятели), в частности К. Юнг, наркомания, как и её частные случаи – пьянство и алкоголизм, является выражением неудовлетворённого стремления человека к духовности и происходит из неверно понимаемого и идущего в неправильном

¹ Ленин В. И. Ещё раз о профсоюзах // Ленин В. И. ПСС. Т. 42. С. 278.

направлении поиска *трансценденции*, то есть мира подлинно человеческих, возвышенных ценностей и смыслов. По мнению С. Грофа, люди с сильной потребностью в духовности, которые не в состоянии обрести путь, действительно к ней ведущий, очень легко впадают в наркотическую и алкогольную зависимость: наркомания становится несчастливым суррогатом духовности¹.

Возрастающие во всём мире масштабы деструктивного поведения – самое яркое свидетельство кризиса современной техногенной цивилизации, «потерявшей» человека и делающей упор на экономические, технические, правовые и иные рационально выверяемые показатели развития. Забыт завет древних: «Человек – мера всех вещей», – и христианское «радение о его душе». Политикам и управленцам – ключевым фигурам современной цивилизации – представляется, что обездушенный (бездуховный) человек более рационален, вменяем, управляем и отвечает требованиям научно организованного социума. На самом деле лишение человека внутренней детерминации, свободомыслия, подмена духовной самодисциплины нормами права и материальной заинтересованностью превращает его в робота, делает неподлинной псевдоличностью, не желающей ни духовно трудиться, ни нести ответственность за своё поведение.

Социология конфликта и конфликтология различают кризисы конструктивные и деструктивные в зависимости от венчающих их следствий в ближайшей, а главное, – долгосрочной перспективе. Конфликт оказывается деструктивным (разрушительным) для системы и её элементов, прежде всего, людей тогда, когда, не поддаваясь разрешению во благо общества и человека, он не порождает новых перспектив развития и решения назревших проблем (вызовов времени).

В протекании кризиса существует некая «точка невозврата», перейдя которую у общества или составляющих его сообществ, а также личностей не оказывается средств и сил для нормализации отношений, сохранения ценностей и, главное, – человеческих жизней. Именно это в конце концов приводит к гибели и общества, и исторические цивилизации.

*Национальная духовность и духовный труд
основных социальных слоёв общества*

Культура социальных субъектов (личности, социальных и исторических общностей) есть единство внутреннего (психо-духовного) мира и деятельности.

¹ См.: Гроф С. Революция сознания: трансатлантический диалог. М., 2004. С. 123.

Это взаимосвязанное единство культуры порождает и опосредствует их духовный труд, определяемый нами как затрата психо-духовных сил социального субъекта по усвоению, углублению и воплощению в деятельности ценностей и смыслов, подлежащих социальной дифференциации, ролевому определению и распределению¹.

Связующим звеном всех трёх элементов этноценоза: природно-географической среды, культурно-национальной почвы и народонаселения (этноса) – выступает *национальная духовность* (см. рисунок 2), которая, нередко, как в России, осмысливается в виде национальной идеи – системы ценностей и смыслов, закреплённых традицией и историческим опытом этноса. Именно национальная духовность, с одной стороны, представляет ядро национальной культуры, а с другой – выступает фундаментом национального сознания и самосознания народа. Национальная духовность имеет также тесные генетические и закрепляемые национальной культурой связи с природно-географической средой формирования и обитания этноса.

Духовный труд и творчество

Духовный труд как труд, имеющий дело со смыслами и ценностями, по своей сути, характеру и способу решаемых задач является *творчеством*. Творчеством является также формирование и развитие личности – осуществляемый не по шаблонам сознательный педагогический и социокультурный процесс.

Косное, заорганизованное, бюрократизированное, недемократическое общество изгоняет духовность и творчество отовсюду, поскольку они несовместимы с насилием, обманом и страхом. Административным давлением и кулуарным принятием решений творчество изгоняется из сфер, где оно незаменимо: из педагогики, политики, частного предпринимательства. В таком обществе власть делает всё, чтобы уничтожить ростки самодеятельного, народного творчества и творчества образованных людей.

В своё время большевики и И. В. Сталин определили на одной шестой части планеты характер «творчества» ЧК, коллективизации, ГУЛАГа, что, видимо, на многие десятилетия вперёд будет довлеть над нашим обществом и определять специфику управления страной, политику, педагогику, бизнес, парализуя таким образом мозг, его лишают творческого, самоорганизующегося нача-

¹ Об основных формах воплощения культурно-исторического процесса и его единстве см.: Кобнеев Г. М. Философия в эпоху глобализации и кризиса... С. 60.

ла. Деморализация есть духовная парализация человека и общества, и паралич духовный рано или поздно приводит к социокультурному развалу.

Творчество в странах с подобным антидуховным наследием заменяет (на всех уровнях) прикрываемый правом и демагогической политикой вандализм и бандитизм – прямые антиподы творчества. Они не проявляются сегодня открыто, а маскируются благовидными предложениями защиты ценностей современной цивилизации: свободы, прав человека. Но это не меняет их бесчеловечной сущности ни в случае бомбардировок авиацией США Югославии, ни в случае введения войск и ведения войн на территориях суверенных государств. Бесчеловечной политике придаются определённые новации, но их внутренняя сущность состоит вовсе не в раскрытии человеческого в человеке, пробуждении его высокодуховных начал, а в возрождении и развитии начала стяжательски-хищнического, примитивно-инстинктивного, возвращающего человека к зоологическому индивидуализму. Это становится вполне возможным при безответственном отношении людей к последствиям своих действий, попустительстве коронованных иерархов и бессилии жертв властного произвола.

Государства, осуществляющие бесчеловечную внешнюю и внутреннюю политику, справедливо определяют как «бандитский» или «варварский» капитализм, существо которого не определяется уровнем научно-технического развития. Такой строй, в соответствии с его духовным основанием, следовало бы назвать олигархически-номенклатурным феодализмом, поскольку и НТП, и рынок, и конкуренция, и политические свободы, и права граждан служат там, прежде всего, не гражданам, а интересам властвующей элиты.

*Российское общество, власть и личность
в условиях кризиса*

Особенно остро противостояние национальной и общечеловеческой культуры, с одной стороны, и бездуховной, алчной власти, с другой, проявляется в странах с сильным авторитарно-тоталитарным наследием и соответствующими традициями, к которым можно отнести и Россию. В них все национальные ресурсы находятся под властным колпаком неономенклатуры клептократических кланов, разворовывающих страну и обрекающих её на застой и деградацию.

По мнению ряда авторов, духовно-идеологический кризис, охвативший сегодня широкие пласты российского массового сознания, проявляется в двух основных формах: 1) кризисе национальной идентичности, утрате чувства истори-

ческой перспективы и понижении уровня самооценки нации, резко перешедшей от мессианской самоуверенности к историческому самоуничижению; 2) разрыве единого духовного пространства и утрате национального консенсуса по поводу базовых ценностей, ставших предметом общественной полемики и утративших статус «абсолютных» ориентиров¹.

Современное российское общество переживает глубокий кризис ценностей, суть которого заключается в «невписанности» любой возможной нравственно-осознанной деятельности в какой-либо реально существующий или проектируемый строй исторического бытия, в обесмысливании всяких усилий индивида, если они не сводятся к элементарному выживанию.

Кризис ценностей не ведёт автоматически к политическому параличу, но его последствия, тем не менее, серьёзно сказываются на функционировании общества: распад сферы представлений о высших целях, о социально возможном грозит разложением самой социальной ткани, уничтожением поля смыслообразования, невозможностью для индивида идентифицировать себя с целями и ценностями общественной жизни.

Особо следует сказать об утрате чувства общенациональной перспективы. Реформаторы постоянно сетовали на «соборный тип» нашей культуры как препятствие для перехода от архаичной и традиционалистской модели единой коллективной судьбы к свободному индивидуальному самоопределению людей в рамках самостоятельного гражданского общества. Прежнюю доминанту, связанную с саморастворением индивида в группе, с подчинением частного интереса общему, решено было во что бы то ни стало разрушить, утвердив другую доминанту – индивидуалистическую. В результате вместо общности, связанной единым каркасом пусть предельно мифологизированных норм, традиций и ожиданий, мы получили «одинокоего индивида» и конгломерат соперничающих группировок, не останавливающихся перед любыми средствами в целях самоутверждения и передела сфер влияния.

Сложилась своего рода патовая ситуация. Управленческие «верхи» почувствовали себя свободными от всяких обязательств перед «низами» под предлогом устарелости принципов государственного патернализма и социальной опеки. «Низы», в свою очередь, чувствуют себя свободными от любого гражданского долга под предлогом «безусловного торжества частных интересов», а также ссылаясь на «коррупционность и некомпетентность верхов» и т.д. Иначе говоря,

¹ См.: Кара-Мурза А. А., Панарин А. С., Пантин И. К. Духовно-идеологическая ситуация в современной России: перспективы развития // Политические исследования. 1995. № 4.

«тоталитарное» сознание, в самом деле, разложилось, но его заместило не ответственное демократическое сознание, действующее в рамках взаимных социальных обязательств и памятующее о праве и морали, об общенациональных интересах, а катастрофически безответственное сознание, готовящее нас к состоянию «войны всех против всех».

Личность в политике

Должен ли политик быть личностью и если да, то какой: «подлинной» (Э. Фромм), сильной, духовно и гармонично развитой?.. И накладывает ли политическая деятельность, использование власти и близость к ней какие-то особые, значимые для неё и общества требования?

Несомненно, накладывает и, прежде всего, следует отметить публичный характер политики и её роль в функционировании и развитии общества, в судьбе миллионов, а может быть, и миллиардов человеческих жизней современников и их потомков. Не следует забывать, что политика – это повивальная бабка истории, и что роль её возрастает с каждым поколением и даже в периоды жизни отдельных поколений. Так XX век для России ввиду политических перемен оказался веком смены нескольких эпох, веком радикальной переоценки ценностей и излома судеб народов континента, сказался на изменении геополитической расстановки сил во всём мире. Несёт ли личность политика ответственность за произошедшие перемены или она всего лишь игрушка глобальных сил и катаклизмов планеты и её регионов?

Несомненно, личность играла весьма значимую роль во всей мировой истории, продолжает и будет её играть, что отмечалось и отмечается философами и учёными от Конфуция и Платона до современных теоретиков развития цивилизации и творцов мировой политики всех регионов планеты. В художественной литературе и искусстве, правдиво отражающих историю и современность, роль исторической личности всегда привлекала внимание и находила своё значимое выражение.

Интерес к личности политика должен быть несравнимо более высоким, чем интерес к личностям художников, бизнесменов или учёных (даже с мировым именем). И личности политиков, несомненно, вызывают всеобщий интерес, особенно в СМИ. Но сказать что-то действительно глубокое и значимое о них на уровне философского, психологического или культурологического анализа после Н. Макиавелли, Ч. Ломброзо и З. Фрейда почему-то, на наш взгляд, не удаётся.

ся. Складывается впечатление, что, скорее, происходит не углубление, а измельчение исследований в этом направлении и даже сокрытие, камуфляж теоретических знаний о типе и характере этих личностей и серьёзные искажения (особенно при жизни) их образов. Вследствие этого в современной России общество так и не разобралось с личностями ни Николая II, ни Г. Е. Распутина, ни В. И. Ленина, ни И. В. Сталина, ни последовавших за ними первых лиц государства. Это для китайцев ясно, кто такой Мао Цзэдун, для немцев – А. Гитлер, для американцев – А. Линкольн, а для англичан – У. Черчилль.

Почему-то в России несовпадение мнений элиты и народа, учёных-обществоведов и философов в оценке своих национальных вождей и первых лиц государства со временем не преодолевается, а ещё больше запутывается, продуцируя и предопределяя (и вовсе не случайно) раскол жизненных и политических позиций. Может быть, столь необходимое для страны, для решения её проблем утверждение национального единства должно начаться с утверждения единства во взглядах на свою историю, а в последней – на исторические личности? Почему же это оказывается столь трудным для нас, людей мыслящих и образованных?

В самом общем плане, ответ на этот вопрос объясняется уровнем развития национального менталитета народа. Он достаточен для вынесения индивидуальных суждений (зачастую сколь ёмких, столь и язвительных, как, например, у М. Жванецкого, определившего российскую историю как борьбу невежества с несправедливостью), но его явно не достаёт для проведения общенациональных дискуссий и их плодотворного завершения. Нам не хватает *культуры диалога* (о чём писал М. Бахтин), предполагающего как знание позиции и аргументов другой стороны, так и культуру аргументации и корректного отстаивания своего видения мира и его явлений. И упирается всё это, на наш взгляд, в старый российский духовный «трюмб» – отсутствие или неразвитость в стране *свободомыслия*.

Действительно, с одной стороны, понятия «личность» и «свободомыслие» неразделимы, с другой стороны, – неразделимы, то есть, не могут существовать друг без друга понятия «личность» и «демократия». К диалогу способна лишь *свободная личность*, которая осуществляет подлинный диалог, а не его имитацию в условиях *подлинной демократии* – равноправия и независимости сторон в ходе их публичного взаимодействия. Поэтому следует подчеркнуть также, что «личность» и «диалог» – взаимообусловленные в своём развитии феномены.

Россия не привыкла к диалогу и никогда не культивировала его сознательно в масштабах страны. Здесь, на наш взгляд, и коренится российский бунт – «бессмысленный и беспощадный» (для побеждённых). Отсутствие диалога геогра-

фически и исторически предопределялось в стране её масштабами, «неоглядной ширью». В эпоху развитых средств связи и коммуникаций эта «ширь» утратила своё антикоммуникационное значение. Главной причиной отсутствия диалога становится не ширь земли российской, а узость национального сознания и самосознания, связанная с эгоцентризмом (особенно если он подпитывается «административно-властным ресурсом»), нежеланием и неумением слушать другую сторону, неудобное или вызывающее неприятие мнение. «Сильному» недосуг вникать в аргументы «слабого», даже если истина явно на стороне последнего.

По нашему убеждению, демократия начинается именно с культуры диалога, но никак не с его имитации, что демонстрируют разезды по стране первых лиц государства и их «горячие линии».

В связи с неспособностью к диалогу, наряду с нетерпимостью к инако- и свободомыслию и опорой на физическое принуждение, всплывает ещё одна, возможно, самая фундаментальная негативная черта российского национального характера. Эта черта – *умственная и духовная лень*, та самая лень, которая уже у древних греков была заслуженно и справедливо названа матерью всех пороков.

Лень как порок *цивилизационный*, вытекающий из феодально-крепостнического устройства «Российской Евразии», при советском строе была усилена патерналистской позицией государства и вдвойне – недемократическим, «клиентистским» характером политической системы, увы, не изменившимся с перестройкой и проводимыми либерально-демократическими реформами, чего не хотят видеть и признать только сами «реформаторы».

Элита политических обществ

Элиту политических обществ представляет, прежде всего, её политическая составляющая. Все другие виды элит: технократическая, интеллектуальная, духовная и др. – играют на социальном поле «не на равных».

В ситуации социального конфликта и кризиса особое значение обретает духовный труд управленцев, способных, благодаря административно-властным полномочиям, разрешать назревшие конфликты и кризисы, как конструктивно, так и деструктивно.

Обладая главным социальным ресурсом – властью, властвующая элита таких обществ имеет тенденцию к самозамыканию и социокультурному высокомерию по отношению к другим элитам и рядовым гражданам. «Всякая власть развращает, – как отмечал лорд Актон, – абсолютная власть развращает абсо-

лютно». Порождая ощущение всемогущества, обладание властью ведёт элиту к самоуспокоению и лени, создавая подмену реального духовного труда и социального действия их имитацией.

В недемократических «политических» обществах дело идёт дальше. Обладая контролем над сферой образования, деятельностью СМИ, при отсутствии демократического контроля, политическая элита таких обществ не только подменяет дело словом, но превращает все виды социальной деятельности преимущественно в имитационные, и общество становится по своей сути *имитационным*. Существовать такое общество может, лишь продавая национальное достоинство, – востребованные на международном рынке ресурсы: сырьё, рабочую силу, интеллект.

Будет ли общество самоорганизовываться и искать коллективный выход из кризиса в опоре на национальные ресурсы или безответственно плыть по течению саморазрушения, в «политических» обществах зависит от преобладающего в нём типа личности или, по Э. Фромму, – «социального характера» политической элиты (властей предержажих), а в самой личности – от степени её «духовного здоровья» и развития¹.

Именно духовно-нравственной мерой просветлённое (преодолевшее некрофилизирующий застой индивидуально-потребительского уровня сознания) человечество будет различать людей достойных и недостойных, заслуживающих власти и тех, кого на пушечный выстрел нельзя к ней подпускать. К сожалению, сегодня духовно омрачённое, заблудшее человечество, и, прежде всего, власть имущие, поступают прямо противоположным образом.

*Бездумие и бездействие российской власти – главная причина
неурегулированности кризиса*

Постсоветская правящая элита или неономенклатура – плод симбиоза советской (по своему происхождению) номенклатуры и современной западной (по статусной ориентации) элит. Этим, возможно, определяется её главное качественное своеобразие.

Как отмечает А. С. Панарин в своей «Политологии», на современном постсоветском пространстве вновь торжествует логика силы в противовес логике социально-политической целесообразности. Советская партийная номенклатура,

¹ О понятии «духовное здоровье» см.: Конобеев Г. М. Духовное здоровье и тайны российской власти // ДИХИ – 2011... С. 56.

пользуясь своими властными возможностями в качестве единственной организованной общественной силы узурпировала реформационный процесс, установила монополию мафиозно-спекулятивного капитала, разрушающую все производительные силы страны в угоду своим интересам¹.

«Мы никогда не разберёмся ни в причинах крушения СССР, ни в механизмах приватизации, – пишет А. С. Панарин, – если не поймем, что главной характеристикой новой политической, экономической и интеллектуальной элиты, захватившей позиции в августе 1991 г., является то, что элита мыслит и действует не как национальная, а как глобальная, связывающая свою судьбу не с собственным народом, а с престижной международной средой, куда она в обход своего народа стремится попасть»². И далее: «Элиты, пожелавшие стать глобальными, не только отказываются от национальной идентичности и от защиты национальных интересов. Они отказываются разделять с собственными народами их судьбы»³.

История возникновения и эволюция российской номенклатуры одновременно является историей деградации духа и социальных позиций российского народа и выразителя её интересов – той части интеллигенции, которую можно назвать *народной*. Эта деградация народного духа – прямое следствие деятельной политической «заботы» об этом советской номенклатуры, в борьбе за своё всевластие не остановившейся перед гражданской по своей сути войной со своим народом с первых лет Советской власти.

О. Волков, русский писатель, проведший почти три десятилетия в сталинских лагерях по сфабрикованному обвинению, писал в удостоенной государственной премии книге «Погружение во тьму», что «уже в 20-е годы «сделалась очевидной полная подмена пресловутой разрекламированной «власти Советов» властью, точнее, самовластием – партийных боссов и райкомов. Настолько, что чем успешнее укрепляла свои позиции власть, тем горше и безнадежнее становилось положение народа, одураченного и закрепощенного, тем глубже хоронились надежды на возрождение и расцвет России»⁴.

Описывая атмосферу жизни простых людей, автор отмечает, что «ложь и лицемерие, возведённые в официальную доктрину, затронули решительно все области информации – будь то успеваемость школьников, отчёт о выставке, сведения об авиационных катастрофах, репортаж о путине, работе БАМа и тем бо-

¹ См.: Панарин А.С. Политология: учебник. М.: ТК Велби, 2004. С. 23.

² Панарин А. С. Народ без элиты: между отчаянием и надеждой // Наш современник. 2001. № 3. С. 205.

³ Там же. С. 207.

⁴ Волков О. В. Погружение во тьму. М., 2007. С. 194.

лее о деликатных материях международной политики, отзывах зарубежной печати и т.п.»¹

Могла ли атмосфера страха, лжи и насилия развивать силу народного духа, патриотизм и свободолюбие? Как показывает история, и, прежде всего, героизм советских людей на стройках коммунизма и в борьбе с фашизмом, в определённой мере могла. Но это имеет своё объяснение. Причиной героизма советских людей было не мудрое партийно-государственное руководство, а всепобеждающая жажда жизни, обновления и веры веками угнетаемых, обобранных и обманутых народных масс. Эту вековую, согласившуюся на обман лукавых искусителей мечту многих поколений россиян можно было бы назвать слепой и фанатичной, если бы не оскорбляло лучшее, что было в их душах. Жизнелюбивый, творческий дух миллионов советских людей произрастал не благодаря, а вопреки созданной партноменклатурой духовной атмосфере в стране. На этой «святой простоте» номенклатура и построила своё сибаритство и процветание, не имея в душе никаких святынь и научившись у Н. Макиавелли и иезуитов так изощрённо строить свою политику, что до сегодняшнего дня даже образованное население продолжает считать большевизм на его родине голосом народа, а не выражением шкурничества клики предателей страны и растлителей душ.

В отношении политической элиты российского общества, сформировавшей его постмодернистскую политическую систему в ходе либерально-демократических реформ, А. С. Панарин отмечает следующее: «Власть открывает для себя истину, которую считает своей тайной и глубоко прячет. Истина эта касается того, что за нею, властью не стоит никакая высшая социальная, историческая и нравственная целесообразность, и что представляет и защищает она лишь свои собственные интересы – корпоративные интересы тех, кто устроился во власти и сполна использует её во имя своих частных интересов»².

М. Восленский, автор фундаментального исследования психологии и роли номенклатуры в функционировании и развитии советского общества писал, что общество, в котором правит номенклатура, опутано клейкими тенетами лжи, разорвать которые хоть где-нибудь нельзя – на вас сразу же, как гигантский паук, набросится номенклатура³.

Призывы к творчеству и преобразованию старого мира прошли через весь период советской истории и завершились так называемой «перестройкой» – от-

¹ Там же. С. 198.

² Панарин А. С. Народ без элиты: между отчаянием и надеждой... С. 131.

³ См.: Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 510.

нюдь не обещанным «возвращением в мировую цивилизацию», а утратой трудовых достижений нескольких поколений советских людей и трансформацией старой советской номенклатуры в постсоветскую неономенклатуру.

В условиях кризиса российская власть проявляет удивительную, на первый взгляд, неосведомлённость и нерасторопность, что приводит не к разрешению назревших проблем, а к их углублению и запутыванию. Складывается впечатление, что не разрешение, а продление кризиса является её действительной целью.

Кажущаяся неосведомлённость власти о причинах и углублении кризиса, отчасти, следствие её осознанного пособничества в его затягивании и углублении, поскольку в условиях кризиса легко прятать свою некомпетентность и алчность, отчасти, – нежелание и неспособность предвидеть пагубность своих действий как для страны, так и для правящего режима, то есть, для самой себя.

Это объяснение делает понятными происходящие во властных коридорах и в обществе, описываемые в средствах массовой информации процессы, вызывающие недоумение всякого здравомыслящего гражданина. Например, того, почему и при росте и при падении мировых цен на нефть цена на бензин в нашей стране неизменно растёт, или того, что как при высокой, так и при низкой урожайности на зерновые, хлеб в России только дорожает.

Из всех положительных эмоций, наделяющих человека энергией и здоровьем, П. Вайнцвейг особое внимание уделяет трём: любви, благодарности и доверию. *Доверие* предусматривает уверенность в себе, в своих идеалах, в мотивах своих поступков. Оно подразумевает также благожелательное отношение к окружающим и оптимизм. Недостаток уверенности в себе, *недоверие и подозрительность*, как правило, тесно взаимосвязаны между собой. Если мы дадим волю недоверию, нас постоянно будут осаждать страхи, различного рода домыслы, то есть эмоции, расточающие нашу жизненную энергию.

Можно смело утверждать, что отсутствие любви, благодарности (по крайней мере, в профессиональной деятельности), недоверие и подозрительность – извечные спутники номенклатурной личности. Они порождаются целым рядом факторов: неуверенностью в себе, алчностью, пренебрежительным и уничижительным отношением к людям. Появившись как черты социального характера, недоверие и подозрительность порождают неизбывный страх и другие обесчечивающие личность эмоции-шлаки. Любовь, благодарность и доверие в сфере личной жизни представителей номенклатуры присутствуют прямо пропорционально той человечности, которой они обладают, в целом, и которая каждодневно испытывается на их рабочем месте.

Не удивительно, что большинство представителей номенклатуры – невротики и неврастеники. Таковыми были И. В. Сталин, Н. С. Хрущёв, Б. Н. Ельцин и мн. др. ответственные за судьбу народа российские государственные деятели. Многим российским гражданам по наивности представляется, что подобные «издержки» – результат неизбежных психодуховных перегрузок, бремени ответственности и отдачи себя делу. На самом деле, это, прежде всего, результат нечистой совести, подсознательно переживаемого обмана и страха за свои действия или бездействие, что стало их «второй», а если разобраться, подлинной натурой, без чего номенклатура состояться не может.

Особенную некомпетентность проявляет российская власть в отношении роли личности в реализации программ и планов развития общества, непонимание того простого факта, что именно человек, а не производство или политика занимает центральное место в культурно-историческом процессе, что не просто «человеческий материал» или «человеческий фактор», выделяемые наряду и в связи с другими факторами, а *человек как личность*, способная к критическому мышлению в социокультурной сфере, духовно пробуждённая и развитая, то есть способная к самопознанию, самоорганизации и сознательному совершенствованию, движет общество по пути прогресса.

Для общества эти качества личности не менее значимы, чем для неё самой. И вырабатываются они, как и духовные качества, в процессах *духовного труда*, условия и эффективность которых осмысляются и задаются обществом в целом.

Неприятие личности и личностной одарённости, таланта, их преследование – давняя традиция советской номенклатуры. Это характеризуют российскую правящую элиту на всём протяжении её существования. Личность, талант, свободомыслие граждан в нашей стране традиционно воспринимаются властью как своеобразный вызов, упрёк, «бельмо в глазу» по одной достаточно понятной причине – они антиподы востребуемых личностных качеств в кругу самой элиты. Талант раздражает власть своей независимостью, самостоятельностью мышления, чувством собственного достоинства, умением защитить своё миропонимание в опоре на знания, логику, подлинность и глубину своих убеждений.

Страх перед личностью, талантом проходит красной нитью через всю историю формирования и вызревания советской номенклатуры. Особенно ярко и масштабно это проявилось в период сталинских репрессий и хрущёвских обещаний построения коммунизма, сопровождавшихся принудительной изоляцией инакомыслящих в психиатрических клиниках.

В СССР личности и таланту, даже в областях, не связанных с политикой и борьбой за власть, режим просто не давал возможности развернуть свои внутренние силы. Это касалось литературы и искусства, многих направлений науки, но, в особенности, – сферы философии и социально-гуманитарного знания. Именно тех областей, которые могли исследовать условия и пути формирования целостной, сильной личности и обеспечить через её масштабное формирование подлинный социокультурный прогресс.

Если элита ценит, востребует и культивирует в своей среде такие значимые для неё качества как бездумная исполнительность, беспринципность, отсутствие критичности мышления, преданность корпоративным нормам, то какими неисповедимыми путями в гуще народных масс и в среде интеллигенции могут формироваться качества противоположные? По принципу «от противного»? Этот принцип способен породить «андеграунд», но культурные нормы мышления и деятельности он развить не может. А в условиях давления и преследования инакомыслия он обречён на маргинальность, что, кстати, и характеризует российскую политическую культуру как конфликтно-фрагментарную.

В результате сокрушительного «упреждающего» действия советской номенклатуры российская философия и социально-гуманитарное знание лишились своих самобытных культурных корней и оказались вынужденными следовать выработанным на Западе концепциям и подходам, слабо увязанным с российской культурно-национальной почвой, подчиниться авторитету во многом чуждых российскому менталитету наработок и схем, зачастую не работающих и на Западе, но имеющих вполне наукообразный характер.

*Российский народ – другая сторона
социокультурного кризиса*

То, как ведёт себя власть по отношению к народу, в значительной мере объясняется тем, что представляет собой тот или иной народ. Народ, действительно, является источником всякой государственной власти. Но это вовсе не означает, что государственная власть вследствие этого будет стоять на страже его интересов и заботиться о его благосостоянии и развитии. Власть устанавливает тот режим правления, которой устраивает обе стороны процесса управления – и управляющих, и управляемых, только в том случае, если последние способны воздействовать на власть и в случае невыполнения властью «общественного договора» имеют возможности и средства защитить свои интересы. А для

этого народ должен иметь автономные, не зависящие от государства формы самоорганизации, позволяющие осуществлять эффективное и действенное влияние на власть. В противном случае власть игнорирует интересы подвластных.

Как известно, система институтов подобной самоорганизации народа называется гражданским обществом. Известно и то, что в истории российской цивилизации институты гражданского общества носили и продолжают носить номинальный характер. Если они и были сформированы (церковь, семья, общественные организации и движения), то были либо слабы, неразвиты, либо в большей или меньшей мере подпадали под контроль государства и теряли главную свою функцию – способность противостоять государственной власти в принятии и осуществлении «самодурственных» решений, ущемляющих национальные интересы и волю народа. Если гражданское общество слабо и неразвито, главной заботой власти является не его формирование и развитие, а удовлетворение собственных интересов и укрепление своих позиций на будущее.

Российская интеллигенция традиционно представляет собой наиболее образованную, социально мыслящую часть народа, носителя и выразителя национальной духовности. Сегодня к интеллигенции относят так называемых работников бюджетной сферы («бюджетников») – людей, состоящих на службе «у народа и государства», но не имеющих влияния на власть и почти никаких возможностей улучшить своё материальное положение законным путём. По своей незащищённости перед произволом властей и по уровню доходов этот социальный слой – работники сфер образования и просвещения, медицинского обслуживания, а также основной состав военнослужащих (до полковничьих и генеральских званий) – находятся в одинаковом положении с основной массой работников материального производства и сферы обслуживания.

На наш взгляд, СССР, оказавшийся обществом «переразвитого феодализма», рухнул не потому, что экономика перестала развиваться (циклический кризис мог быть вполне преодолен и даже использован как трамплин в эволюционном развитии, что убедительно продемонстрировала КНР), а потому, что достигнутый уровень образования и культуры основной массы населения и, прежде всего, интеллигенции требовал реальной, а не советской псевдодемократии, что представлялось губельным для правившей советской номенклатуры. «Низы» не захотели жить по-старому, «верхи» же оказались не в силах в рамках созданных ею политико-правовых уложений и изначально провозглашённых и, в принципе, верных и исторически назревших культурно-идеологических установок осуществлять свою власть. Советская номенклатура создала идеологию, в кото-

рую ей самой не удалось «вписаться», проигнорировав возросшие духовные и культурные потребности населения – потребности духовного роста и саморазвития.

В причинах и углублении российского кризиса не следует, на фоне якобы стремящегося к духовному развитию и самоактуализации народа, обвинять алчную и косную элиту российского общества. Созданная, по утверждению советских идеологов, «новая историческая общность – советский народ», в условиях недемократического советского строя и «железного занавеса» не могла быть представлена масштабно сформировавшейся целостной, сильной личностью. Личность обычного гражданина СССР несла в себе слабости и черты как дореволюционного, так и советского периодов истории. Эта социально активная в рамках лишь дозволенного сверху, жившая в ярме лжи (обмана и самообмана), страха перед властью, мыслившая либо «режимно», либо диссидентски, с надрывной верой в коммунизм и его вождей, с философией сначала мессианизма, а позже – «пофигизма», такая личность не могла оказать достойное противодействие разыгранному номенклатурой и продолжающемуся сегодня псевдodemократическому спектаклю революции-перестройки и возвращения страны и народа в «русло мировой цивилизации».

Это «возвращение» постсоветская элита совершила с помощью заокеанских и европейских «братьев по некродуху». Был осуществлён очередной исторический обман, своеобразный «фокус с переодеваниями» в одежды, якобы, потерянной, а на деле обесчеловечившейся, духовно прогнившей Западной цивилизации вчерашнего дня, сводящей концы с концами лишь благодаря разграблению природных и человеческих ресурсов технико-экономически отсталых стран и народов мира.

*Духовный труд формирования целостной, сильной личности –
путь выхода из кризиса*

Усилия человека и человечества на современном этапе эволюции homo sapiens¹, выражаясь предельно лаконично, представляет их *духовный труд*. Это – усилия общества и социальных субъектов на пути формирования, расширения и углубления духовности как смысло-ценностного отношения человека к миру. Духовный труд, понимаемый как способ существования человеческой духовности и представляющий собой взаимосвязанное единство труда ума и души чело-

¹ Об этапах эволюции homo sapiens и их содержании см.: Конобеев Г. М. Философия в эпоху глобализации и кризиса... С. 59 – 60.

века, является рычагом подъёма человечества по лестнице эволюции: от её низшей предчеловеческой до высшей – «сверхчеловеческой» ступени.

Ценности и смыслы, как и формы духовного труда личности и общества, «не высасываются из пальца», не изобретаются умными взрослыми. Они задаются объективно теми же законами мироздания и эволюции, которые утвердили жизнь и её развитие на планете Земля и во Вселенной. Надо полагать, что Система Мироздания, начиная с Большого Взрыва, содержала в себе в качестве программ возникновение материального мира, живой природы и разума. А смыслы и ценности человеческого, вообще, разумного бытия были составной частью этих программ, их архетипическим началом. Если этого не было в самой основе мироустройства, то из каких источников и ресурсов всё это могло появиться? Если бы в жёлуде не был потенциально заложен дуб, какие силы и демиурги могли его туда втиснуть? И поэтому вопрос о зарождении на нашей планете жизни, как и вопрос о возникновении разума в живой природе бессмыслен, как бессмыслен вопрос о первичности яйца или курицы. Следует напомнить, что законы природы (мироздания) не объясняются, а открываются, формулируются, и разумные люди им лишь следуют как в теории, так и на практике. И почему это так, такова воля самой природы. Так она «захотела», чтобы, например, сила тяготения измерялась известной формулой, а белый свет разлагался на семь, а не на одиннадцать цветов радуги, у человека были два глаза и одно сердце, а не наоборот.

Ценности и смыслы, являясь объективно-архетипическим порождением Вселенной, должны быть найдены, приняты и освоены как индивидом, так и обществом. Эту работа поиска, принятия или отвержения, углубления и расширения смыслов и ценностей мы и называем духовным трудом. По нашему мнению, именно работа человека и общества со смыслами и ценностями развивает сознание человека и человечества, поднимая их по ступеням эволюции.

Духовный труд предшествует любому виду человеческой деятельности – предметно-практической, познавательной, воспитательной, организационной, игровой, общению или художественному творчеству, и он остаётся сердцевинной всех её видов в ходе их развёртывания. Утверждать, что именно трудовая деятельность «превратила обезьяну в человека» так же наивно, как утверждать, что это сделала религиозная, нравственная или художественная практика дочеловеческих существ.

Существует не только физическая, умственная, психическая неполноценность, но и *неполноценность духовная*. И именно в этой плохо исследованной области лежит ключ к пониманию таких по-своему выдающихся личностей как

А. Гитлер, И. В. Сталин, а сегодня – прорабы и вершители развала российского этноценоза под вывеской возврата страны в «мировую цивилизацию». Духовно несостоятельные, духовно извращённые люди в условиях лелеемой авантюристами цивилизации всегда легче находили путь к власти, становясь мучителями и проклятием породивших их народов и обществ. В своей рафинированной форме это становится возможным только в условиях открытой или скрытой деспотии.

Поскольку эти «революционеры-ленинцы», преступники перед страной и народом, по своей сути, не только часть сформированного историей, но и нашего внутреннего мира, нашего подсознания, главной трудностью и направлением духовного труда соотечественников в условиях кризиса должен быть поддержанный обществом индивидуальный духовный труд – труд переоценки ценностей, возвращающий каждому социальному субъекту и обществу, в целом, духовную полноценность и здоровье. Это труд нравственного, духовного очищения от мерзости смысло-ценностных шлаков, навязанных, лучше даже сказать – «имплантированных» чудовищным периодом всевластия большевизма, его репрессивных систем и органов.

Духовный труд общества – это всегда борьба за человека, не за его материальное обеспечение и сытое существование, а за его духовное развитие, рост. Это борьба общества, его духовно зрелого слоя за человечность всех и всего человеческого в социуме.

Духовный труд общества строится и может быть осуществлён лишь в опоре на духовный труд личности, при его поддержке политико-организационной сферой общества, социально-политическими лидерами страны. Для этого последние должны быть духовно пробуждёнными людьми и осуществлять духовный труд, подавая достойный пример соотечественникам и особенно молодёжи. Невозможен духовный труд общества, возглавляемого бездуховными или духовно ущербными людьми (носителями «негативной» духовности), испоганившими свою душу бесчеловечными делами и отношениями.

Элементарным, персонифицированным носителем культуры общества и человеческого рода, субъектом духовного труда выступает личность. При всём существующем многообразии подходов к личности в философии и социально-гуманитарных дисциплинах определение личности именно как субъекта духовного труда представляется нам не только сущностным и оправданным, но и эвристически перспективным. Личностный рост с позиций этого определения есть возрастание способности личности к духовному труду – его результативности, интенсивности, полноте.

Личность формируется процессом духовного труда и развивается, совершенствуясь в ходе осуществления доступных ей форм и результатов этого труда.

Духовный труд – не просто размышление, оперирование понятиями и не просто переживание определённых психических состояний-функций. Качество подлинно духовного труда достигается «сердечным размышлением», синтезом чувства и мысли. Это чувство, обретшее мудрость, и размышление, проникнутое (возвышенной) страстью. Такова «умная, сердечная молитва» в православии, отличимая от простого, бесчувственного прочтения молитвенных речений или напускной набожности.

Духовно возвышенный характер названного определяется, разумеется, не продажными социальными институтами современности и прошлого, не тем, что кто-то когда-то решил это для удобства и общей пользы дела по управлению жизнью общества или выдал свой интерес за общечеловеческий. Как это произошло, например, с введением денежной системы обращения и таких социальных институтов как государство, рынок или налоговая служба. Без всего этого, как и без войн, обмана, агрессии, человечество сможет обойтись и когда-нибудь обойдётся. Но человечество никогда не сможет обойтись без нравственности, веры, любви, стремления к красоте и истине.

Духовность и духовный труд представляются условием и средством преодоления кризиса как болезни, сковавшей разум и душу современного человека и современной цивилизации. Эта болезнь – не физическая или психическая (с таковыми современная наука и медицина более или менее определились), а именно – духовная. Об этой же болезни духовно больное общество предпочитает молчать.

Процесс духовного развития личности и общества предполагает внесение духовного начала во все сферы общества, во все виды профессиональной и повседневной жизнедеятельности человека. Отмечаемые сегодня процессы и формы социальной и нравственной деградации населения нашей страны есть следствие прекращения населением духовного труда ввиду его невостребованности в обслуживании «упростившихся» общественных отношений, регулируемых экономическими (точнее корыстно-денежными) и преимущественно репрессивными правовыми нормами. Мораль, религия, философия становятся в условиях кризиса «ненужной роскошью», «слишком дорогим удовольствием» для большинства.

Сегодня вполне убедительно звучит утверждение, что если бы Христос явился в современный мир, он неизбежно был бы распят большинством в союзе с формируемой им политико-организационной властью.

*Пробуждение этноса к духовному труду
как революция сознания*

Процессы сознательного противостояния духовного труда населения процессам духовного разложения и деструктивности, формирования одухотворённой личности в масштабах общества и планеты по глубине и значимости могут быть определены как *революция сознания*.

Грани и механизмы осуществления этой революции осмыслялись и осмысляются лучшими умами человечества уже не одно столетие. Пророками и носителями идей революции сознания были Христос и Будда, Конфуций и Лао Цзы, Д. Кришнамурти, А. Гхош, русские философы и художники, С. Гроф и Р. Бёкк, сотни и тысячи личностей, видевших новые горизонты развития и процветания простого человека и планеты Земля. И вовсе не странно, что некрофилизированные страны с негативно духовно переориентированной элитой потребителей и временщиков не придают значения этим окрыляющим человечество идеям и практикам.

На российской культурно-национальной почве под революцией сознания следует понимать осознание всеми слоями российского населения своих исторических задач по сохранению и развитию российской цивилизации.

Задача российской интеллигенции как главного выразителя национальной духовности и носителя национальной идеи состоит в осмыслении исторической и социокультурной ситуации в стране и в современном мире, в выработке национальной идеологии не по указке сверху, а в соответствии с требованиями времени и общенациональными интересами. Этой работе должна способствовать национальная элита, не препятствуя, а создавая условия для коллективного поиска истины, общенационального «мозгового штурма» на пути выхода из социокультурного кризиса. Выражая интересы страны и народа, интеллигенция подготавливает появление духовных лидеров нации, вызывающих безоговорочное доверие основной массы населения своими делами, а не речами и манипуляцией сознанием и поведением.

Ещё более трудная задача стоит перед российской национальной элитой. Преодоление номенклатурой своего эгоцентрического сознания должно стать важнейшим звеном назревшей в стране и в современном мире, в целом, «революции сознания». По сути дела, номенклатура должна превратиться из партократии в меритократию – власть наиболее достойных представителей этноса. Если, по выражению А. П. Чехова, народ и интеллигенция должны «по капле выдавливать из себя раба», то элита должна постепенно выдавить из себя рабо-

владельца, безответственного властвующего самодура, тип которого хорошо знаком рядовому россиянину и был охарактеризован в первой части нашей работы.

Историческая задача народных масс России – формирование и развитие политического и правового сознания, преодоление правового нигилизма, понимание своей ответственности за настоящее и будущее страны. Это возможно только при сознательном включении основной массы населения в политический процесс, в преодолении традиционного для российского социума перекладывания ответственности на «начальство», при истреблении благодушно-потребительского, а также завистливо-ненавистного отношения к государству и носителям государственной власти.

Страна должна найти действенные, самоуглубляющиеся формы представительной и непосредственной демократии в процессе постепенной передачи властных полномочий из замкнутого круга номенклатуры всё более широким слоям населения. Политическую элиту и лидеров должно воссоздавать всё общество, а не дорвавшиеся до власти и богатства кланы, воспроизводящие застойную авторитарную систему кланово-мафиозного управления страной.

На наш взгляд, эта кажущаяся безысходной проблема является ключевой в сохранении и развитии нашей страны, российского этноценоза и порождаемой им российской цивилизации.

Поскольку причиной духовного вырождения российской элиты и превращения её в главный фактор торможения социокультурного развития страны и нации является её (элиты) некрофилизация, то и возрождение страны, все доступные ей ресурсы и средства должны быть направлены на «пресечение и усекновение» этого процесса и его тлетворных результатов. Противодействие процессу и результатам некрофилизации должно противостоять логике и средствам её осуществления. И дело здесь касается не только созданной политико-правовой, экономической и иных институциональных систем общества, но, прежде всего, и главное – «человеческого материала», то есть самой элиты, её внутреннего мира, её привычных, закреплённых вековым опытом принципов и способов политико-организационной деятельности и воздействие на сознание широких слоёв населения.

Изменение духовно-нравственного облика российской неономенклатуры представляется главным звеном революции сознания, главным рычагом необходимых конструктивных изменений и преодоления раскола российского этноценоза.

Русская религиозно-нравственная философия, опирающаяся на ценности и смыслы, духовность православия, развитая мыслителями XIX – XX веков, начи-

ная с В. Соловьёва и его предшественников и заканчивая их современными последователями, выступает лучшей для российского этноценоза, его культурно-национальной почвы основой требуемого от общества и элиты духовного труда.

Для выхода из системного кризиса, как современным демократическим режимам Запада, так и застойным обществам с вьёвшимся в его поры антидуховным тоталитарным наследием, не хватает, на наш взгляд, двух взаимосвязанных вещей: 1) культивирования в широких слоях населения духовного труда, ведущего к творчеству на всех уровнях социальной организации (антидемократические общества не движутся в этом направлении по причине того, что этого не допускает проворовавшаяся и не умеющая не только управлять, но и думать власть, знающая лишь то, что личность и духовный труд широких слоёв населения – это потенциальные могильщики «бандитского капитализма» и его неономенклатурных кланов); 2) формирования в широких слоях населения таких обществ целостной и сильной личности, измеряемой подлинно человеческими, духовными качествами.

В свете этого, первоочередной жизнеутверждающей задачей здоровых сил духовно больного общества и ответом на традиционный для России вопрос: «Кто виноват?» – должен быть ответ: «Те, кто не желает и не умеет трудиться духовно». Ответом на вопрос: «Что делать?» – выступает не вооружённая борьба или революция, а духовный труд, ставший нормой как профессиональной, так и повседневной жизнедеятельности, борьба за формирование в широких слоях населения целостной сильной личности, способной к такому труду.

Н. Ю. Костюрина

МОЛОДЁЖНАЯ АКСИОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПО МАТЕРИАЛАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Один из основных вопросов, возникающих в ходе исследования современной молодёжной аксиологии – *представляет ли современная молодёжь России*

¹ Работа выполнена за счёт средств государственного задания № 6.8003.2013 (Г-107/13) «Дальний Восток России: Сохранение человеческого потенциала и повышение качества жизни населения» и является расширенной версией публикации в журнале «Вопросы культурологии» (2013, № 9), объём которой был существенно сокращён по просьбе редколлегии, вследствие чего в окончательный текст не вошёл ряд важных, с исследовательской точки зрения, моментов. Текст данной статьи публикуется полностью в авторской редакции.

аксиологическое единство, т.е. возможно ли сегодня говорить о молодёжной культуре/субкультуре; есть ли у современной молодёжи единая картина мира? Целостность молодёжной культуры (или субкультуры, если рассматривать её в контексте национальной культуры) обеспечивалась (и обнаруживалась) в первую очередь её ценностной, поведенческой, языковой спецификой, контрастирующей по многим параметрам с культурой взрослых, по умолчанию – базовой культурой общества. Эта контрастность, часто переходившая в противоположность, осмысливалась исследователями как закономерный протест нового поколения против мира взрослых, к участию в котором доступ молодёжи был закрыт или в значительной степени затруднён. Пафос протеста – свойство, традиционно выделяемое в качестве основного при характеристике молодёжной культуры/субкультуры, связан и с тем, что старшее поколение традиционно выступало хранителем ценностей, обеспечивая стабильность общества и трансляцию культуры, молодёжь же стабильно оказывается источником новаций, обеспечивая жизнеспособность общества и адаптивность культуры к меняющимся наличным условиям бытия.

Выделение молодёжи в качестве специфической социальной страты связано с временем, когда заметно увеличился период институционализированного обучения, без которого оказалось невозможным её вступление в сферу профессиональной деятельности, т.е. с увеличением «непроизводительного» периода в жизни человека. Важным фактором, способствующим осмыслению специфики жизнедеятельности подростка, молодого человека стало развитие научного знания, выявившего, обосновавшего и описавшего психофизические характеристики человека в различные периоды жизненного цикла, сделавшего предметом научного анализа психологию и физиологию детства, юношества, зрелости, старости, особенности их жизнедеятельности, положения в обществе. Собственно, и речь о молодёжи и молодёжной культуре можно вести лишь тогда, когда есть отчетливое представление о моменте признания человека полноценным членом общества. Если в традиционной культуре переход к такому статусу предполагал обряд инициации, то в XX веке он стал связываться с комплексом социокультурных параметров: законченного/незаконченного образования, наличия/отсутствия семьи, достижения «избирательного» возраста, способности обеспечивать себя в материальном отношении и пр.

Совпадение этих параметров с возрастными дало возможность говорить о специфической социальной страте, достаточно замкнутой и однородной, которая признавалась носителем специфической же культурной традиции.

В течение длительного времени детский, подростковый, юношеский периоды жизни человека осмысливались как этапы подготовки к полноценной жизни, а сложение молодёжной культуры было, в первую очередь, обусловлено отстранённостью от сферы самостоятельной практической деятельности значительного числа людей, по своим психофизическим, нравственным и профессиональным качествам зачастую к такой деятельности вполне способных. Особое положение молодых людей в системе социальных взаимодействий и отношений становилось интегрирующим фактором и порождало разные формы объединения внутри молодёжной среды, для обозначения которых как раз и использовался термин «молодёжные субкультуры». Однако сегодня, по мере изменения социокультурной реальности и положения молодых в социальной стратификации общества, изменяется и содержательное наполнение этого термина. Аксиология, свойственная различным социальным группам современной России, не имеет жёсткой зависимости от их возрастных характеристик; молодёжная аксиология не является спецификой собственно молодёжной аудитории, которая бы отличала её от других социальных и возрастных групп. В этом как раз состоит парадоксальная ситуация современной Российской аксиологии – она странным образом тем больше «сближает» различные социальные группы общества, чем дальше само это общество уходит от советской аксиологической однородности.

Вместе с тем (и это тоже очевидный парадокс), современные молодые люди в рамках своей возрастной группы имеют довольно мало объединяющих или цементирующих их общих склонностей и свойств. Молодёжная среда (а скорее всего, только подростковая) может быть описана как гомогенная только по возрастным и психофизическим характеристикам или вообще ситуативно. Все остальные её социокультурные свойства являются дифференцирующими. Можно утверждать, что однородной молодёжной среды больше не существует.

В ценностном же отношении, как представляется, современная молодёжь России если и не однородна, то всё же обладает некоторой внутренней целостностью. Ниже мы охарактеризуем аксиологическую модель¹ современной рос-

¹ В данном исследовании мы исходим из следующего понимания ценности: 1) это субъективная установка, определяющая личностный выбор и действия человека, «ключевая форма всей человеческой деятельности» (Докучаев И. И. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры. СПб.: Изд-во «Наука», 2009. С. 64.); 2) это субъективный смысл, который индивид придаёт тому или иному объекту или явлению культуры или природы (при этом, формирование ценности опирается на индивидуальный опыт субъекта культуры и его знания о вреде/пользе того или иного объекта); 3) это личностно (и социально) субъективно понимаемый идеал какого-либо явления, вписанный в целостную картину мира человека и общества, позволяющий индивиду ориентироваться в окружающем мире и выбирать жизненные

сийской молодежи, однако, отметим сразу, что к такой модели в значительной степени приходят и общественные группы среднего возраста; молодёжная аудитория в этом плане лишь более последовательна.

В то время как представители «старшего поколения» находятся в ценностном вакууме или в состоянии выбора между различными аксиологическими установками, зачастую с трудом определяя смыслы собственного бытия, молодёжь имеет достаточно определённые ответы на вопросы о смысле жизни. Наиболее распространённые варианты: «счастье», «жить, чтобы жить», «любовь», «секс», «кайф», «самосовершенствование», – что может быть осмыслено как стремление к полноте индивидуального восприятия мира (в т.ч. эмоционального/физического переживания) и самореализации; т.е. вершиной аксиологической иерархии современного молодого человека оказываются ценности индивидуальные, личностные.

Отметим, что многие социологические исследования в качестве базовой ценности современной молодёжи называют «потребление» или материальный эквивалент этого потребления (слепок с «американской мечты») – «семью», «машину», «квартиру»/«бунгало на Канарах» и т.п. Между тем, очевидно, что этот набор благ осмысливается молодыми людьми не как самодостаточный, а лишь оказывается обязательным условием/частью для достижения более высоких целей – «счастья», «самореализации», или условием для достижения психологического комфорта, или (реже, что характерно для маленьких городов) одним из условий успешности социализации. В целом, следует признать, что современная молодёжь ценностно ориентирована в большей степени на творческую деятельность, нежели на потребление.

Интересно выглядят молодёжные экзистенциальные ценности в контексте проблемы смерти/бессмертия, формирующие специфическое восприятие как времени вообще, так и времени человеческой жизни. Жизнь человека (и прежде всего, собственная) зачастую как бы изымается/исключается из представления о течении времени; представления о смерти и старости игнорируются и в аксиологии общества, и на индивидуальном уровне. Самые распространённые ответы молодого человека на вопрос о смерти: «я о ней не думаю», «смерти нет», причём, не в христианском значении бессмертия души, а в смысле невозможности представить конечность собственного телесного существования и соотнести свои решения/выбор/поступок с этим драматическим фактом.

стратегии. Кроме того, ценность рассматривается нами как модель, образец того или иного явления или деятельности, морфология которых определяется морфологией культуры, т.е. является её проекцией.

Можно предположить, что современная культура избавляет молодёжь от осмысления человеческой экзистенции, и либо снимает вопрос о конечности жизни вообще, либо в качестве базовой экзистенциальной ценности предлагает «вечную жизнь», «вечную молодость». Основными каналами для трансляции этой идеи являются реклама (износившуюся часть тела можно исправить/вылечить/заменить) и современная вневозрастная трансстратификационная мода.

Подобные представления о времени формируют и соответствующие антропологические ценности, включающие как внешние «модельные» данные (стройная/худенькая фигура, ухоженные волосы, ногти, ресницы, выразительный макияж у женщин и развитое/сильное тело у мужчин), так и внутренние душевные/духовные параметры/качества. Причём, внешние характеристики оказываются безусловной ценностью современной молодёжи России, несмотря на попытки формирования альтернативных эталонов феминности/маскулинности. Соответствующий образ человека сегодня более востребован в молодёжной среде, чем внутреннее содержание; значимость первого зачастую утверждается в противопоставление второму (свойствам характера, интересам, образу жизни и т.п.); иллюстрацией этого тезиса могут послужить распространённые слоганы: «Работай над внешностью: никто не влюбится с первого взгляда в твой богатый внутренний мир» или «людям важно, чтобы ты прилично выглядел и не застревал в дверях». Соответствие современному эталону рассматривается как залог успешности взаимодействия с людьми, личной и профессиональной состоятельности. Забота об этом осуществляется не только в реальной жизни, но и в виртуальном пространстве.

Другие ценности, которые мы также относим к антропологическим, – это «материальная независимость», «известность/популярность/ востребованность», «престижная/творческая работа».

Материальная независимость для молодого человека выражается в конкретных формах: отдельного от родителей проживания, возможности посетить интересное мероприятие, независимо от его стоимости, стильно одеваться. Столь же значимы собственная востребованность/популярность, которая рефлексировается либо через количество друзей (реальных или виртуальных), либо количество романов. Интересная работа или хобби как своего рода «изюминка», маркер делает человека индивидуальным/уникальным или хотя бы выделяющимся/узнаваемым на фоне остальной массы. Всё это в совокупности работает на создание имиджа, выражающего успешную социализацию, и потому входит в набор важнейших антропологических ценностей современной молодёжи.

Посещение клубной вечеринки, «крутые друзья» («образ жизни», в целом) или брендовая одежда – вот преимущественные формы, в которых находит воплощение юная индивидуальность. В свою очередь, стремление к карьерному росту оказывается выражением ценности «уникальности/исключительности» в тех случаях, когда для молодого человека в большей степени значимы его социальный статус, престиж, а не содержание деятельности.

Зачастую, одной из ценностей современной молодёжи, по результатам соцопросов, оказывается «профессионализм», однако, в содержательном смысле он ассоциируется не с навыками, позволяющими качественно выполнять ту или иную работу, а с его способностью повышать социальный статус человека; поэтому ценность «профессионализма» мы также относим к параметрам, связанным с формированием привлекательного внешнего образа.

Типовые «модели», выступающие в качестве идеала для подражания у молодых людей, можно найти в фильмах, разнообразных телевизионных передачах, ориентированных на молодёжную аудиторию, СМИ и социальных мифах. Чаще всего ими оказываются звезды шоу-бизнеса, спортсмены, «качки», герои сериалов и реалити-шоу, основатели финансовых империй. Основными качествами, вызывающими зависть и стремление подражать становятся уже обозначенные выше известность/популярность, внешний феминный/маскулинный облик, материальное благосостояние.

Из всего набора культурных ценностей важнейшей для молодёжи чаще всего оказывается «польза». Современный молодой человек предельно рационален: его интересуют лишь те знания и умения, которые можно использовать в практической жизни, которые добавляют привлекательности его имиджу или приносят доход.

Одной из ценностей молодёжной культуры является «терпимость/толерантность». Отчасти это связано с тем, что молодой человек сегодня хочет, чтобы его принимали таким, какой он есть; формируется представление, что каждый заслуживает уважения уже просто потому, что он родился и живёт. Ещё никогда слово «человек» не звучало так гордо, как в наши дни. Ценность ноуменального человеческого транслируется и культивируется многими произведениями современного искусства, причём, не только вследствие художественного интереса к частной жизни и повседневности, но и благодаря героизации обывателя (например, в жанре боевика или приключений), который «вдруг» становится исключительным при соответствующем стечении обстоятельств. Современная культура признаёт за каждым из нас способность потенциально обладать некими исклю-

зивными свойствами/возможностями/качествами, которые и обуславливают непреходящую ценность любой человеческой жизни.

С другой стороны, поскольку толерантность связана с интересом человека к самому себе, («другой» вызывает у него гораздо меньшее любопытство), можно утверждать, что на современном этапе она граничит с безразличием и в определённых условиях может привести к отрицанию ценности человеческой жизни в целом. Здесь мы видим, как одна и та же ценность («толерантность») способна провоцировать прямо противоположные позиции («моя» жизнь «бесценна», а жизнь «другого» «ничтожна»). Это подтверждает высказанный выше тезис о приоритете личных ценностей над коллективными у современной российской молодёжи. Однако речь не идёт об эгоизме – речь идёт о смене векторов: человек советской эпохи самоутверждался, заботясь о других и жертвуя собственными жизнью, здоровьем, интересами во имя общего блага; современный молодой человек самоутверждается, достигая неких *личных благ собственными* усилиями, что отнюдь не исключает благотворительности, работы волонтером, заботы о других людях и пр. Видимо, можно говорить о том, что в современной России «вектор» гражданственности переместился с направления «жертвенность» на направление «успешная работа».

Последнее время в молодёжной среде всё более распространяются ценности «здорового образа жизни» и «законопослушности»; престижным становится участие в общественных акциях «Нет наркотикам!», рейдах против неправильной автопарковки, за употребление здоровой пищи (например, овощных соков) и т.п. При этом на фоне возрастающего интереса к общественной жизни современная молодёжь, как правило, демонстрирует свою аполитичность.

Одна из важных ценностей молодёжной культуры – *свобода*. В исследовании Института социологии РАН, проведённом в 2004 г., установлена зависимость признания приоритета ценности *свободы* над ценностью *материального благополучия* от возрастных характеристик: оказалось, чем моложе респондент, тем более значимо для него первое. Так, примерно 70% молодых россиян в возрасте от 16 до 25 лет поставили ценность *свободы* на первое место¹. При этом чаще всего они трактуют её в негативном смысле: как свободу, преимущественно, *от* обязательств/обязанностей, иногда – *от* сомнений. Представляется очевидным, что в этом проявляется крайне негативное отношение современной молодёжи к любого рода ограничениям и нормам, к разным формам контроля. По-

¹ Граждане новой России: как себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить (1998 – 2004). Аналитический доклад. М., 2004. С. 55.

этому с их пониманием свободы закономерно связано и стремление переступить запреты, попробовать в жизни как можно больше.

Ценность *современных технологий* в молодёжной культуре связана с ценностями *молодости, красоты, будущего*. Российская молодёжь, по-видимому, всё ещё возлагает серьёзные надежды на достижения техники и технологий, смотрит в будущее с верой в прогресс человечества.

Ряд антропологических ценностей напрямую связан с представлениями о достижениях медицины, в т.ч. пластической, её способности преодолеть большинство ограничений человеческой природы или «отклонений» от современного эталона красоты. Медицина, по мнению молодых, может всё или почти всё, в том числе, и в борьбе с возрастными изменениями, болезнью, смертью. При этом вера в современную медицину и фармакологию парадоксальным образом уживается с отрицанием роли врача, который в силу своей «некомпетентности/непрофессионализма» может ослабить или даже нейтрализовать успехи научного и технологического прогресса в этой области.

Ещё одной ценностью современной молодёжной аксиологии является *информация*. Вернее, не столько она сама, сколько доступ к ней. Связано это с тем, что знания в современном мире катастрофически обесцениваются, поскольку никакой интеллект не в состоянии соперничать с энциклопедическими данными, находящимися сегодня практически «под рукой» у каждого, имеющего телефон с выходом в интернет. Доступность информации сама по себе обесценивает не только знания, но и процесс их приобретения, в результате которого они когда-то становились достоянием немногих интеллектуалов. Этот факт во многом объясняет специфическое отношение современной российской молодёжи к институту образования: навык практической деятельности ценится среди них гораздо выше теоретических знаний (чего не скажешь о представителях старших поколений, для которых вузовский диплом до сих пор является критерием жизненного успеха).

Любопытно, что «достоверность» знания, также как знание точное, но бесполезное, не обладают высокой ценностью в современной культуре. Однако их ценность может возрасти, если знание или новая информация поднимают престиж обладателя; как правило, это полезные сведения, обслуживающие/облегчающие доступ к ценностям, описанным нами выше.

Представление о доступности информации в сочетании со стремлением попробовать себя в разных сферах деятельности формирует убеждённость молодёжи в безграничности личных возможностей. Выше уже упоминался социальный

миф о супер-свойствах, таящихся до поры в каждом человеке; в повседневной жизни вера в безграничные возможности детерминирует ценность путешествий, необычных, а иногда и опасных хобби, в которых реализуются ожидания молодых людей.

Одним из лозунгов, иллюстрирующих этот тезис, является популярный рекламный слоган «попробуй всё», как было отмечено выше, косвенно связанный с ценностью *свободы*. «Мы всё можем», – часто безо всяких оснований и даже сомневаясь в этом, утверждают современные юноши и девушки; «мир у наших ног», – уверены они, выражая этим ещё одну важную современную ценность – брать всё, что мир может предложить человеку. «Ведь вы этого достойны!» – настойчиво убеждает реклама, закрепляя право людей на счастье и надежду на будущее.

Безусловной ценностью современной молодёжи является *общение*. Сегодня принято различить два его вида: «живое» и «интернет-общение». Совсем недавно, буквально 5 – 7 лет назад, когда сотовые телефоны и интернет не были столь доступны и дешевы и только ещё входили в повседневную жизнь россиян, многие исследователи заговорили об угрозе «одомашнивания досуга» и подмене живого общения электронным. Однако эти прогнозы не сбылись. К началу 2010-х годов наметился обратный процесс: непосредственное «живое» взаимодействие у молодых людей стало оцениваться выше, чем виртуальное. Перемерив множество личин и сыграв множество образов в виртуальном взаимодействии с другими образами и личинами, молодые люди быстро поняли их ограниченность, осознали потребность в том, чтобы другие люди воспринимали их не в виде фрагментарного набора случайных черт, а как личность. Приоритет интернет-общения сохраняется сегодня лишь в том случае, когда у молодого человека возникают серьёзные проблемы с социализацией. Чаще всего оно оказывается дополнительным по отношению к реальному «живому» взаимодействию (или предшествует и организует его); тому же способствует и увеличение мобильности устройств, обеспечивающих доступ к чатам и социальным сетям. Всё более популярными в молодёжной среде становятся акции, предполагающие сочетание интернет- и реального общения, например, флэш-мобы.

В любом случае, очевидно, что общение занимает высшие этажи в системе ценностей молодёжи, пересекаясь по значимости с такими ценностями как *любовь* и *секс*.

Отдельно следует сказать о ценности *природы*. В целом, современный молодой горожанин мало взаимодействует не только с природой как «негород-

ской» средой, но, как ни странно, и с собственной природой (телесностью). Ценность последнего, как уже отмечалось выше, опосредована медициной. Что касается первого, то сегодня сохраняются две распространённые формы, в которых молодой человек, житель города/мегаполиса вступает во взаимодействие с окружающей природной средой – это осадки (погода) и пикник. Природа не осмысливается в качестве среды обитания современного человека; как фон для пикника, она обладает ценностью лишь постольку, поскольку вносит некоторое разнообразие в досуг. С другой стороны, существуют устойчивые представления о том, что природа может быть опасна для человека (тайфун, наводнение, землетрясение и т.п.); в этом качестве она выступает, скорее, как антиценность. В последние десятилетия XX века сложилось мнение о необходимости защиты окружающей природной среды от пагубного воздействия человека (отсюда берут начало движения «зеленых», «вегетарианцев» и пр.), но оно, по-видимому, производно опять же от страха перед природой, а не от ее аксиологической значимости.

На первый взгляд, есть одно исключение из сказанного выше, и оно касается ценности домашних питомцев (кошек, собак, птичек и т.п., которых содержат в городских квартирах). Однако, очевидно, что, зачастую, любовь к ним («дорожение» ими) возникает лишь в тех случаях, когда взаимодействие с животным подменяет его владельцу полноценное человеческое общение, либо когда животное повышает престиж владельца, являясь своего рода маркером или аксессуаром (в этой роли сегодня часто выступают не только «модные» чихуахуа, той-терьеры и бесшерстные кошки, но также экзотические и небезопасные львы, тигры, крокодилы и пр.).

Наконец, ценность, которая занимает высшую ступень в молодёжной аксиологии – *любовь* (в данном случае мы понимаем под ней отношения сексуальных партнёров). Содержание этой ценности имеет, в большинстве случаев, гендерную асимметрию, в мужском варианте сближаясь с ценностью *секса*, в женском – с ценностью *семьи*. Но в любом случае, речь идёт об искреннем интересе к партнёру, верности, заботе друг о друге, долговременных отношениях.

Интересно отметить, что многие ценности, которые, судя по результатам социологических опросов, признаются молодёжью значимыми, в практической жизни часто осмысливаются ею как правильные, но устаревшие, вследствие чего не являются серьёзными мотивами для принятия повседневных решений и не служат эталоном самооценки. Такова, например, ценность *морали*, независимо от того, советская она или современная.

Основными факторами, влияющими на формирование современных молодёжных ценностей, являются политика, экономика, культурная среда, искусство (в первую очередь музыка); субъектами – референтная группа, семья, теле- и радиожурналисты; каналами – СМИ (телевидение, радио, в меньшей степени – пресса), интернет и компьютерные игры.

Постулируемая нами значимость ценности *общения* позволяет в качестве важнейшего фактора аксиогенеза современного молодого человека назвать ту социальную среду, которая оказывается наиболее значимой (референтной) для него, и её социокультурные характеристики. Очевидно, что наибольшую вариативность таких социальных сред предлагает, в первую очередь, мегаполис с его значительным социокультурным многообразием, менее богат в этом отношении крупный областной/краевой/республиканский центр, и уж совсем беден им малый провинциальный город.

Отдельно необходимо сказать о роли музыки в процессе формирования аксиологических предпочтений молодёжи России. Написано об этом довольно много. Важным выводом большинства исследователей является утверждение о том, что серьёзное аналитическое отношение к музыке, рефлексия собственных музыкальных предпочтений, эстетическая основа личного выбора стиля, направления, исполнителя доступны лишь для молодёжи, получающей или получившей специальное музыкальное образование (учащихся/выпускников музыкальных школ, училищ, консерваторий). Основная же масса молодых людей, не обладающих достаточной квалификацией для осмысленного формирования музыкальных симпатий/антипатий, руководствуется, прежде всего, ритмом и общей тональностью музыки, задающих соответствующее настроение (то есть, музыка выполняет роль, своего рода, камертона для эмоционально-психического состояния человека). На втором месте находится текст, позволяющий слушателю соотнести себя с лирическим героем, узнать в чужих переживаниях собственные; на третьем месте – подражание.

О первостепенной роли ритма и тональности в формировании музыкальных предпочтений молодёжи свидетельствует популярность зарубежных песенных шлягеров, текст которых не несёт для большинства русскоязычных слушателей никакой смысловой нагрузки. Следует отметить и то, что прослушивание разнообразных саунд-треков не только оказывается фоном, определяющим или усиливающим настроение человека, но и служит своего рода буфером между ним и окружающим миром, например, избавляя от взаимодействия с пассажирами в транспорте по дороге на учёбу/работу, нотаций старших родственников, скучно-

го учебного занятия, рекламы и чужих музыкальных предпочтений, защищая, таким образом, личное/комфортное пространство.

Песенные тексты на русском языке в содержательном плане группируются вокруг тематики рок-музыки: жизнь/смерть, выбор/поступок, верность/предательство/измена, смысл жизни и пр., – и популярной музыки: любовь, разлука, ревность. Зачастую они имеют гендерную специфику, отражая мужские и женские тематические предпочтения. Но чаще всего, как мы обнаружили, современная молодёжь не формирует стойких и определённых музыкальных пристрастий, слушая под настроение самые разнообразные произведения, зачастую случайно открывая для себя музыку разных жанров и эпох.

Аксиогенное воздействие телевидения и рекламы проявляется, прежде всего, в направленности на формирование у современного молодого человека стремления к активному образ жизни, заботы о личной гигиене и получения удовольствия от еды, напитков, табачных изделий и пр. Реклама также визуализирует представления об эталоне мужской/женской красоты и артефактах материальной культуры, повышающих престижность индивида (а, по сути, агрессивно навязывает стереотипы потребления товаров и услуг, реальная значимость/полезность которых часто проблематична и отражает исключительно коммерческие интересы их производителей).

Психосоциальному воздействию рекламы посвящено значительное число исследований; среди социологических следует отметить работы А. Тарасова и П. Чукреева¹, которые выделяют и описывают три типа молодых людей в зависимости от степени влияния на них рекламного продукта: «раздавленные брендами», «зависимые от брендов» и «независимые от брендов». Также П. Чукреев считает, что небольшая, но все же значимая доля респондентов, подверженных воздействию рекламы, демонстрируют снижение стремления к свободе.

Ещё одним важным каналом трансляции ценностей в молодёжную культуру являются компьютерные игры. Существует устойчивая традиция оценивать их влияние исключительно негативно, в первую очередь, вследствие бесспорно большей привлекательности и значимости для современных детей и подростков по сравнению с традиционными кинофильмами, телепередачами и тем более книгами. Принято считать, что компьютерные игры отвлекают от реальности, обесценивают человеческую жизнь и «снимают» ответственность за принятое

¹ Тарасов А. Молодёжь как объект классового эксперимента. Статья 3 // Свободная мысль – XXI. 2004. № 12. С. 8 – 12; Чукреев П. Реклама и ценности молодёжи: социологический анализ // Вестник бурятского государственного университета. 2012. № 6.

решение, приучая к возможности реванша, «обратимости произведённых действий», возможности «перезагрузки» (одна «жизнь» не удалась, но в запасе есть ещё две, три, пять...).

Но есть и убедительные альтернативные точки зрения. Так, А. Фанталов, например, высоко оценивает значимость в образовательном процессе и воспитании игр-стратегий¹. Привлекательность компьютерных игр он объясняет ощущением эмоционального голода, обусловленного недостатком физической и душевной активности, перегруженностью пассивным потреблением информации, свойственным современному человеку. Отрицая «бездуховность» компьютерных игр, автор предлагает бороться не против них вообще, а против низкокачественного программного продукта, так же, как против непрофессиональных, примитивных фильмов, книг, живописных произведений.

Современные игры-стратегии, отмечает А. Фанталов, создаются профессионалами высокого класса, соединяющими «достижения реалистического европейского искусства с мироощущением человека XXI века». В компьютерных играх присутствует интерактивность, вырабатывающая заинтересованность в действии, тренирующая решительность, рациональность мышления. В ходе игры её участник рассматривает варианты действий, проявляет гибкость мышления, лабильность, способность переосмысливать стереотипы. Игра снимает излишнее эмоциональное напряжение, позволяя и в реальной жизни действовать более эффективно. Она даёт возможность человеку понять, что он сам значимее любой избранной им роли, и это также увеличивает психологическую устойчивость в практической повседневной жизни.

Большинство игр-стратегий требуют умения «по-шахматному» мыслить, просчитывать развитие событий на несколько ходов вперёд, задумываться о последствиях предпринятых шагов, в целом, непрерывно повышать качество принятия решений. Они предполагают наличие у игрока интуиции и способности иметь дело «со множеством асинхронных разнонаправленных процессов – экономическое развитие, технологический прогресс, военная мощь, международное положение, культурная политика и пр. Умение найти здесь правильный баланс – подлинное искусство». Многие такие игры учат кооперации, сотрудничеству, умению прощать, т.е. тренируют качества, без которых сложно оставаться человеком в современном мире.

¹ Фанталов А. Н. Психолого-педагогические аспекты компьютерных игр // Герценовские чтения. Начальное образование. 2012. Т. 3. № 1. С. 162 – 166.

Интернет-технологии (компьютерные средства коммуникации, визуальные искусства и «электронная культура») оказываются сегодня самым совершенным каналом не только трансляции информации вообще, но и социокультурных ценностей. Они увеличивают поле культурных контактов до почти планетарного масштаба, интенсифицируют процессы информационного обмена, создавая беспрецедентные возможности для обеспечения доступа к образованию, организации досуга, развлечениям, обеспечивают самовыражение и саморазвитие, реализуют личностные устремления и потенции.

Самая значительная проблема здесь – это выбор или ориентир в море разнообразной информации, которую зачастую характеризуют как фрагментарную и бессистемную¹. Очевидно, что он обусловлен уровнем запросов личности. По мнению ряда исследователей, информационное изобилие, также как доступность практически любой информации и знакомство с инокультурными явлениями, приводят к трансформации культуры, причём, прежде всего, её «национальных» ценностей. На это можно возразить, что ценности и свойства национальной культуры как раз оказываются более наглядными на фоне чужой культуры и чужих ценностей. В любом случае, очевидно, что увеличение объёма знаний о «чужих» культурах предполагает рост толерантности человека по отношению к ним.

Тема свободы предоставления и получения информации развела российских учёных, буквально, по разные стороны баррикад: одни требуют введения цензуры, другие полагают, что это является залогом дальнейшего прогрессивного развития общества. Так, один из апологетов первой позиции утверждает: «Современная действительность преподносит горькие уроки тотального обмана и подтасовок в сфере духовной культуры, которые в своём единстве представляют целенаправленную работу по уничтожению национальной идентичности русского народа, лишению его исторической памяти, стиранию границ между духовным и бездуховным, между добром и злом... Дополняет картину духовного разрушения Интернет, стирая межнациональные границы, создавая лишь видимость вхождения в мировую культуру, он увлекает оригинальными рекламами, красочными изображениями, безумными играми, которые наркотически притягивают и разлагают личность не только духовно, но и физически. Так, например, ребёнок ищет оригинальные материалы для школьного сочинения с целью раскрытия художественного образа Наташи Ростовской, а на экране, на фоне текста

¹ Москаленко Д. Модернизация ценностей культуры в глобальном информационном пространстве // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2012. № 1. С. 121 – 127.

сочинения, показываются порнографические изображения голых девушек с именами и даже телефонами, не говоря уже о том, что в Интернете содержится много информации просто малограмотной, искажённой»¹.

Мы придерживаемся иного мнения и далеки от морализаторской позиции, характерной для автора цитируемой статьи, который видит в открытости и доступности информации только лишь одну угрозу обществу; общеизвестен факт, что запреты и ограничения сами по себе ещё никогда не приводили к формированию осознанной эстетической и этической позиции, в то время как эффект запрета, сам по себе, как раз и вызывает к жизни неспособность индивида к самостоятельному отбору и оценке информации, превращая его в послушное орудие идеологического манипулирования.

О введении цензуры точно сказал Ю. Б. Норштейн: «У меня по поводу происходящего нет никаких иллюзий. Я чувствую, что мы идём к мрачным временам. Хлеб с маслом и колбасой будет, конечно, на столе, но это не главное. Дело в том, что человек не будет осознавать, в какой стране он живет, у него не будет того подлинного чувства свободы, которое всегда связано со знанием и просвещением, с воспитанием чувств, сострадания – всего того, без чего человек не является личностью. И мне кажется, что у нас с этим плохо и надеяться не на что»².

К счастью, современная культура предлагает человеку множество каналов трансляции информации, не ограничиваясь только цифровыми. В частности, нельзя в этом отношении умалять значение телевидения, хотя последние годы молодёжь перед экраном телевизора проводит всё меньше времени, да и её интерес становится более избирательным (по статистике молодёжью сегодня наиболее востребованы реалити-шоу и комедийные сериалы). Эти TV-жанры предполагают рельефность и даже шаржевость человеческих образов, (включая различные психологические типы, принадлежность к различным социальным и имущественным слоям), каждый из которых оказывается носителем комплекса ценностей, предлагая зрителю идентифицировать себя с кем-либо из героев, либо, напротив, осознать собственную уникальность. С другой стороны, число таких типов ограничено и формирует несколько упрощённые стереотипы, которые молодёжь использует как инструментарий для оценки действительности.

Проведенное исследование показало, что современную молодёжную аксиологию отличает не столько противоречивость, сколько разнообразие. Наиболее

¹ Зорилова Л. С. О трансформации духовных ценностей в современной культуре России // Московский государственный университет культуры и искусств. 2012. Вып. 5 (109). С. 278.

² Норштейн Ю. Б. Мы идем к мрачным временам // URL : <http://grani.ru/blogs/free/entries/188850.html>.

важными в молодёжной среде стали группы ценностей «общения», «культуры» и «антропологические». Высшие позиции в иерархиях заняли ценности «физическая красота», «материальная независимость», «престижная/творческая работа», «известность», «профессионализм», «карьера», «крутая тусовка», «польза», «успех», «терпимость», «время», «здоровый образ жизни», «хобби/увлечения», «будущее», «общение», «любовь», «дружба», «польза».

Если же говорить о дальневосточной молодёжи, то для неё также наиболее важными являются группы ценностей «общения», «культуры» и «антропологические», но конкретное наполнение первых двух несколько иное – оно специфицируется в таких ценностях, как «интернет-общение», «живое общение», «любовь», «дружба», «совместные развлечения», «известность», «востребованность», «физическая красота», «сексуальная привлекательность», «свобода от любых норм и запретов», «уверенность в себе», «надёжность», «доброта», «материальная независимость», «престижная/творческая работа». А вот основные экзистенциальные ценности для всей молодёжи России (включая и дальневосточную) одинаковые: «жизнь», «счастливая жизнь», «счастье», «молодость», «бессмертие», «самореализация», «кайф», «секс».

В аксиологическом контексте региональная специфика молодёжи проявляется в сравнительно большей сосредоточенности на личных ценностях и сохранении важного значения элементов традиционного (русского, советского) мировоззрения. Для российской молодёжи, вообще, характерны ориентация на самореализацию в любых социальных, экономических и политических условиях, в любом регионе мира; идея личной ответственности за свое будущее, в том числе, и в материальном плане; производительный образ жизни; творчество. Что касается современной культуры России, в целом, то она предлагает сегодня такой спектр возможностей для формирования индивидуальной и групповой аксиологии, демонстрирует такое многообразие поведенческих образцов и жизненных стратегий, что прогностические возможности для их валидного анализа пока остаются предельно низкими. Что станет аттрактором завтрашнего дня – неизвестно.

Вместе с тем, это, безусловно, не означает «закрытия» данной темы для исследователей. Как нам представляется, изучение ценностных ориентаций молодёжи, также как опосредуемых ими жизненных стратегий, имеет отнюдь не академическое значение, поскольку позволяет выявить важнейшие тенденции развития всего российского общества. Как ни банально это звучит, нельзя не признать, что сегодняшние молодые люди очень скоро станут определять и текущую политику нашего общества и государства, и успехи/провалы экономики, и

взлеты/падения национальной культуры. Исследование аксиологии позволяет не только спрогнозировать возможные проблемы и кризисы процесса гражданского становления молодого поколения россиян, но и обнаружить возможности их успешного преодоления или, по крайней мере, оптимизации.

И. М. Ревич

ГУМАНИТАРНЫЙ ЭТОС И ИСТОРИЯ

О том, как нам относиться к истории, как её преподавать в школах и вузах, как её использовать в целях воспитания, много говорится в различных дискуссиях разного уровня. Столкновение мнений показывает, что не только простые потребители исторического знания, но и экспертные сообщества историков и специалистов-гуманитариев не могут дать однозначные ответы на сакраментальные вопросы: какая история нам нужна, сколько нам её нужно, как сделать, чтобы история не вносила в социальную жизнь раздоры и скандалы? И, видимо, это неплохо, так как указывает на живой интерес к проблемам нашего сегодняшнего социального бытия, являющегося сложнейшим сплавом традиций и новаторства. Здесь напрашивается параллель: как для поддержания здоровья и лечения человека необходима медицинская генетика, так и для общества, чтобы оно было здоровым, необходима история как социальная генетика.

Мы не в силах изменить «вещество» истории, её фактичность, но её существование как цепь экзистенциально-креативных детерминаций внутри исторического времени способны поставить под контроль своего сознания, тем более что история как континуум событий превращается (такова онтология сознания) в феномен-структуру последнего. Именно поэтому мы способны применить ноумены этики к исторической реальности. Эта процедура предполагает реализацию отношений востребованности, прежде всего, к личностям, которые существовали в истории. Отношение к этим личностям есть ретропроекция тех отношений, которые существуют сейчас к реально существующим личностям. И если феномен совести для современного человека не пустой звук, то именно голос совести в истории становится актуальным для экзистенциальных стратегий личности в настоящем. По существу, речь идёт о тенденциях формирующегося гуманитарного этоса в историческом прошлом.

В рамках гуманитарного этоса невозможна «суверенная» история, невозможна история для «своих». Как опасен партикулярный гуманизм (гуманизм может быть только универсальным), так и опасен национал-историзм. Последний, быть может, представляет собой наиболее вульгарную форму использования так называемого сослагательного наклонения в истории. Потому что национал-историзм представляет собой политически ангажированный феномен, который инициируется властными структурами силового сегмента.

То, что человек живёт в историческом мире, несомненно, но у него есть парадоксальное стремление выйти за его пределы. Человеку необходимо «выйти» из истории, подняться над ней именно в личностном, экзистенциальном смысле. Этот смысл подразумевает отказ от использования расхожих штампов, что история должна «воспитывать гордость за свою страну». Однако воспитывать, т. е. делать его причастным к позитивным фактам прошлого можно только посредством экзистенциально-креативного сознания, работающего личностного сознания, которое должно сделать выбор, на чей оно стороне: палачей или жертв, новаторов или ретроградов, гонителей или гонимых. Строго говоря, история вообще, как континуум событий, связей и отношений, не зависящих от нас, сегодняшних, не может быть предметом «гордости» и источником «положительного заряда». Как не может быть предметом «гордости» природный детерминизм (например, что Волга впадает в Каспийское море, что метеорит упал в наш родной огород или что тот или иной индивид родился русским или французом). Однако в экзистенциально-креативном смысле предметом и источником позитивного отношения может быть только историческая личность, подчинённая требованиям нравственной необходимости, человеческой креативности и формирующегося гуманитарного этоса. И вот для того, чтобы история не превращалась в объект борьбы за мифическое наследство, она должна в научном и образовательно-воспитательном аспектах стать историей человеческой экзистенциальной креативности, которая только и способна формировать гуманитарный этос. На первое место в изучении и преподавании истории должна быть поставлена личность (даже анонимная). И только от позитивных действий личности в истории, обладающей разумом (в том числе политическим, правовым, экономическим), моралью, верой, художественной креативностью, возможен мост к личности современной.

Антропологический поворот философии истории настоятельно требует, чтобы для современного человека история предстала как история науки, философии, искусства, техники, права, экономики, политики, медицины, одежды, ку-

линарии, гигиены, сельского хозяйства, промышленности и т. д. Для нас крайне важно знать то, что способствовало в прошлом очеловечиванию человека и формированию гуманитарного этоса. Гордость и творческий порыв у современника способно вызвать только те экзистенциальные стратегии личности, которые делают нас людьми. И пусть нас не смущает тот факт, что, например, курс по истории убийств и истории сексуальных преступлений будет больше востребован, чем курс истории науки или искусства. Быть может, именно традиционное преподавание истории (как истории войн, политических преступлений и чудовищных интриг, многочисленных «историй» упоения власти самой собой) привело к тому, что деспоты и тираны более известны современному массовому человеку, чем великие отечественные учёные, подвижники-изобретатели, писатели, художники, правозащитники.

Человеческое существо, как известно, не укоренено в бытии и страстно ищет этого укоренения в будущем. Выражением такого страстного поиска бессмертия является религия. Но выражением того же является и история. Именно история лицом к лицу сталкивает нас с ситуацией необходимости подлинного, говоря словами протестантского теолога П. Тиллиха, «мужества быть»¹. Но как можно быть в истории, если прошедшего не существует? Быть можно только в настоящем с надеждой на будущее. А это означает способность жить в своём сознании, как памяти, причём, не только в инструментально-операциональном смысле понимания памяти, где история предстаёт как голая фактичность, а в экзистенциально-креативном, где история как память, как полагал К. Ясперс, есть «экзистенциальный зов», зов совести². И чего греха таить, без этической экспертизы истории, без экзистенциальной памяти человечности получает широкое распространение так называемый конвенциальный цинизм (оправдание «своих подлецов и сукиных сынов», своих ошибок и преступлений). Возможны также неоднозначные попытки искусственно сбалансировать «положительное» и «отрицательное» в прошлом. Действительно, прошлое можно и должно «сбалансировать». Но это не более чем социально-технологическая операция, вызванная волей к власти самой же власти. Поиски «баланса» в этом смысле есть не что иное, как политтехнологическая процедура, неразрывно связанная с другой подобной процедурой – поисками «друзей» и «врагов», «своих» и «чужих» в прошедшем времени. И если так понимать историю, то результат применения исто-

¹ См.: Tillich P. The courage to be. New York, 1952; Тиллих П. Мужество быть // URL : <http://altrea.narod.ru/tillich/mut.html>.

² См.: Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.

рии как национального проекта, опрокинутого в прошлое, будет плачевным. Только лишь экзистенциально-креативный модус сознания (личностного сознания) предполагает поиск и нахождение перспектив гуманизма в сложном сплетении ретроспекций. Зёрна гуманизма и этико-культурного идеализма (понятого в духе Э. Кассирера) в истории становятся видимыми и востребованными благодаря конвенциональным правилам иудео-христианского трансцендентализма или, другими словами, благодаря применению категорического императива И. Канта к историческим коллизиям.

Особого разговора требует состояние одержимости в отношении к истории и традиции. Причём, чем больше любви испытывает человек к своему прошлому, тем больше у него шансов стать нетерпимым. Одержимость своей собственной историей возникает в том случае, когда вера (как религиозная, так и иные её модификации) подчиняет себе разум, и эстетическое чувство берёт верх над моральным. Человеку вообще присуще мифолюбие и символолюбие, что и приводит к господству абстракций над живыми людьми. Можно привести не сей счёт немало примеров. Так, в частности, Э. Кассирер писал о драме исторического познания, приводя такой пример: «Представитель прусской школы Трейчке даже отказывался изучать материалы непрусских архивов: он опасался в результате такого изучения ненароком разрушить своё убеждение в преимуществах прусской политики. Такую позицию можно было бы понять и извинить, если бы речь шла о политическом памфлетисте или пропагандисте; применительно же к историку это означает крушение и банкротство исторического познания. Такую установку в сфере духа можно сравнить с позицией противников Галилея, которые наотрез отказывались взглянуть в телескоп и убедиться в истинности астрономических открытий Галилея, поскольку не хотели разрушить слепую веру в систему Аристотеля. Такой концепции истории мы можем противопоставить слова Якоба Буркхардта: “Выше слепой хвалы отечеству тот более тягостный долг, который лежит на всех нас как гражданах: воспитать в себе людей, способных к пониманию, для которых истина и причастность духовным ценностям... высшее благо; именно это знание диктует нам представления о гражданском долге”»¹.

Таким образом, проблема «правильной» исторической теории и практики, как и вопрос об «истинной» вере – это вопрос об экзистенциальной истине, и этот факт предполагает принципиальный запрет на агрессивное нетерпимое отношение оппонентов друг к другу. В религии это означает принципиальную не-

¹ Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 664.

разрешимость вопроса о преимуществе той или иной веры и религиозного опыта. Хотя это не исключает, более того, настоятельно требует непрекращающегося диалога, поисков путей к взаимопониманию на основе идей милосердия, свободы, человеческого достоинства. Однако пренебрежение самим ядром экзистенциальной истины – отношением к человеческой жизни как святости – может заставить историю служить бесчеловечности. Одержимость собственной субъективностью недопустима для историка как гуманиста и как исследователя, не чуждого интеллектуальной честности.

Поэтому культурный идеализм предостерегает от использования истории в патриотически-репрессивных целях. Патриотизм есть, прежде всего, экзистенциальное (персоналистическое) требование по защите ноуменальной самооценности личности, собственной семьи, собственного этноса (нации), собственной национально-государственной общности. Патриотизм – это, своего рода, этический категорический императив по защите единичного человека. Патриотизм, как интенция личности, имеет природное, социальное и экзистенциальное содержание. Однако природно-ландшафтный, государственно-политический, социально-экономический патриотизм без экзистенциального требования признания самооценности личности способен превращаться в опасную риторику. Разумеется, в экстремальной ситуации военной угрозы военно-оборонительная составляющая патриотизма может и должна стать доминантной.

Патриотизм должен видеть не только «страну отцов», но и «страну детей». А «страна детей» – это системы и структуры воспитания, образования, здравоохранения. Поэтому гордиться следует не пушками прошедших войн, не количеством атомных зарядов на душу населения, а образованием и здоровьем детей, которыми жива твоя семья, твой этнос, твоя культура, твоя страна. А если это так, то идея патриотизма – это не столько национальная, сколько космополитическая идея. Космополитическая потому, что и образование, и здоровье, и защита окружающей среды – феномены планетарные, общечеловеческие.

Гуманистическая экзистенциально-креативная составляющая патриотизма возникает на пересечении интересов этнокультурной и национально-государственной общности и реалий космополиса. Патриотизм нельзя вынести из кладези противоречий прошлого. В этом смысле, потенциал патриотизма в большей степени содержится в отечественной художественной литературе, чем в истории. Трагический опыт Германии в XX веке со всей очевидностью показал, что пат-

риотическое сознание способно наполниться вытяжкой ядов из своей национальной истории, что национал-гуманизм («гуманизм для своих») и национал-социализм – как это ни прискорбно констатировать – выросли из национал-историзма, выпестовавшего свою убийственную и самоубийственную версию патриотизма. Патриотизм каждого народа, каждой политической и этнокультурной общности может существовать только как продукт живого настоящего, пронизанного универсальной человечностью. Патриотизм – дитя любви, а не ненависти. Строго говоря, патриотизм есть производное гуманитарного, а не милитаристски-карательного этоса. Г. Гессе в своё время сказал: «Я считаю себя патриотом, но, прежде всего, я человек, и, когда одно не совпадает с другим, я всегда встаю на сторону человека»¹. Вот это «прежде всего» позволяет говорить о гуманистическом измерении патриотизма. Кстати, поэтому и невозможно воспитать патриотов на истории большевистской контрреволюции², на истории сталинщины, на лжи советской истории. А на сопротивлении злу и лжи – можно и нужно.

Конфессиональная и политическая память нередко превращаются в сказку, в миф, если, конечно, понимать термин «миф» не в обывательском значении этого слова (ложь, выдумки, сконструированная реальность), а в культурологическом: как целостную и нерасчленимую концепцию коллективного переживания прошлого в его единстве с настоящим и будущим. Мифы в худшем случае – это яды истории, приносимые к нам, в настоящее, они действуют самым разрушительным образом на сознание современников. В этой связи можно вспомнить парадокс, отмеченный Ф. Ницше в труде «О пользе и вреде истории для жизни», – чем больше истории, тем больше её ядов³. Не ошибся в этой связи С. Е. Лец, предупредив человечество о том, что «следы многих преступлений ведут в будущее»⁴...

Травматический опыт истории заставляет нас задуматься о причинах сегодняшнего состояния России, её экономике, политике, демографии. И если задуматься о предлагаемых проектах её преобразования: экзотический евразийский путь, своеобразная опора на собственные силы (сверхэксплуатация природных ресурсов), милитаризованный патриотизм, романтизация и героизация имперскости и державности, то необходимо признать, что истоки сегодняшних про-

¹ Гессе Г. Письма по кругу. М., 1987. С.74.

² См.: Ревич И. М. Культура как мишень контрреволюции // DIXI – 2012... С. 92 – 102.

³ См.: Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 158 – 230.

⁴ См.: Лец С. Е. Непричёсанные мысли / пер. с польск., послесл. М. П. Малькова. СПб.: Академический проект, 1999. С. 24.

блем России находятся в том «революционном» прошлом, которое столь пафосно воспевали большевики, а затем советские историки. Действительно, придется признать, что отцы ели кислый виноград, а у детей – на губах оскомины. Эта сентенция имеет отношение к истории русской контрреволюции, к тем социально-политическим импровизациям (например, разгон в январе 1918 г. Учредительного собрания), которые социально-генетически обусловили многие сегодняшние наши беды: и антизападную риторику, и невроз своеобразия, и любовь к тиранам, и тягу к мобилизационной экономике.

К сожалению, репрессивно-патриотическая версия истории не хочет признавать, что кроме «Холодной войны», которая началась с политического разрыва с Антантой, была ещё «Голодная война» – инспирированная большевиками экономическая война против всего российского народа. Ленинская контрреволюция своей «красногвардейской атакой на капитал», разрушила всю сложнейшую систему экономических связей и отношений в стране, и без того находившейся в кризисном состоянии, вызванном войной. В свете большевистской идеологии, разрушение производства, обмена, распределения и потребления воспринималось как революция. Сейчас даже смешно говорить, что военный коммунизм был революционным актом. Именно большевистская идея «нового мира», идея нового социалистического строя, идея агрессивной конфронтации со «старым миром» объективно являлись контрреволюционными действиями по отношению к культурно-цивилизационным европейским ценностям. Фактически, большевистская «революция» была бунтом против Европы. Контрреволюция нуждалась в Большой Лжи, которую можно было бы оформить эстетически и назвать советской историей. Однако нельзя, потерпев гносеологическое и практическое поражение в поисках мистических законов истории, найти для себя отдохновение в, якобы, обретённой благодати.

И всё-таки история знает сослагательные наклонения. Но они предполагают не просто некоторые захватывающие экзерсисы историков типа, что было бы, если бы в начале XV века не Москва победила Новгород, а Новгород победил Москву? Что было бы, если бы Сталин не видел в европейской социал-демократии большего врага, чем в Гитлере? Сослагательное наклонение присутствует в истории как запрет на идеологизацию и национализацию истины, которая существует в хронотопе настоящего. Сослагательное наклонение – это выражение нравственной необходимости истины гуманистического сознания «страны детей», а не «страны отцов». Строго говоря, чем труднее представить «страну от-

цов» – историю – в качестве объекта, тем изощрённее становится субъективность, несущая новые опасности для современности. Это мы можем наблюдать, прежде всего, в импликациях религиозно-конфессиональной (конфессионал-историзм) и политической (национал-историзм) истории. Такой истории, которая околдована самой собой. Например, христианство исторично, но существует некая «околдованность» этой историчностью, когда жизнь христиан определяет не Христос, а сложившаяся определённым образом церковная «история». С точки зрения верующего, Христос выводит личность из истории в бессмертие и вечное Царство, которое для христианина несравненно выше, несравненно более «ценностно» (то есть – обладает экзистенциально-креативным потенциалом), чем любой ход событий, любая власть, любой «град земной» и любая культура. В этом – суть христианства, а его историчность и многообразие социальных импликаций есть нечто, сопутствующее христианству. Однако изощрённая (политически ангажированная) субъективность способна на первое место ставить неглавное. Так, христианство превращается в идеологию – своего рода, «христианизм» – политически ангажированное христианство. Если христианство транслируемо и не может рассматриваться как партикулярный феномен, то христианизм, как идеология и практика, всецело становится заботой конфессионал-историзма. Разумеется, это явление не запретишь, но только не следует забывать, что из дурной эмпирии нельзя делать трансценденцию. Главным же для учёного-историка является то, что сила, способная «вывести» из истории, – это моральные требования, которые актуальны сегодня – здесь-и-теперь.

История – это не сумма историй стран, наций, этносов, индивидуумов, а сумма поведений личностей. Следовательно, необходим критерий для оценки этих поведений. Этим критерием являются принципы гуманизма. Только в этом случае речь может идти о национальном проекте, опрокинутом в прошлое – в историю. Мы сейчас спокойно живём, зная о первобытном каннибализме, о преступлениях против человечности, инспирированных «вящей славой Божьей», о палачах в Освенциме и ГУЛАГе, не потому, что у нас притупилось моральное чувство. Наше спокойствие обусловлено тем, что цивилизованное человечество не нуждается в рецидивах того зла и способно себя от него обезопасить. И строго говоря, не может быть различных этических систем, несмотря на то, что существует мультикультурализм и многообразие исторических интерпретаций. Не могут существовать в границах гуманитарного этоса различные понимания совести и этического долга, выпестованные самой историей. Стране детей нужны не яды истории, а её живительные соки.

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ НАУЧНОЙ СФЕРЫ СОВРЕМЕННОЙ ПРОВИНЦИОЛОГИИ

Повсеместно утвердившейся тенденцией современной культурной жизни различных регионов России является возрождение из небытия всего того ценного, что связано с историческим наследием своей «малой родины», введение этого материала в современную культурную практику. «Нет городов, в которых не было бы их истории, собственных примечательных событий в прошлом или выдающихся людей», – писал Д. С. Лихачёв¹. Источник созидательной силы провинции – в её традициях, сохраняющих свою жизнеспособность в условиях активно преобразующейся на протяжении многих веков социальной действительности, в результатах творческой деятельности её представителей, в самой истории провинциальной культуры, формирующей и закрепляющей доминирующие ценности национальной культуры в целом. Поэтому многие выдающиеся мыслители современности именно с русской провинцией связывают возрождение России. В частности, А. И. Солженицын заметил: «Станет ли когда-нибудь наша страна цветущей, решительно зависит не от Москвы, <...> а от провинции»².

Всё это определяет новые подходы к проблемам русской провинции в современной отечественной гуманитаристике. Общациональная значимость накопленного в различных регионах страны культурно-исторического опыта требует научного осмысления в категориях культурологического дискурса, способного за массивом разнообразных эмпирических данных (имён, фактов, исторических событий) выявить общие тенденции. В связи с этим определяется особая сфера научного дискурса феномена русской провинции, свидетельствующая о выдвигании провинциологии как специфического типа и формы знания³.

Исходной позицией в определении данной научной области можно считать поставленный И. Л. Беленьким вопрос о возможности существования провинциологии как таковой: в одноименной статье учёный весьма основательно, объёмно и подробно структурирует проблематику исследования русской провинции, выде-

¹ Лихачёв Д. С. Провинция и великие «малые» города // Лихачёв Д. С. Русская культура. М., 2000. С. 127.

² Солженицын А. С. Как нам обустроить Россию. Посильные соображения Л., 1990. С. 23.

³ Злотникова Т. С. Провинция // Культурология. Энциклопедия : в 2 т. Т. 2. / гл. ред. и автор проекта С. Я. Левит. М., 2007. С. 291.

ляет многочисленные ракурсы, каждый из которых может послужить отдельной научной проблемой. Весьма существенным представляется вывод автора, который может служить методологической установкой: «Если и возможно говорить о “провинциологии” как типе и форме знания, то исключительно как о сосуществовании множества “провинциологий”, не всегда даже готовых к диалогу. “Провинциология” одновременно выступает и как система или иная совокупность (а, может быть, и междисциплинарность) научных знаний о “провинции” (эмпирического и теоретического, сравнительно-исторического и типологического характера), и как любая форма рефлексивного переживания “провинции”, обнаруживаемая в пределах локальных провинциальных пространств, и вне их»¹.

Возможно, первым термин «провинциология» ввёл в научный оборот В. А. Гречухин, краевед, основатель общественного музея г. Мышкина Ярославской области, удостоенный за свою подвижническую деятельность премии им. Д. С. Лихачёва². Не обсуждая вопрос об авторстве термина, особо отметим практическую направленность краеведческой работы В. А. Гречухина на активное сохранение и возрождение культуры российской провинции.

В научном дискурсе провинциология определяется как сфера культурологии, представляющая российскую провинцию в историческом, философском, нравственно-психологическом и социологическом ракурсах. Так, М. А. Орешина в рамках разработанного ею тезауруса пространственных категорий дала следующее определение: «Провинциология – предполагаемое знание о “провинции”, номотетический тип знания, познание глубины внешнего пространства; система или совокупность научных знаний о “провинции” и форма рефлексивного переживания “провинции”; нарратив/повествование о “провинции” на языке её осмысления»³.

Культурологическая направленность является в целом доминирующей в трактовке данного термина (работы Ю. В. Афиани, И. Л. Беленького, В. Н. Козлякова и др.). При этом следует заметить, что исследователи, которые используют данное понятие как таковое, трактуют его неоднозначно. С одной стороны, определяется практическая доминанта дефиниции, когда провинциология позво-

¹ Беленький И. Л. «Провинция» как предмет знания и переживания. Возможна ли «провинциология»? // Российская провинция XVIII – XX веков. Матер. всеросс. конф. Кн. I. Пенза, 1996. С. 50.

² Севастьянова А. А. Регионоведение, краеведение и академическая наука // Вторые Яхонтовские чтения. Матер. науч.-практ. конф. Рязань, 2003. С. 5.

³ Орешина М. А. Пространство как предмет гуманитарных исследований : Доклад в рамках студенческого семинара кафедры экономической географии географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Декабрь 2003 // URL : <http://www.ecoross.ru/article.php?id=828>.

ляет анализировать текущие проблемы современной культуры и политики. Интересен опыт украинских учёных и специалистов-практиков, которые с 1996 г. проводят международный научно-практический семинар «Проблемы провинциологии», посвящённый вопросам провинциализации как тенденции современной социально-политической и национально-культурной жизни в контексте бурных политических и идеологических процессов, охвативших современную Украину. М. Ю. Простаков считает, что «провинциология, как новое научное направление, даёт возможность с ещё одной, новой, и даже неожиданной стороны, посмотреть на сложившуюся в Украине социально-культурно-психологическую ситуацию»¹. В частности, автор рассматривает вступление Украины в Евросоюз как превращение независимого самостоятельного государства в европейскую провинцию, отдалённую и от административной столицы (Брюсселя), и от основных экономических центров «старой Европы», традиционно расположенных в Германии, Франции, Великобритании.

Солидарную трактовку практической значимости провинциологии предлагает Н. М. Инюшкин. В условиях постиндустриального общества, в том числе, и в высокоразвитых странах после пика мегаполисной урбанизации складывается тенденция предпочтения провинции как пространства «дома-очага», сохраняющего глубинные архетипы – ментально-психологические, нравственно-коммуникативные потенции, которыми всегда была сильна глубинка. Не являясь доминирующей, эта тенденция вместе с тем существует, «осознанно или подсознательно воплощая в себе стратегически нравственную идею первостепенной значимости среды, максимально облегчающей самовыражение для наибольшего числа людей, осознания каждым из них своей духовной значимости в “доме-очаге” и в собственных глазах. <...> Культурологическая провинциология может стать базой, выполняющей не только научно-исследовательскую, но и социально-организующую функцию»².

С другой стороны, учёные Поморского университета подчеркивают историчность провинциологии в сопоставлении с современной регионологией, открывающей новые «глобализированные» аспекты изучения провинции и пери-

¹ Простаков М. Ю. Преодоление провинциального менталитета как историческая задача Руси-Украины : Доклад на XII ежегодной науч.-практ. конф.-семинаре «Прикладные проблемы современной провинциологии», 11 ноября 2008, г. Черновцы, Украина // Актуальні проблеми сучасної провінціології. Збірник тез і матеріалів науково-практичних конференцій-семінарів за 2006 – 2009 рр. Одеса, 2009. С. 63 – 68 // URL : <http://forum.gorod.dp.ua/showthread.php?s=5a5c52eb6cc852c6507a0242cd7f5688&t=89754>.

² Инюшкин Н. М. Провинциальная культура : природа, типология, феномены. Дисс. ... д-ра филол. наук. Саранск, 2005. С. 293.

ферии. «Провинциология – наука об историческом провинциальном прошлом, как и историческое краеведение, ещё долго не исчерпают своих локальных возможностей. При этом они реально в какой-то части могут конкурировать только с исторической, но не с современной регионологией, так как междисциплинарное предметно-объектное поле регионологии значительно шире и глубже. Комплексное понятие “регион” объединяет провинцию, губернию, штат, область, край и так далее. <...> В теории глобализации вместо провинции сегодня употребляются концепты “глобальное ядро” и “периферия”, понятие которой по своему содержательному смыслу в чём-то созвучно глобальной провинции. Двадцать первый век <...> стирает прежние грани между провинцией и столичностью в сфере культуры, образования, информации, сводит на нет многие ранее существующие преимущества столиц, признанных культурных центров. Однако уровень жизни населения, развития экономики на периферии всё ещё значительно ниже, чем в странах так называемого “золотого миллиарда человечества”, входящих в “глобальное ядро”. <...> Поэтому при упоминании провинции, периферии в настоящее время возникают ассоциации не с культурной, информационной отсталостью, хотя и это, безусловно, присутствует во многих странах, а с низким уровнем социально-экономического развития значительных региональных пространств в глобальном поле Земли»¹.

Для выявления специфики научно-проблемного поля провинциологии представляется обоснованным использование параллелей и пересечений со смежными дисциплинами. В качестве таковых выступают: региональная история и региональная (провинциальная) историография, местная (локальная) история, микроистория, историческое краеведение, региональное краеведение, историописание и историология края, регионоведение, регионология, регионалистика, регионистика, районистика, отечествоведение, родиноведение, россиеведение, росика, русистика, городоведение и урбанистика, усадьбоведение, краелюбие. Многообразие терминологических определений в рамках, по сути, общего предмета изучения имеет существенные методологические «нюансы», суть которых заключается в специфике взгляда на провинцию с позиции сложившихся научных традиций.

Известно, например, что краеведческий подход предполагает, прежде всего, практически-деятельное участие в судьбах «малой родины». «Краеведение не только наука, но и деятельность!», – подчёркивал Д. С. Лихачёв, отмечая массо-

¹ Северное регионоведение в современной регионологии : монография / отв. ред. Ю. Ф. Лукин. Архангельск, 2005. С. 37 – 38 // URL : <http://www.pomorsu.ru/doc/mba/nr/intcon.pdf>.

вый характер краеведения, объединяющий высококвалифицированных учёных разных специальностей (историков, географов, искусствоведов, литераторов) и учеников средних школ¹.

Для исторической науки провинция может представлять интерес как в конкретно-эмпирическом, так и теоретическом планах. «Выбор историком понятийно-категориального аппарата региональных исследований, – отмечает М. П. Мохначёва, – тех или иных дефиниций (местная или локальная история, регионоведение, регионалистика, регионология или провинциальная историография, провинциология, историческое краеведение) в последнее время всё чаще ассоциируется с выбором “эмпирического” либо “теоретического” направления, приверженностью к “старой” либо “новой” методологии истории»².

Новый импульс исследованиям провинциальной культуры был задан региональной культурологией, конкретизированной рядом смежных научных областей – регионоведением, регионалистикой, регионологией. Не ставя целью выявление специфики научно-проблемных зон каждой, отметим единство объекта исследования, которым является конкретный регион, а также комплексный характер данного научного направления, обусловленный междисциплинарностью его происхождения («на стыке» географии, экономики, экологии, политологии, социологии, краеведения и др.). Например, по определению Ю. Ф. Лукина, «регионология – междисциплинарная наука о региональных социумах, устойчивых социально-этнических общностях людей, объединённых единым социальным, культурным, экономическим, политическим, экологическим пространством в рамках одного государства или нескольких стран»³.

Развитие региональной культурологии осуществляется как в направлении разработки теоретико-методологической базы научного направления (работы О. В. Грицай и Г. В. Иоффе, Н. Д. Матрусова, И. И. Горловой, С. Н. Иконниковой, Л. М. Мосоловой и др.), так и исследования конкретных регионов (Т. Н. Арцыбашева, Т. Ф. Ляпкина, Г. М. Казакова, Н. А. Розенберга и др.). Выявление особенностей протекания историко-культурных процессов в отдельном регионе рассматривается во взаимовлиянии на них особенностей жизни российской про-

¹Лихачёв Д. С. Краеведение как наука и как деятельность // Русская культура. М., 2000. С. 159 – 173.

²Мохначёва М. П. Регионалистика и историческое краеведение в России в 1991 – 2005 гг. : некоторые итоги и перспективы развития // Региональные школы русской историографии. Regional Schools of Russian Historiography / ред. Дюла Сван. Будапешт, 2006. С. 59 // URL : <http://www.russtudies.hu/php/upload/File/Ruszkonyv>.

³Северное регионоведение в современной регионологии... С.5.

винции в целом. На взаимосвязь региональной культурологии с провинциологией указывает М. П. Мохначёва (Историко-архивный институт РГГУ) как в отдельных статьях, так и в рамках проекта «Регионалистика (регионистика) и провинциология». Отдельные стороны этого взаимодействия рассматриваются Ю. Ф. Лукиным (Поморский ГУ, см. выше), Г. М. Казаковой, И. Я. Мурзиной.

Несмотря на весьма ограниченный круг применения термина, провинциология как ракурс культурологии имеет своё научное наполнение. Выделяются отдельные её компоненты: философско-антропологический (исследования Н. И. Ворониной, И. В. Отставновой), социокультурный и культурно-антропологический (научная школа по теории и истории культуры при Ярославском государственном педагогическом университете им. К. Д. Ушинского» под руководством Т. С. Злотниковой), типологические особенности провинциальной культуры (Н. М. Инюшкин), отдельные специфические проявления (работы М. Г. Ваняшовой, В. П. Кудинова, А. И. Куприянова). Особое значение имеют исследования, в которых русская провинция интерпретируется в качестве духовно-ментального пространства (работы Н. И. Ворониной, Т. С. Злотниковой).

Ракурсы исследования провинциальной культуры, которые сложились на данный момент в отечественной культурологии и которые, по сути, и составляют реальное содержание современной «провинциологии» или «провинциаловедения», весьма разнообразны.

Сложилась традиция культурологического осмысления феномена российской провинции как хронотопа с доминирующими внеприродными, ментально-эйдетическими свойствами (И. Л. Беленький, Л. О. Зайонц, О. А. Лавренова, И. В. Отставнова, Ю. Л. Троицкий, Е. Н. Эртнер). И. Л. Беленький, например, рассматривая провинцию как «предмет знания и переживания», выделяет в ней три категориальных уровня:

- провинция как конкретная реальность (определённый территориальный топос, одна из реальных российских провинций);
- провинция как идеальный конструкт (превращённая форма знания о реальной российской провинции, «помысление» о ней);
- провинция как «идеальный тип» («предельно обобщённое понимание провинции как территории всей страны в целом за исключением общероссийского центра-пространства столицы/столиц»)¹.

¹ Беленький И. Л. «Провинция» как предмет знания и переживания... С. 41 – 42.

Важный аспект провинциологии – типология российской провинции – рассматривался Г. А. Аванесовой, О. Н. Астафьевой, А. А. Даниловым, Н. М. Инюшкиным, М. С. Каганом, И. А. Купцовой, В. С. Меметовым, Е. А. Сайко, В. Я. Филимоновым, Т. А. Чичкановой.

Один из важных типологических признаков – стратификация провинциальной культуры, исследование отдельных её субкультурных слоёв: провинциального города (Л. А. Анохина, Т. Н. Кандаурова, В. Н. Козляков, Л. В. Кошман, А. И. Куприянов, А. А. Севастьянова, М. Н. Шмелёва), усадебной культуры (М. В. Бердяшкина, Ю. А. Веденин, Е. Е. Дмитриева, О. С. Евангулова, Л. В. Иванова, Т. П. Каждан, О. Н. Купцова, Е. Н. Марасинова, М. В. Нащокина, Г. Ю. Стернин, В. Г. Щукин). Отдельные социокультурные срезы представляет собой политическая культура российской провинции (С. И. Барзилов, И. И. Горлова, Н. Г. Карнишина, С. Ю. Наумов), культура провинциального дворянства (Е. П. Кабытова, Е. В. Фролкина).

В центре внимания современной культурологии – антропологическая проблематика. Роль личности в истории провинциальной культуры, многообразные связи творческой личности с провинцией – важный компонент провинциологии. Этот аспект рассматривался в работах А. А. Данилова, Н. А. Дидковской, Т. С. Злотниковой, Н. Н. Летиной, В. С. Меметова, В. Г. Рыженко.

Аксиологические аспекты провинциальной культуры рассматривали Л. К. Ермалаева, С. В. Коваленко. Культурно-исторические ценности региона конкретизируются в понятиях «культурное гнездо» (Н. П. Анциферов, И. М. Гревс, Н. К. Пиксанов, Е. В. Полутина и др.), «культурная среда» (О. Н. Андреева, Г. Н. Баженова, Н. В. Кирьянова, Л. В. Кошман, И. Б. Стояновская, Э. А. Шулепова и др.).

Аксиология повседневности – ещё один актуальный аспект современного культурологического дискурса. Проблеме провинциальной личности в контексте повседневной провинциальной действительности посвящены исследования О. В. Бердовой, Е. А. Дегальцевой, Н. А. Дидковской, А. Б. Каменского, А. И. Куприянова, Н. Н. Козловой, Г. А. Янковской.

Частные вопросы провинциальной литературы и искусства раскрыли Х. С. Булацев, Е. И. Кириченко, О. Г. Ласунский, И. Ф. Петровская, Е. И. Рубинштейн, Е. Г. Щеболева. Комплексные региональные исследования предприняли О. Е. Глаголева, Н. В. Никитина, Т. Д. Пронина, Е. П. Слепцова.

Российская провинция в контексте мировой культуры исследуется В. Т. Ермаковым, Н. Н. Летиной, Н. А. Макаровым, Л. В. Рассказовой, Е. А. Соколовой.

Но основополагающее значение для обретения провинциологией парадигмального качества имеет проблема её методологии, которую поднимали В. В. Абашев, В. Ю. Афиани, И. Л. Беленький, Н. И. Воронина, А. А. Данилов, Т. С. Злотникова, И. Н. Инюшкин, М. С. Каган, В. Л. Каганский, А. И. Куприянов, В. С. Меметов, М. В. Строганов, Т. А. Чичканова, С. О. Шмидт, Т. П. Фокина. М. В. Строганов, например, выделяет два методологических принципа «провинциаловедения»:

1) установку на идентичность, которая определяется в позиции извне, со стороны другого, через соотношение с другим, выявление сходства и различия (методология противопоставления столицы и провинции, включающая критерии провинциальности как оценочной категории);

2) установку на специфичность, которая определяется в позиции изнутри, через определение свойств данного локуса вне сравнительных характеристик (методология исследования локальных текстов, замкнутого пространства).

Отмечая основные подходы к изучению провинциальной культуры («культурные гнёзда», усадьбоведение, литературное картографирование и другие замкнутые объекты изучения) в рамках провинциаловедения, этот учёный сопоставляет его с краеведением: «Краеведение является комплексной гуманитарной наукой, ориентированной на системное изучение пространства как носителя культурных смыслов в его специфичности, но при этом не предполагающее текстуализации данного пространства»¹.

Среди всех прочих ракурсов особое методологическое значение имеет соотношение культуры провинции и столицы. В той или иной степени этот вопрос затрагивается в основной массе исследований русской провинциальной культуры. В работах Н. П. Берляковой, И. М. Быховской, В. Р. Веселова, Н. Г. Карнишиной, Н. И. Розановой данный подход акцентирован особо. В частности, И. М. Быховская и Н. И. Розанова, рассматривая соотношение столицы и провинции в ряду других методологических принципов (коммуникативных действий, межкультурной коммуникации, сопряжения субкультур), выделяют следующие компоненты культур-диалога столицы и провинции:

– содержательные: социальные (институциональные, групповые, социально-динамические) и культурные (регулятивно-ценностные, нормативные, символические);

¹ Строганов М. В. Провинциаловедение, краеведение и прочие региональные исследования // Пространство культуры и стратегии исследования : статьи и материалы о русской провинции : XX Фетовские чтения (Курск, 15 – 18 сентября 2005 г.) / ред. Н. З. Коковина. Курск, 2006. С. 8.

– структурные: основные элементы коммуникации, внутренние связи в исторической динамике;

– функциональные: основные функции взаимодействия и его последствия в целом и для каждой из сторон, в том числе, в разных видах социокультурной практики (обыденной, профессиональной, специализированной, массовой и др.);

– регулятивные: механизмы межкультурного взаимодействия столицы и провинции;

– исторические: роль коммуникативных процессов в культурогенезе и процессах трансляции культурного опыта на различных уровнях (локальном, региональном, национальном и др.);

– детерминантные: объективно складывающиеся условия и основания взаимодействия;

– актуальные: с точки зрения современной культурной политики совпадение/различие декларируемых и актуальных ценностей¹.

В современной провинциологии бинарный архетип² «провинция – столица» выступает методологической базой исследования провинциальной культуры и проявляет себя как многосторонняя исследовательская область. Интересна, например, транскрипция этой дихотомии в трактовке духовных оснований православной культуры, отражённых в событиях Ветхо- и Новозаветной истории (Вавилонская башня, Лестница Иакова, Рождество Христово) и европейской литературе XVIII века («Робинзон Крузо» Д. Дефо)³.

Дихотомии «столица – провинция», «центр – периферия» закрепляются в понятиях «провинциальности», «провинциализма» как категориях, которые являются устойчивыми культурологическими характеристиками провинциальной культуры (Т. В. и П. А. Клубковы, А. В. Ковыршин, В. И. Орлова, М. В. Строганов, И. В. Чванов). С ними связаны разнообразные аспекты провинциального сознания, которые анализировались Е. Г. Вышкиным, Э. Я. Дмитриевой, Г. М. Дробжевой, А. В. Качкиным, М. Р. Махлиным, Т. Б. Ткаченко, В. А. Шкуратовым. Отдельные духовно-содержательные, ментальные характеристики провинциаль-

¹ Быховская И. М., Розанова Н. И. Культурный диалог «столица – провинция»: методологический принцип анализа // Культура российской провинции: век XX – XXI веку: матер. Всеросс. науч.-практ. конф. Калуга, 2002. С. 17 – 19.

² Уваров М. С. Бинарный архетип: эволюция идеи антиномизма в европейской культуре. СПб., 1996; Он же. Поэтика Петербурга: очерки по философии культуры. СПб., 2011; Каган М. С. Введение в историю мировой культуры. Кн. 2. СПб., 2003. С. 159; Лотман Ю. М. Культура и взрыв // Семиосфера. СПб., 2004. С. 147.

³ Богун Н. А., Столяр М. Б. Архетип столицы и провинции в контексте православной культурологии // Філософія етнокультури та морально-естетичні стратегії громадянського самовизначення: зб. наук. статей / за ред. проф. В. А. Личковаха. Чернівці, 2006. С. 25 – 29.

ной культуры закреплены в авторских концепциях «ойкумены российской провинции» (Н. Н. Летина), «жизнесмысла» (И. В. Отставнова), «мифологии» (Е. Я. Бурлина) и «неомифологии» (Е. Н. Эртнер) провинциальной культуры.

В системе отмеченных ракурсов исследования провинциальной культуры современная отечественная провинциология предстаёт особой научной сферой культурологического знания, позволяющей осмыслить как целое разнообразные наблюдения над отдельными регионально-локальными вариантами отечественной культуры, выявить их связи и взаимодействия, генеральные тенденции и факкультативные особенности.

*Часть 3**Социология, политология**А. Ю. Завалишин***СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ
КСЕНОФОБИИ И ЭКСТРЕМИЗМА¹**

Рост ксенофобии, вообще, и этнической, в частности, оказался под пристальным вниманием российских и зарубежных учёных с начала 1990-х годов, что в значительной степени связано с распадом СССР и возникшими на его бывшей территории многочисленными очагами межэтнической напряжённости². Однако возникло данное явление не в недавнем прошлом, а уходит своими корнями в «седую старину», к самым истокам человеческого общества, когда принадлежность индивида к племени или роду заставляла его делить людей на «своих» и «чужих», идентифицировать себя со «своими», заботиться о них в ответ за их заботу о себе и в равной мере бояться, презирать и убивать «чужих», в ответ на их страх, презрение или жестокость к его соплеменникам. Само по себе это спланировало древнюю общину, основанную, преимущественно, на кровнородственной идентичности и этим объективно способствовало её выживанию в агрессивной природной и социальной среде. В течение тысячелетий ксенофобия как социально-психологический механизм так прочно укоренилась в культуре, нормах, традициях и обычаях, что стала восприниматься как нечто «само собой разумеющееся». Специфическое отражение этого феномена можно найти в сказках и преданиях всех народов мира, имея, однако, в виду, что сказочный «чужой», противопоставляемый «своему» культурному герою в большинстве случа-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства образования и науки Хабаровского края, договор № __ от __ сентября 2013 г. «Социальное меньшинство: дискурс-анализ (на примере коренных народов Дальнего Востока России)».

² См.: Бжезинский З. И. Посткоммунистический национализм. М.: ИНИОН, 1991; Нетерпимость в России: старые и новые фобии. М.: Московский центр Карнеги, 1999; Дробижева Л. М., Аклаев А. Р., Коротева В. В., Солдатова Г. У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации. М.: Мысль, 1996; Здравомыслов А. Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М.: Аспект Пресс, 1999; Исламофобия в Москве. Сб. статей. М.: Изд-во Ипполитова, 2003; Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряжённости. М.: Смысл, 1998; Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в Российской Федерации. М., 1997; Smith A. D. Ethnic Identity and Territorial Nationalism // Thinking Theoretically about Soviet Nationalities: History and Comparison in the Study of the USSR / ed. by A. J. Motyl . New York , 1992. P. 47 – 48 и др.

ев предстаёт там не в образе человека, а в виде злого духа (демона) или чудовища. Последнее не случайно, поскольку перевод «чужого» – иноплеменника – в категорию *нелюди* легитимировал право на его физическое уничтожение. И хотя со времени формирования таких представлений общественное сознание и общество в целом претерпели грандиозные изменения, древний архетип «чужака» до сих пор остаётся имплантирован в коллективное бессознательное, управляя поведением людей часто вопреки здравому смыслу. Каждый из нас, от младенца до старика, встречая человека, которого его подсознание категоризирует как «чужого», вынужден совершать большие или меньшие психологические усилия, чтобы преодолеть в себе немотивированное подозрение, настороженность или страх по отношению к нему.

С другой стороны, бесспорно и то, что со времени возникновения цивилизации, одним из признаков которой стало смешение народов и рас (первоначально в столицах, затем – крупных и малых городах, в меньшей степени – сёлах), идея «всечеловечности» (общности интересов *всех* людей вообще, доброжелательности, миролюбия – *гуманизма*) также систематически внедряется в общественное сознание со времён античных мыслителей (достаточно вспомнить *homo politicus* Аристотеля¹) до великих гуманистов наших дней: блаженной Терезы Калькуттской (матери Терезы), Ж.-П. Сартра, А. Айера² и др. Общность интересов всех людей, противопоставляемая эгоистичным интересам отдельного индивида или группы, признаётся сегодня универсальной основополагающей ценностью глобализирующегося сообщества. Но само по себе это не элиминирует ксенофобии, которая по отношению к всечеловечности в определённом смысле может рассматриваться как генетическая компонента человеческой ментальности *versus* ее культурно-образовательной компоненты. Ксенофобия дремлет в каждом из нас, и иногда достаточно совершенно незначительного события, чтобы она вырвалась наружу, попирая все доводы здравого смысла. При этом она может принимать разные формы: от сравнительно безобидной и даже здоровой настороженности, до навязчивых состояний, психозов и массовой истерии. В этом последнем случае, будучи привнесённой из архаичного первобытного состояния человечества в современность, она проявляется в насильственных действиях, акциях экстремизма и служит уже не выживанию племени/рода, а взаимоничтожению этносов и культур.

¹ «Человек по природе своей есть существо политическое» (Аристотель. Политика).

² См.: Гуманизм // Википедия // URL : <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C3%F3%EC%E0%ED%E8%E7%EC>; Чёрный Ю. Ю. Современный гуманизм (обзор) // URL : <http://humanism.al.ru/ru/articles.phtml?num=000142> и др.

Почему же так происходит?

Ответ на этот вопрос имеет несколько уровней обобщения, что само по себе не добавляет ему транспарентности. Так, с позиции сугубо биологической, ксенофобию можно эксплицировать как производную от инстинкта животного предка человека (что характерно, вообще, для большинства живых существ нашей планеты) и проявляющуюся в агрессии по отношению к близким видам и подвидам, препятствующим образованию смешанных пар и, как следствие, рождению нежизнеспособного потомства (для примера можно привести мула (результат скрещивания осла и кобылы) или лошака (результат скрещивания жеребца и ослицы), которые, как известно, бесплодны). Сторонники биосоциологии (отметим, что их взгляды большинство современных учёных не разделяют или подвергают обоснованным сомнениям) считают ксенофобию продуктом экстраполяции инстинкта самосохранения от индивида до группы (обособленной территориально, этнокультурно, конфессионально, социально-статусно или как бы то ни было ещё), возникшей в результате формирования локальных сообществ, борющихся за выживание и/или коллективную идентичность.

Вместе с тем, считать ксенофобию сугубым продуктом сублимации животных инстинктов человека нет никаких оснований. И большинство современных представлений о её природе, сложившихся в социологии и психологии, исходят именно из этого.

Но прежде чем перейти к анализу данных представлений, дадим исходное определение. В Википедии *ксенофобия* (от греч. ξένος – чужой + φόβος – страх) трактуется как «страх или ненависть к кому-либо или чему-либо чужому, незнакомому, непривычному; восприятие чужого как непонятого, непостижимого, и поэтому опасного и враждебного»¹.

Очевидно, что чувства «страх» и «ненависть», хотя и коррелируют, но принципиально противостоят друг другу. Отсюда закономерно следует как внутренняя противоречивость этого феномена, так и возможность его флуктуаций в континууме «*страх* – настороженность – неприятие – озлобленность – *ненависть*». Ряд исследователей утверждают, что ксенофобия проявляется и в форме *презрения* к её объекту². Последнее нам представляется не совсем верным. В данном случае мы исходим из того, что в основе ксенофобии лежит именно страх (чаще всего немотивированный, а потому иррациональный), а

¹ Ксенофобия // Википедия // URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%A1%D0%95%D0%9D%D0%9E%D0%A4%D0%9E%D0%91%D0%98%D0%AF#sel=5:1,5:29>.

² См.: Политика. Толковый словарь / общ. ред. д.э.н. И. М. Осадчая. – М.: «ИНФРА-М», 2001 // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/3788/%D0%9A%D0%A1%D0%95%D0%9D%D0%9E%D0%A4%D0%9E%D0%91%D0%98%D0%AF#sel=5:1,5:29>.

ненависть и презрение – его вторичные/производные продукты. Их главное предназначение – маскировка страха, который, особенно в молодёжной среде, считается выражением слабости. Того, кто боится, подвергают публичному презрению, а нередко и изощрённым издевательствам. Именно поэтому, чем сильнее страх, тем выраженнее показное презрение и ненависть к тому, кто или что его вызывает. Известный принцип уголовного мира – «не верь, *не бойся*, не проси» – из того же психологического ряда. Да и основная питательная среда бытовой ксенофобии – это низы общества, наименее защищённые и от криминального, и от правового произвола. На групповом (субкультурном) уровне тому же служит ксенофобская идеология (национализм, фашизм), играющая роль, своего рода, социально-политического «макияжа», скрывающего коллективный страх перед «чужим», подобно тому, как тональный крем скрывает подростковую *аснае vulgaris*.

Ксенофобию можно трактовать в широком и узком смысле: в первом случае (этимологически) – как боязнь всего нового, непривычного, незнакомого (человека, техники, например, компьютеров, рыночной экономики и т.п.); во втором случае (социокультурно и психологически) – боязнь, ненависть и/или презрение не конкретного человека или явления, а социальной группы (класса, рода явлений), без учёта объективных различий составляющих их индивидов или единиц, что противоречит не только принципу социальной справедливости, но и здравому смыслу. Именно такому узкому значению соответствует и этническая ксенофобия.

Сделаем ряд предварительных утверждений, вытекающих из сказанного выше:

1. Ксенофобия – это *естественная* психологическая реакция человека на реальную или предполагаемую угрозу, исходящую, как правило, от индивида или группы, которых он квалифицирует как «чужого/чужую».

2. Ксенофобия может возникать по отношению к *любому* незнакомому субъекту (индивидуальному или коллективному) по *любому* поводу, который квалифицируется как «угрожающий» жизни, благополучию, идентичности и т.п. человека или той группы, к которой он принадлежит.

3. Ксенофобия «дремлет» в каждом из нас и может проявиться совершенно неожиданно под воздействием самых разных обстоятельств (имплицитных и эксплицитных, возникших спонтанно или спровоцированных субъектами, заинтересованными в разжигании ксенофобии в обществе).

4. Факторы или условия, приводящие к росту ксенофобских настроений (равно как и их ослаблению), имеют психологический, социальный, культурный, экономический и политический аспекты.

5. Ксенофобия, как психологическое явление, возникающее на тонкой грани сознательного/бессознательного, питается, прежде всего, теми экспликациями «чужого», которые, что называется, видны невооружённым глазом: внешнестью, речью, поведением. Поэтому не случайно, что во всех обществах наиболее широко представлена и наиболее остро рефлексруется именно расовая (этническая) ксенофобия (что, конечно, не отменяет её возникновения по отношению к представителям/группам «чужих» религий, сексуальных ориентаций, социальных слоёв, инвалидам и пр.).

Мнения, высказываемые учёными, исследующими ксенофобию, относительно причин и факторов её проявлений в обществе, многообразны. Попытка их систематизации была предпринята российскими исследователями М. И. Левиным и М. В. Шиловой в статье «Экономические аспекты ксенофобии»¹. При этом центральная идея авторов о том, что ксенофобия корректно описывается в категориях «выгоды (пользы) – ущерба (вреда)» и в этом смысле имеет веские экономические основания, не помешала обратиться и к иным аспектам, впрочем, всякий раз развёрнутым в экономическую плоскость. Вслед за названными учёными мы перечислим и кратко охарактеризуем ряд наиболее значимых, на наш взгляд, причин возникновения и усиления ксенофобии, в свою очередь, разворачивая их в плоскость *этничности*.

Прежде всего, отметим, что все причины, приводящие к росту ксенофобии в обществе, в аналитических целях корректно разделить на две группы: 1) *терминальные* – коренящиеся в психологии, культуре, истории данного общества или группы, и 2) *инструментальные* – являющиеся средством воздействия на социальное поведение людей, как правило, с целью извлечения политической и/или экономической выгоды узкой группой заинтересованных лиц. При этом в широком смысле, все их можно отнести к общему социокультурному комплексу, поскольку, в реальности происходит взаимодействие и наложение многих причин одновременно, суммарное взаимодействие которых имеет синергетическую природу.

К первой, *терминальной*, группе причин мы отнесём: наличие устойчивых предрассудков (этнических мифов); стереотипирование восприятия отдельных этносов и их представителей; реверсивность ксенофобских стереотипов; пред-

¹ См.: Левин М. И., Шилова М. В. «Экономические аспекты ксенофобии» // URL: http://finbiz.spb.ru/download/4_2009_lev_shil.pdf.

взятости и предубеждения; проецирование на «другого» собственных морально неприемлемых качеств; сбой или неэффективность когнитивных механизмов; полиэтничность и неизбежно следующую из неё этническую стратификацию.

Ко второй, *инструментальной*, группе причин относятся: личностно ориентированная (taste-based) и «статистическая» дискриминация; рациональный расизм; образно-сенситивная ретрансляция; формирование определённых установок, имеющих конкретную политическую или экономическую цель (получение экономической/политической ренты).

Рассмотрим эти причины более подробно.

Наличие устойчивых предрассудков (этнических мифов). Этнический миф (как и миф, вообще) по определению формирует ложное представление о тех или иных этносах и/или их представителях, основанное не на знании, а на вере, укоренённой в традиции или транслируемой посредством политической, религиозной и иной пропаганды, средств массовой информации, произведений искусства, где оно зачастую предстаёт в символически закодированном виде, а потому с трудом поддаётся рациональному истолкованию. Содержание этнических мифов связано с историей взаимодействия конкретных народов, имеющих общие границы этнических ареалов, либо дисперсно проживающих на общей территории (государств, регионов, исторических местностей, анклавов и т.п.). Поэтому каждый такой миф по-своему уникален, их дешифровка и развенчание являются самостоятельными научными задачами.

Вместе с тем, существуют и универсальные этнические мифы, преодоление которых имеет не только локальное, но и глобальное значение. Пять таких мифов были приведены в Отчете ПРООН¹ о человеческом развитии 2004 г., посвящённом теме «Культурная свобода в современном разнообразном мире»²:

1) этническая идентичность противостоит гражданской идентичности: нельзя быть националистом и патриотом одновременно (в Отчете ПРООН указывается, что это не так: данные виды идентичности не являются взаимоисключающими, более того, они могут взаимодополнять друг друга);

2) этнические группы конфликтуют друг с другом из-за расхождения в ценностях (возражение: различия в ценностях сами по себе не являются причиной конфликтов; чаще всего их движущей силой оказывается экономическое неравенство, борьба за ресурсы, политическое, социально-экономическое или куль-

¹ ПРООН – Программа развития Организации Объединённых Наций.

² См.: Мифы и реалии этнического разнообразия // URL: <http://www.zavtra.com.ua/news/socium/51765/>.

турное влияние, имеющие не столько этническую, сколько социально-статусную этиологию);

3) принцип обеспечения культурной свободы личности противоречит принципу необходимости защиты традиционных культурных практик; это порождает конфликт между этническими традициями и приоритетами развития человека (возражение: культурная свобода индивида предполагает расширение возможностей его личного выбора, а не размывание традиционных культур как целостностей);

4) чем более разнообразен этнический состав населения страны, тем менее она способна к развитию (возражение: доказательств очевидной связи между культурным разнообразием и развитием не существует; как среди полиэтнических государств, так и среди более или менее этнически однородных есть высоко-, средне- и низко развитые);

5) одним этносам более присущи демократические ценности и способность к экономическому процветанию, другим – менее (возражение: доказательств в поддержку этого мифа также не существует; его сторонники не принимают во внимание тот факт, что целостность систем ценностей и традиций в обществах (включая демократические ценности и рыночные отношения) возникает как в этнически однородных, так и полиэтнических обществах; и те, и другие время от времени проходят стадии конфликтов ценностей, которые рано или поздно преодолеваются).

Подчеркнём, что важной особенностью предрассудков (социальных мифов) является их сугубо негативная направленность на объект.

Стереотипирование восприятия отдельных этносов и их представителей. В данном контексте термин «стереотипирование» обозначает процесс образования стереотипов – укоренённых в культуре и воспроизводящихся в индивидуальном сознании устойчивых отношений людей к тем или иным событиям, действиям, поступкам и т.д. Стереотип – это своего рода «снимок» элемента окружающей реальности, позволяющий категоризировать его в привычных для индивида координатах и сводящий к минимуму шокирующее разнообразие действительности. Бесспорным положительным качеством складывания стереотипов является экономия мыслительных усилий, рационализирующая рефлексивный процесс в целом; спорным – формирование устойчивой картины мира и «меня» в этом мире, которое может эволюционировать в очень широких пределах – от научной объективности до религиозной и мистической субъективности. Из этого следует главное отличие стереотипов от предрассудков: если первые могут быть как позитивными, так и негативными, то вторые – только негатив-

ными. В силу этого стереотип может показаться сравнительно меньшим злом, чем предрассудок, но в любом случае он редуцирует все разнообразие мира к ограниченному набору штампов или клише, которые зачастую крайне сложно преодолеть («все» кавказцы – «горячие» парни, «все» цыгане – мошенники, «все» русские – бесшабашные и т.д.).

Реверсивность ксенофобских стереотипов – следующая терминальная причина ксенофобии – проявляется в том, что, будучи сформированными в определённой социокультурной системе координат и конкретных исторических реалиях, стереотипы приобретают значительную временную устойчивость и имеют тенденцию транслироваться не только внутри данной группы от индивида к индивиду и от поколения к поколению, но и распространяться на другие группы и общество в целом, включая тех его представителей, которых они «стереотируют». Последнее может привести к своеобразному психологическому эффекту – «зомбированию» сознания и поведения дискриминируемой этнической группы, которая начинает неосознанно подстраиваться под свой стереотип, ещё более подкрепляя этим видимость его объективности.

Предвзятости и предубеждения являются следствием интернализованных людьми стереотипов. При встрече с человеком, принадлежащим к этнической группе, о которой в обществе сложилось определённое стереотипное представление, возникает устойчивая тенденция «замечать» в его поведении и высказываниях лишь те черты, которые соответствуют данному стереотипу и осознанно или неосознанно игнорировать всё то, что в него не укладывается (этот эффект называется когнитивной слепотой).

Проецирование на «другого» собственных морально неприемлемых качеств (коварности, лживости, злобности и т.д.) говорит, прежде всего, о незрелости (или недосоциализированности) склонных к этому личностей. С другой стороны, данное явление позволяет понять латентные причины, приводящие к экстремистским действиям по отношению к представителям «других» этносов. В данном случае наделение их заведомо негативными качествами (также как аллегорическое представление в виде чудовищ в древнем мифе) является оправданием неспровоцированной агрессии, а в ряде случаев может привести к возникновению пограничных психологических состояний. Психоанализ действие такого механизма описывает теорией «авторитарной личности». Как утверждает И. С. Кон, «в экстремальных, крайних случаях, ксенофобия действительно становится неконтролируемой фобией, напоминающей манию преследования, когда человеку всюду мерещатся враги, и он нуждается в помощи психиатра»¹.

¹ Кон И. С. Ксенофобия // URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/KSENOFOBIYA.html?page=0,2.

Сбой или неэффективность когнитивных механизмов проявляются в том случае, когда человек, будучи наделён сознанием и способностью к рефлексии, стремится построить свой «образ мира», значительное место в котором принадлежит категоризации «своих», «других» и «чужих», но, не владея в должной мере логическими процедурами и испытывая недостаток необходимой информации (равно как способностью адекватно обработать и обобщить имеющуюся), приходит к ошибочным выводам, вследствие чего и возникает этническая ксенофобия.

В качестве типичных когнитивных ошибок можно назвать:

а) то, что взрослые, по утверждению М. И. Левина и М. В. Шиловой, сославшихся на исследование С. Т. Фиск и С. Е. Тэйлора¹, «практически никогда не воспринимают окружающую их реальность *suī generis*, а смотрят на неё сквозь линзы привычных им схем (верований, убеждений, теорий и других представлений), поскольку человеческий мозг стремится упорядочить окружающий мир и придать всему значимость и смысл»²;

б) получение ложных выводов, сделанных на основе познавательного приёма обобщения (логика рассуждений такова: если известные познающему субъекту представители данного этноса характеризуются определённой социокультурной особенностью, значит, можно предположить, что эта особенность присуща всем представителям данного этноса);

в) неосознанное стремление к достижению завершённости (непротиворечивости) картины мира, которое заставляет познающего субъекта по причине недостатка/недостовренности информации и/или неспособности адекватно её интерпретировать «достраивать» полученный им образ корректными, с его точки зрения, но в действительности далёкими от реальности элементами;

г) получение ошибочной информации от авторитетного источника или ошибочная интерпретация достоверной информации;

д) логические ошибки: 1) если А приводит к Б, то в случае обнаружения Б делается вывод, что Б возник из-за А (хотя к Б могут привести и иные причины; вот типичное рассуждение: необразованные люди (А) выполняют неквалифицированную работу (Б); мигранты (?) выполняют неквалифицированную работу (Б), следовательно, мигранты – необразованные (А)); 2) рассуждение по аналогии: если А присущи В и Г, а Б – В, то Б должно быть присуще и Г (например, если представители этнической группы N не образованы и агрессивны, а пред-

¹ См.: Fiske S. T., Taylor S. E. *Social Cognition*. New York, 1991.

² Левин М. И., Шилова М. В. Экономические аспекты ксенофобии // URL: http://finbiz.spb.ru/download/4_2009_lev_shil.pdf.

ставители этнической группы L – тоже не образованы, значит, они должны быть и агрессивны);

е) сознательная редукция сложной проблемы к простому виду, и получение в результате этого ошибочных выводов (в политике такой приём называется популизм);

ж) склонность к преувеличению/преуменьшению опасности или угрозы кого/чего-либо, в зависимости от собственной позиции по отношению к ним (чиновник, ответственный за регистрацию мигрантов, склонен преуменьшать опасность от нелегальной миграции, в то время как оппозиционно настроенные политики или журналисты склонны её преувеличивать);

з) избирательность памяти: люди чаще помнят события, «подтверждающие» верность их стереотипов и предрассудков, чем те, которые им противоречат.

Полиэтничность и этническая стратификация, приводящие к возвышению одних этносов и их представителей над другими, следствием чего становится этническая дискриминация, проявляющаяся, помимо прочего, в пренебрежительном отношении первых ко вторым и боязни или ненависти вторых к первым. При этом сами по себе дихотомии «многочисленный» этнос – «малочисленный», «титульный» – «нетитульный», «коренной» – «пришлый» и т.д. не ставят представителей первых выше вторых в социальных стратификациях. Всякий раз на определённом этапе истории в конкретных системах социокультурных координат складывается уникальная констелляция объективных факторов и субъективных предпочтений, стереотипов, предубеждений и оценок, которая возвышает одни этносы над другими, порождая самые различные проявления этнической ксенофобии и экстремизма. Отсюда закономерно следует, что универсальных схем и принципов построения этнических стратификаций нет и не может быть.

Личностно ориентированная (taste-based) и «статистическая» дискриминация проявляются, преимущественно, в экономической сфере, когда работодатели руководствуются либо субъективными (личными) предпочтениями, либо объективными («статистическими») данными (чаще существующими в виде устойчивого общественного мнения, а не научных показателей, почему мы и взяли их в кавычки) о деловых качествах представителей тех или иных этносов. Первая возникает чаще всего по причине личных ксенофобских/расистских предубеждений предпринимателя, который при приёме на работу руководствуется не деловыми качествами претендента, а его этнической/расовой принадлежностью. Вторая связана с существующим в обществе этническим разделением труда, основанном на исторически обусловленных деловых качествах пред-

ставителей того или иного этноса (одни успешны в торговле, другие – в народных промыслах, третьи – высокотехнологичном производстве, требующем внимания и сосредоточенности и т.д.).

Рациональный расизм часто является следствием «статистической» дискриминации, когда работодатель, экономя своё время и стремясь минимизировать риски, при приёме на работу заведомо не рассматривает кандидатуры представителей этнических групп, которые, по его мнению, характеризуются нежелательными для него качествами (необходимо отметить, что это широко распространённое явление касается представителей не только тех или иных этнических групп, но также гендерных (женщины) и возрастных (молодёжь, пенсионеры) общностей).

Образно-сенситивная ретрансляция (особенно широко представлена в СМИ) основана на психологическом эффекте, когда парадоксальная, умело преподнесённая, шокирующая обывателя информация запоминается (и воспринимается) лучше, чем скучная и обыденная. Как утверждают Р. Нисбет и Л. Росс¹, такая информация должна обладать хотя бы одним из следующих свойств: 1) эмоциональностью подачи материала; 2) поражать воображение и быть предельно конкретной; 3) апеллировать к реципиенту в приближённом к нему пространстве, времени, ситуации и т.д. (информация о событии или явлении, которое произошло *здесь, сейчас, в повседневности*).

Данная психологическая особенность позволяет сделать два важных вывода: 1) даже если предоставляемая СМИ негативная информация о тех или иных этносах и связанных с ними обстоятельствах адекватно уравнивается позитивными и абсолютно достоверными сведениями о них, в массовом сознании всё равно сложится сугубо негативное отношение, основанное на первом типе информации, который будет интенсивно вытеснять второй; 2) в условиях информационной свободы СМИ, ориентированные на сенсацию и скандал, неизбежно будут порождать в обществе ксенофобские настроения и провоцировать бытовой экстремизм, а в случае государственного контроля над ними станут мощным инструментом формирования общественного мнения, которое в угоду интересам властвующей элиты может быть развёрнуто как в сторону интернационализма и «дружбы народов» (как это было в СССР), так и оголтелого национализма и шовинизма (как это было в гитлеровской Германии).

Формирование определённых установок, имеющее конкретную политическую или экономическую цель (получение экономической/политической ренты),

¹ См.: Nisbett R., Ross L. Human Inference: Strategies and Shortcomings of Social Judgement. N. J.: Prentice-Hall, 1980, P. 44 – 45 (цит. по: Левин М. И., Шилова М. В. Указ. соч. С. 11).

связано как раз с тем, что полной свободы СМИ нет ни в одной стране мира, даже самой наидемократичнейшей, а потому у представителей бизнес- и властвующей элиты есть реальная возможность и желание посредством контроля над предоставляемой обществу информацией навязывать определённые стереотипы, предрассудки и убеждения, формирующие/подкрепляющие социальные мифы и ксенофобию. В каждой конкретной стране и конкретной исторической ситуации это происходит по-разному и преследует разные цели, а потому нуждается в специальном исследовании.

Бесспорно, крайней формой проявления любой ксенофобии, в том числе этнической, является экстремизм. Суть этого термина и соответствующего ему явления, пожалуй, ещё более размыты. Если ксенофобия по-разному рефлексирована в психологии и социологии, то в отношении первого к ним добавляется право, которое склонно трактовать его так широко, как это диктует текущая политическая ситуация. Если же абстрагироваться от частных и политической конъюнктуры, то экстремизм, как и ксенофобию, можно рассматривать в широком и узком смысле.

Экстремизм в широком (этимологическом) смысле – любая деятельность, отличная от общепринятой. Экстремизм в узком (юридическом) смысле – любые действия, подпадающие под статью Федерального Закона РФ № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»¹. В данном законе перечислены формы деятельности, квалифицируемые как экстремистские. Непосредственно к этнической/расовой проблематике имеют отношение следующие из них:

- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии.

Конкретные проявления экстремизма разнообразны. В проекции данного исследования к ним можно отнести любые агрессивные (не обязательно противоправные) и дискриминирующие действия по отношению к представителям других этносов и выражающим их символам, являющиеся следствием неадек-

¹ См.: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 29.04.2008) «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. 2002, 30 июля. № 138 – 139. Консультант-Плюс.

ватной оценки угрозы с их стороны, вызванные ксенофобией. Этнический экстремизм – продукт этнической ксенофобии, и он тем жёстче, чем сильнее страх и/или ненависть, которые испытывают представители одних этнических групп по отношению к другим.

Концепции ксенофобии и экстремизма, сложившиеся в современном общественном сознании (на стыке социальной философии, социологии, культурологии, психологии и политологии) многообразны и часто разноречивы. Наиболее известны следующие из них.

Эссенциализм: ксенофобия и экстремизм – естественные составляющие человеческого общества, они были, есть и будут всегда. Вывод: преодолеть ксенофобию и экстремизм невозможно, но можно минимизировать их негативные последствия.

Конструктивизм: ксенофобия и экстремизм – продукты политико-идеологического манипулирования массами. Вывод: когда в обществе возникает ксенофобия и совершаются экстремистские действия по отношению к каким-либо этносам или их представителям, то это выгодно определённым политическим силам в стране.

Элитизм (как версия конструктивизма): ксенофобия и экстремизм – результат политической мобилизации населения лидерами этнических групп, играющих на национальных чувствах соплеменников в условиях этнополитической напряжённости и стремящихся за их счёт сформировать свой политический капитал (создать этнические общины, спровоцировать межэтническое противостояние, шантажировать органы государственной власти с целью получения политических и экономических дивидендов и т.д.). В этом случае в полном соответствии с законами рынка происходит «обмен» нерешённых в обществе проблем, связанных с безработицей, низким материальным положением, произволом чиновников и т.д. на ненависть к «чужим» этносам.

Дискурсивный подход: ксенофобия и экстремизм – продукты общественного дискурса, который, в целом, имеет синергетическую природу. Это означает, что найти истинные причины обсуждения и оценки угроз, исходящих от тех или иных этносов, также как предсказать возможность их возникновения или прекращения практически невозможно. Однако существуют инструменты воздействия на дискурс с целью его коррекции в желательном направлении.

Когнитивный подход: ксенофобия и экстремизм – результат категоризации индивидов и общностей в этнических терминах. Продуктом такой категоризации является выстраивание идентичностей в диапазоне «свой» – «другой» – «чу-

жой». Ставится задача воздействия на когнитивный процесс с целью управления идентичностями и смягчения социальной напряжённости путем конвертации «других» в «своих» и «чужих» в «других».

Субъективистский подход: ксенофобия и экстремизм – результат ощущения культурной, экономической и иной «отсталости», унижения и досады, возникающего у представителей одного этноса при сравнении с представителями другого, вызывающего страх ассимиляции или «культурного поглощения». В этом случае их преодоление возможно путём: а) переоценки собственной значимости в сравнении с доминирующим этносом, б) выработки иных форм идентичности, не связанных с дискриминирующими их аспектами, наконец, в) достижения тех социокультурных стандартов, которые рассматриваются в качестве оптимальных или эталонных (повышение уровня образованности и качества жизни, вовлечение в общественное производство, наделение властными полномочиями и т.д.).

Социологи обнаружили, по меньшей мере, три важные закономерности, влияющие на уровень ксенофобии в обществе.

1. *Уровень ксенофобии прямо пропорционален уровню этнической однородности*: чем однороднее принимающее общество в этническом отношении (в пределе – моноэтночно), тем более болезненно его представители воспринимают появление в его составе новых этнических групп. Эту закономерность можно объяснить, по меньшей мере, двояко: во-первых, социологически – отсутствием/недостатком в таком обществе опыта межэтнического взаимодействия, что само по себе является фактором, усиливающим ксенофобию; во-вторых, экономически, на что обращают внимание М. И. Левин и М. В. Шилова, – в этнически разнородном обществе быть ксенофобом экономически нецелесообразно, здесь доверие к иным этносам становится важным социальным и экономическим капиталом; в то же время, в этнически однородном обществе ксенофобия питается реальной возможностью взаимодействовать исключительно с представителями своего (или доминирующего) этноса, попросту игнорируя нежелательных с точки зрения ксенофоба партнёров¹. Отметим, что данная закономерность во многом объясняет сохраняющийся на Дальнем Востоке России низкий уровень межэтнической конфликтности, также как выраженную толерантность большинства дальневосточников по отношению к новым этническим группам (китайцев, узбеков, таджиков и т.п.), которых чаще всего категоризируют не как «чужих», а как «других».

¹ См.: Левин М. И., Шилова М. В. Указ. соч. С. 17.

2. *Уровень ксенофобии обратно пропорционален размеру группы*: чем большую долю в составе общества занимает данная этническая группа, тем ниже уровень ксенофобии в её отношении – ненавидеть большую группу сложнее, чем малую. Именно этим можно объяснить парадоксальное, на первый взгляд, явление, что в России этническая и религиозная ксенофобия гораздо больше распространена у русских/православных по отношению к нерусским/иноверцам, а не наоборот.

3. *Уровень ксенофобии обратно пропорционален частоте межэтнических взаимодействий*. Данное явление объяснить просто: чем больше человек взаимодействует с представителями других этносов, тем более убеждается в банальной истине, что нет «хороших» и «плохих» народов, а есть хорошие и плохие люди. Принадлежность к тому или иному этносу – это не диагноз или наказание, а всего лишь один из аспектов множественной идентичности, присущей каждому из нас. Более того, как утверждает Р. Брубейкер, «раса, этничность и национальность существуют только в наших восприятиях, интерпретациях, категоризациях и идентификациях – и только через них. Они – не вещи-в-мире, а точки зрения на мир, не онтологические, а эпистемологические реальности»¹.

Нерациональность ксенофобии как мировоззрения и социальной практики связана не только с заведомой ложностью лежащих в её основании социокультурных и когнитивных посылов, но и тем, что она, в конечном счете, вредит самим ксенофобам. Наиболее очевидными издержками ксенофобии являются:

– утрата доверия между этническими группами, приводящая к снижению эффективности или даже разрыву межгрупповых взаимодействий и объективно препятствующая решению общесоциальных (кроссэтнических) проблем;

– возникновение ответной стратегии – «ненависти к ненавистникам», возводящей межэтническую напряжённость и угрозу этнического экстремизма на более высокий и опасный уровень;

– стремление во всех возникающих проблемах искать «этнические корни», уводящее в сторону от их эффективного разрешения.

Как отмечалось выше, ксенофобия не всегда приводит к экстремизму, но наиболее заметно проявляется именно в нём. При этом переход от соответствующих мыслей/рассуждений к экстремистским (насильственным) действиям свидетельствует не просто о количественном нарастании этнической нетерпимости (например, увеличении доли тех, кто разделяет ксенофобские взгляды), а о каче-

¹ Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 153.

ственных изменениях, произошедших в обществе и требующих специального исследования.

Среди причин насильственных (экстремистских) действий обычно называют: склонность к агрессивному поведению; нетерпимость к инаковости как результат патологической социализации личности; неумение и/или нежелание конструктивно решать сложные проблемы; отсутствие опыта кроссэтнического диалога (когда в моноэтнической среде появляются иные этнические группы); стремление к поиску простых решений сложных проблем и др. При этом не всегда обращается внимание на то, что важнейшим условием экстремизма является возникновение агрессивных этнических (или считающих себя этническими) групп.

Такие группы характеризуются рядом специфических особенностей:

1) им присуще холистское мировоззрение – склонность рассматривать этносы в качестве единых, сплочённых социальных субъектов, организованных по принципу: «один за всех – все за одного» (следствием чего является круговая порука, когда считается, что за преступление одного представителя этноса должны отвечать все его соплеменники);

2) в них имеет место эксплозия¹ групповой идентичности в этническую идентичность, когда в результате экстраполяции чисто групповых проблем, ожиданий и угроз, группа начинает считать их присущими всем представителям своего этноса, а себя – выразителем его интересов (что в значительной степени легитимирует в глазах её представителей насильственные действия в отношении этносов-«противников»);

3) все члены экстремистской группы являются или считают себя «жертвами» этнической дискриминации/насилия со стороны представителей других этнических групп (их объединяет эмпатия, групповая идентичность, ощущение опасности), что позволяет интерпретировать их собственные насильственные действия в категориях «восстановления справедливости», «отмщения», «воздаяния по заслугам» и т.п.

Также немаловажным в анализе конкретных случаев этнического противостояния является то, что экстремистские действия одних этнических групп против других часто бывают связаны не столько с реальной или мифической угрозой, исходящей от последних, сколько с внутригрупповыми процессами, протек-

¹ Эксплозия (explosion) – в технике – резкое взрывное или взрывоподобное расширение чего-либо, как правило, с выделением большого количества тепловой энергии. В переносном социологическом смысле под эксплозией мы понимаем катастрофическое расширение/выброс какого-либо ментального образа/идеи/идеологии от индивидуального уровня до группового, от группового до общественного.

кающими в первых. Р. Брубейкер, обративший внимание на этот факт, называет четыре механизма (или способа), посредством которых внутриэтнические процессы конвертируются в межэтническое насилие¹.

1. Внутригрупповой контроль, направленный на повышение уровня групповой сплочённости и опирающийся на формальное и неформальное применение санкций внутри группы для укрепления определённой линии поведения по отношению к посторонним (категоризируемым не только в этнических или расовых терминах, но и религиозных, идеологических, территориальных и т.д.).

2. Предумышленная инсценировка, стимулирование, провоцирование, драматизация или интенсификация насильственных или потенциально насильственных конфронтаций с посторонними. Целью такого механизма часто является стремление лидера группы (политика, чиновника, главаря), почувствовавшего свою уязвимость, перенаправить внутригрупповые угрозы своему положению в межгрупповое (межэтническое) русло.

3. Этническая перекупка, которая часто практикуется в ходе предвыборной борьбы, когда несколько партий, апеллирующих к одной и той же этнической группе, соревнуются за её поддержку и, при условии невозможности обращения к избирателям иной этнической принадлежности, стремятся проявить себя более «национальными», более «жёсткими» в предлагаемом ими решении этнических проблем.

4. Специфика рекрутирования в экстремистские группы новых боевиков: если их лидерами нередко оказываются достаточно высокообразованные представители среднего класса, то рядовые члены – малограмотные выходцы из нижних слоёв общества, уже в силу своего общественного положения подвергаемые дискриминации со стороны властей и находящиеся в поиске объекта «отмщения». При этом не следует отменить и тот факт, что многих молодых людей привлекает к участию в экстремистских группировках стремление вырваться из скучной повседневности, желание испытать чувство риска, воля к власти сильного над слабым, специфические ритуалы посвящения, клятва на крови, символика и прочие инструменты романтизации, по сути, криминальной деятельности, а нередко и обещание почестей, наград, материальных благ за «мученичество» ради эфемерной идеи.

Сказанное выше позволяет предложить ряд конкретных мер, реализация которых может привести к снижению уровня ксенофобии и преодолению экстремистских действий в полиэтничном обществе:

¹ См. Брубейкер Р. Указ. соч. С. 186 – 190.

- объективный научный анализ и развенчание этнических мифов, как глобальных, так и локальных, направленные на преодоление предрассудков и стереотипов восприятия тех или иных этносов;
- обучение эффективным формам работы с информацией об этносах, операциям выделения, обобщения, анализа и синтеза, приёмам формальной логики, направленным на получение максимально объективных данных о них;
- систематическое преодоление всех проявлений дискриминации по этническому признаку, особенно при приёме на работу и предоставлении социальных услуг (здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения и т.д.);
- введение, своего рода, кодекса этнической чести в СМИ, запрещающего акцентировать внимание на национальности фигурантов любых новостей, имеющих негативную коннотацию (включая запрет на озвучивание фамилии и имени, по которым можно сделать предположение об их этнической принадлежности), подобно тому, как работает принцип политкорректности в странах Западной Европы и США, вплоть до введения административного наказания или штрафа за его нарушение;
- внедрение в общественный дискурс темы социального и политического равенства, общности интересов всех этносов независимо от достигнутого его представителями уровня образования, профессиональной деятельности, экономического положения, властных полномочий и т.д.;
- создание условий для успешной социализации и адаптации представителей малочисленных этносов и мигрантов, их полноценного участия в социально-экономической и политической жизни принимающего сообщества;
- создание условий для полноценной реализации социокультурных потребностей этносов, связанных со своеобразием их религии, культуры, традиций и обычаев, не противоречащих нормам Российского законодательства (строительство культовых сооружений, проведение национальных праздников и обрядов, возможность обучения родному языку детей и т.д.);
- внедрение в повседневную практику различных форм образовательной, трудовой, досуговой, политической деятельности, создающих возможности для установления личных дружеских/партнёрских отношений между представителями разных (особенно конфликтующих) этнических групп;
- полный отказ от использования в публичной политической, правовой, образовательной, информационной риторике этнических характеристик, несущих в себе явный или скрытый дискриминационный смысл («малые», «малочисленные», «пришлые», «неадаптированные», «социально-экономически/социокультурно неразвитые/отсталые» и т.п.);

– формирование в обществе отношения нетерпимости к любым формам и проявлениям этнической ксенофобии и экстремизма, в идеале, чтобы члены экстремистских групп сами пришли к выводу о бессмысленности борьбы за «чистоту крови» и порочности любых насильственных действий против «чужих».

Ю. А. Ламашева

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ СОЗДАНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Дальний Восток России в своих внешнеэкономических связях ориентируется на страны Северо-Восточной Азии (СВА): Китай, Японию и Республику Корея. Эти страны стремятся к углублению интеграции, для чего необходимо в перспективе формирование позитивной транснациональной идентичности. При невозможности прямого заимствования опыта формирования европейской идентичности по причине существенных различий между ЕС и СВА, актуальным представляется анализ теоретических достижений в области политических технологий формирования и трансформации транснациональной идентичности с последующим применением результатов этого анализа к существующим международным отношениям в СВА. Для российских регионов важно понимание того, что сотрудничество со странами-партнёрами в западной и восточной частях страны не может строиться одинаково, однако, можно выделить особенности взаимодействия в конкретном регионе в целях построения взаимовыгодных отношений.

По мнению А. Г. Дугина и других авторов, в эпоху постмодернизма неизбежен переход к глобализму вместо суверенных государств, космополитизму вместо национальной идентичности, индифферентизму и неоспиритуализму вместо светскости и индивидуализму вместо равенства и прав человека¹. Признавая распространение космополитизма и размывание национальных границ, всё же заметим, что говорить о смене национальной идентичности на космополитическую пока рано. Основным конкурентом национальной идентичности «сверху» является скорее транснациональная идентичность, которая означает

¹ Дугин А. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. СПб.: Амфора, 2007.

чувство принадлежности граждан государств одного региона к единому политическому, экономическому, социально-культурному пространству, понимание единства их прошлого, настоящего и будущего, а также видение единой цели развития региона. Она выполняет функции координации, мобилизации и легитимации для институтов региональной интеграции. Под координацией имеется в виду использование идей для внедрения понятия об общих интересах, под мобилизацией – обеспечение поддержки тех широких слоёв, которые прежде были исключены из политического процесса, под легитимацией – оправдание целей интеграции¹.

В настоящее время отсутствие позитивной транснациональной идентичности в Северо-Восточной Азии (СВА) порождает проблему взаимного недоверия, что препятствует региональной интеграции. С одной стороны, процессы глобализации приводят к взаимопроникновению культур, учащению и расширению международных обменов, общие угрозы (политические, экологические, гуманитарные) способствуют сплочению представителей народов СВА и развитию понимания общей судьбы. Как следствие, транснациональная идентичность постепенно формируется «снизу вверх» – от отдельных индивидов к неправительственным организациям. С другой стороны, политическое давление «сверху вниз» способствует росту национализма во всех странах СВА. Политический дискурс подчёркивает разделительные линии между народами как в прошлом, так в настоящем и будущем.

При таких условиях определяющее значение для формирования транснациональной идентичности в СВА будет иметь выбор политических элит в пользу интеграции и создания регионального сообщества, либо в пользу продолжения политики конкуренции в политической, экономической и культурной сферах. Политические технологии являются инструментом реализации этого выбора.

Транснациональная идентичность представляет собой особое звено в цепочке «этноцентризм – национализм – транснационализм – космополитизм». В основе её формирования лежат уже существующие особенности этносов и наций, составляющих международный регион.

Этнос понимается здесь как биологическая общность, находящаяся в процессе развития и последующей деградации. Наиболее известная детализированная и в то же время спорная теория этнической идентичности принадлежит Л. Н. Гумилёву. Этническая идентичность – это подсознательное ощущение взаимной симпатии и общности людей, представителей одного этноса. По мнению

¹ Breuilly J. *Approaches to Nationalism // Mapping the Nation / G. Balakrishnan (ed.)*. London: Verso, 1996. 166 – 167.

А. Г. Дугина, этнос – это непосредственная идентичность человека традиционного общества, откуда он черпает всё: язык, обычаи, психологические и культурные установки, жизненную программу и т.д. Этнос считается одной из идентичностей премодерна, наравне с империей, религией и иерархией (кастовым обществом), однако, этническая идентичность является органической и наиболее устойчивой из всех коллективных идентичностей вплоть до настоящего времени¹.

Нация – идентичность модерна, связанная с появлением государства (вместо империи), светскости (вместо религии) и равенства (вместо иерархии) (А. Г. Дугин). Существует множество определений нации: это и культурная общность, которая стремится к государственности (К. Реннер), и единство исторической судьбы (Н. Бердяев), и территориально-языковая и государственно-кумулятивная группа (П. Сорокин). Э. Смит определяет нацию как исторически возникшую общность людей, для которых характерны единое имя, историческая территория, общие мифы, историческая память, единые экономика и культура, равные права и обязанности входящих в неё членов. Э. Геллнер, отвечая на вопрос о том, чем нация отличается от этноса, утверждал, что этносы превращаются в нации в результате политического действия. Дж. Бройи считает, что три элемента идентичности современной нации – юридическая, политическая и экономическая – составляют важнейшие институты, в которых национальная идентичность способна обрести форму. Между этнической и национальной идентичностью преимущества нет, так как практически все основные институты, которые создают, сохраняют и передают национальную идентичность и увязывают её с какими-либо интересами, относятся к современной эпохе².

Разнообразие определений национальной идентичности напрямую связано с многообразием наций. В попытках обобщения богатого исторического опыта учёные предлагают различные классификации национальных идентичностей. Стивен Шульман³, например, выделяет этническую, культурную и гражданскую идентичности, как показано в табл. 1.

Создание транснациональной идентичности вероятнее для стран «гражданских наций», так как самым важным институтом гражданского общества являются граждане – не просто «жители», но люди, которые осознают и готовы от-

¹ Дугин А. Указ. соч.

² Мнацаканян М. О. Нации и национализм. Социология и психология национальной жизни: Учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.

³ Shulman S. Challenging the Civic. Ethnic and West. East Dichotomies in the Study of Nationalism // Comparative Political Studies. 2002. Vol. 35. № 5.

стаивать свои права и интересы и одновременно с этим ощущают свою личную ответственность за положение дел в стране¹.

Таблица 1– Национальная идентичность и её индикаторы

Содержание национальной идентичности	Ключевые компоненты	Культурная политика	Иммиграционная политика
Этническая идентичность	– происхождение, – раса	– продвижение субкультуры доминантной этнической группы; – против культурной ассимиляции	– ограниченная иммиграция; – предпочтение иммиграции представителей сходных этнических групп
Культурная идентичность	– религия, – язык, – традиции	– продвижение субкультуры доминантной этнической группы; – поощрение культурной ассимиляции	– условная иммиграция; – предпочтение иммиграции представителей сходных субкультур
Гражданская идентичность	– территория, – гражданство, – воля и согласие, – политическая идеология, – политические институты и права	– нейтралитет государства в отношении этнических субкультур, либо продвижение этнических меньшинств и их культуры; – против поощрения культурной ассимиляции	– открытость иммиграции; – въезд для всех иммигрантов

С учётом того, что нация может пониматься в диапазоне от этноса с оформленной государственностью до политической и гражданской общности безотносительно к этническому составу населения, естественно, что и национальная идентичность рассматривается в спектре от жёстко заданных при рождении и неизменяемых в течение жизни характеристик до свободно изменяемых по воле гражданина. Существует ряд подходов, среди которых могут быть выделены примордиализм, этносимволизм, структурализм и конструктивизм. Первые два

¹ Малкин Е., Сучков Е. Политические технологии. М.: «Русская панорама», 2006. С. 11.

фокусируются преимущественно на тех или иных этнических аспектах идентичности. Они непосредственно связывают идентичность с культурными традициями, символами, мифами, языком. Так, с точки зрения примордиалистов, определяющие характеристики идентичности обычно заключаются во врождённых признаках личности (расе, поле). Сторонники этносимволизма рассматривают мифы, традиции, территорию как часть мифосимволических комплексов большой длительности, сохранившихся с древних времён от этнических ядер современных наций. Структуралисты считают, что главные характеристики идентичности – производные основных социальных категорий, подразумевающих структурную общность (социальных классов, национальностей).

Точка зрения конструктивизма отрицает как примордиалистские, так этносимволические и структуралистские варианты аргументации, считая связь между идентичностями и их врождёнными или приобретёнными корнями скорее неопределённой. Вместо этого внимание уделяется созданию и поддержанию идентичностей. Национальные и прочие коллективные идентичности рассматриваются как изобретённые, созданные, переделанные или составленные друг из друга. Этот подход наиболее близок собственно политологической трактовке идентичности, так как именно политические факторы её функционирования выводятся на первый план. Представители этого направления полагают, что идентичность государства конструируется политическими элитами. Областью применения политических технологий является публичная политика, т. е. политика, направленная на внедрение в массовое сознание той или иной идеологии, политических идей и позиций, положительных образов политиков, а также на обеспечение их массовой поддержки гражданами¹. К конструктивистам следует отнести Э. Геллнера, Б. Андерсона и Э. Хобсбаума.

По мнению Э. Геллнера², ключевую роль в процессе формирования идентичности страны играют элиты и бюрократии: элементами её конструирования выступает национальная языковая, образовательная, символическая и культурная политика. Нация и национальная идентичность представляется как нечто сконструированное или воображаемое.

Прилагательное «воображаемое» ассоциируется с именем Б. Андерсона³ и его работой «Воображаемые сообщества». По мнению Б. Андерсона, все сооб-

¹ Малкин Е., Сучков Е. Указ. соч. С. 20.

² Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.

³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М.: «Канон-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001.

щества крупнее первобытных деревень можно считать воображаемыми: граждане даже небольшого государства не знают всех своих сограждан, но в их умах живёт образ их общности. Коллективная идентичность стала возможной благодаря особым механизмам репрезентации идей и смыслов, составляющих эту идентичность. Б. Андерсон в качестве подобного механизма выделяет т.н. «печатный капитализм». Идеи нации и государства, создающие образ общности граждан, репрезентируются через массовую печать. К числу ресурсов печатного капитализма впоследствии стали относиться и СМИ.

Однако печать и коммуникации выступают не единственным ресурсом формирования идентичности. По мнению Э. Хобсбаума¹, эту функцию выполняют и политические традиции, сконструированные элитами в процессе становления национального государства. Традиции отбираются и интерпретируются интеллектуалами, оформляются в виде памятников, символов, ритуалов и встраиваются в общую логику идентичности государства. При этом одни исторические события могут игнорироваться, а другие – акцентироваться.

В отличие от вышеперечисленных авторов, подчёркивающих роль элиты в нациестроительстве, М. Хрох считает, что процесс формирования нации – часть масштабной трансформации общества, а не изобретение интеллектуалов. Большие социальные группы цементируются не одним, а целой комбинацией нескольких видов объективных отношений (экономических, политических, языковых, культурных, религиозных, географических, исторических) и их субъективным отражением в коллективном сознании. При этом три группы связей являются незаменимыми: 1) «память» об общем прошлом или хотя бы его ключевых элементах, толкуемых как «судьба» группы; 2) плотность и интенсивность языковых или культурных связей, которые обеспечивают более высокий уровень социальной коммуникации в рамках группы, чем за её пределами; 3) концепция равенства всех членов группы, организованных в гражданское общество².

С. Хантингтон подробно рассматривает общую угрозу безопасности как фактор укрепления нации. В отличие от других авторов, он проводит различие между угрозами в зависимости от их уровня и уровня мобилизации ресурсов. Только в случае войны, характеризующейся высоким уровнем угрозы и низким уровнем мобилизации ресурсов, нация останется единой, как, например, в случае войны против терроризма³.

¹ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб. : Алетейя, 1998.

² Мнацаканян М. О. Указ. соч.

³ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. М.: ООО «Издательство АСТ», ООО «Транзиткнига», 2004. С. 507.

С. П. Поцелуев настаивает на диалоге между «конструкторами» идентичности, поскольку «монолог» властных структур не гарантирует адекватное восприятие передаваемой информации политическими массами¹. По мнению С. Хантингтона, элиты, которые используют политические технологии для создания транснациональной идентичности, более подвержены глобализации и космополитизму, чем массы, защищающие традиционную национальную идентичность². Кроме того, в демократическом обществе насаждение идентичности может считаться насилием. Поэтому никакая публичная политика не получит поддержки, если люди не поймут её содержание, которое должно быть сформулировано предельно просто, так чтобы оно легко ложилось на реально существующие стереотипы³.

Данную базу исследований по вопросам создания и трансформации национальной идентичности можно применить и к вопросам строительства транснациональной идентичности. Здесь мы выделяем стратегическую и тактическую составляющую политических технологий формирования идентичности. Стратегия – это содержательная составляющая (что сказать), тактика – коммуникативная составляющая (как сказать, в какой форме, объёме и временной последовательности).

Используя модель коммуникативного акта Г. Лассуэла и суммируя предположения различных авторов по формированию национальной идентичности, представим политические технологии создания транснациональной идентичности следующим образом (см. табл. 2).

К этим параметрам можно добавить вопрос: «Когда сообщает?», – так как идентичность, хотя и представляет собой процесс, но скорее процесс эволюционный, занимающий долгое время. Для того, чтобы создать новую или трансформировать уже существующую идентичность за короткий срок, необходима радикальная трансформация общества (резкое изменение внешней среды и внутренние реформы). В качестве примеров можно привести послевоенную Японию, объединённую Германию, многие республики бывшего СССР.

По аналогии с государством, региону нужны название и определённая географическая территория, история развития, а также единое экономическое, политическое и правовое пространство. Гомогенность – трудновыполнимое условие для региона, что можно отметить на примере Европы, однако, общие базовые культурные ценности и религиозно-философские традиции, как правило, всё же можно выделить. Этнические связи практические не поддаются конструиро-

¹ Поцелуев С. П. Диалог исторических времён в конструктах гражданской нации // Политическая концептология. 2010. № 1.

² Хантингтон С. Указ. соч. С. 405.

³ Малкин Е., Сучков Е. Указ. соч. С. 26.

ванию, что усложняет формирование транснациональной идентичности для этнически однородных наций. С другой стороны, если малочисленные народы разбросаны по территориям нескольких государств, то это способствует возможности объединения региона на основе их этнических идентичностей.

Таблица 2 – Стратегия и тактика политических технологий идентичности

Кто сообщает	Институты: региональные, национальные, наднациональные СМИ, НПО
Что сообщает	<p>Название региона: Европа, Скандинавия, Балтийское море</p> <p>Территория: пространство, на котором свободное перемещаются товары и услуги, но главное – люди</p> <p>Гомогенность: базовые культурные ценности, религиозно-философские традиции, этнические связи</p> <p>Историческая память: общие трагедии и победы, гордость достижениями</p> <p>Экономика: общие интересы развития, согласие с экономическим курсом, единство экономического пространства</p> <p>Права и обязанности: демократия, «гражданин Европы»</p> <p>Уверенность во взаимности</p>
Как сообщает	<p>С помощью мифов и символов</p> <p>С ориентацией на будущее</p> <p>В режиме диалога</p>
По каким каналам	<p>СМИ</p> <p>Образование</p>
Кому сообщает	<p>Политические массы</p> <p>Политические элиты</p>
С каким эффектом	Создание или трансформация идентичности

Историческая память является особым инструментом политических технологий. История любого государства или региона богата разнообразными фактами, однако, интерпретация этих фактов зависит от текущих целей политической элиты. Зачастую, факты преобразуются в мифы: об основании государства или региона, о героях, о «золотом веке» и виновниках (как правило, внешних) его

окончания. При этом лидеры национальных движений и интеллигенция, ищущая свою национальную идентичность, избирательно используют элементы этого резервуара, заново интерпретируют и реконструируют их. Таким образом, прошлое, коллективно реконструированное, в свою очередь строит будущее. Социальная поддержка коллективной памяти зачастую интенсивно и экстенсивно опосредована. Хотя индивид остаётся настоящим владельцем памяти, набор того, что следует запомнить, всё более и более попадает под влияние СМИ.

Символы, используемые в политических технологиях, весьма разнообразны. Это не только, непосредственно, государственные герб, гимн, флаг, но и архитектурные символы (маяки, храмы), памятники, знаки отличия, денежные знаки (евро, доллар), топонимика, процедуры и ритуалы (национальные праздники), музыка, предметы, люди (реальные и мифические), условно-графическая символика, политический язык, мода и стиль, а также символы места и времени (памятные даты).

Диалог является важным условием эффективности политических технологий, которые в принципе существуют и используются постольку, поскольку в обществе имеется в наличии конкурентная публичная политика (при демократии). В условиях же тоталитарного режима часть публичной политики превращается в официальную пропаганду, часть уходит в конспирацию и проявляется в виде распространения нелегальной агитации¹. В. И. Самохвалова подчёркивает необходимость «полилога разных, но равнозначимых и равноинтересных партнёров» при межнациональном общении².

С одной стороны, транснациональная идентичность становится элементом, укрепляющим национальную идентичность в противовес космополитической (так же как интеграция считается способом противостояния глобализации). Тем не менее, при создании новой или трансформации ранее существовавшей транснациональной идентичности возникает кризис идентичностей. Это ситуация, когда, например, национальная идентичность не в полной мере может быть основой транснационального единства. Поскольку идентичности людей многослойны и иерархично выстроены, проблемы категоричного выбора между национальной и транснациональной идентичностью не возникает, т.е. во имя коллективной идентичности не обязательно отказываться от национальной. Существуют две возможности преодоления такого кризиса: 1) слияние ранее существо-

¹ Малкин Е., Сучков Е. Указ. соч. С. 26.

² Самохвалова В. И. Идеология единого мира. Из истории глобализационных проектов // Полигнозис. 2010. № 3.

вавшей идентичности с новой; 2) создание новой идентичности. Слияние идентичностей предполагает объединение идентичностей, когда они сопоставимы. Есть несколько механизмов, опосредующих слияние, например, присвоение разобщённых социальных сетей различными организациями или инвестирование в личные идентичности нового поколения.

В отсутствие соответствия между идентичностями требуется некоторая работа по их координации. Степень координации может значительно варьировать – от роста значимости определённой идентичности до радикальных изменений в самоопределении. В зависимости от этого выделяются четыре процесса: амплификация, консолидация, расширение и трансформация идентичности. Амплификация идентичности влияет на изменение иерархии идентичностей индивида, например, существующая, но второстепенная идентичность становится достаточно сильной для обеспечения вовлечения в коллективные действия. Консолидация идентичности включает принятие идентичности, которая является смесью двух ранее существовавших, но внешне несовместимых идентичностей. Расширение идентичности описывает расширение ситуационной применимости личной идентичности до такой степени, что она совпадает с коллективной идентичностью. Наконец, трансформация идентичности означает радикальные изменения в идентичности¹.

В любом случае, механизмы и процессы создания и трансформации идентичности включают процессы «определения рамок», в которых идентичности провозглашаются или опровергаются, принимаются или отвергаются, модифицируются или реконструируются; либо вовлечение в коллективное действие, когда прямое наблюдение или опыт выступают в роли демонстративного события, которое даёт толчок ситуационно-специфической коллективной идентичности, или поддерживает коллективные утверждения, таким образом, помогает ранее второстепенной личной или социальной идентичности превратиться в характерную идентичность; или же комбинация из «определения рамок» и реального вовлечения.

Американский учёный Л. Крисберг² утверждает, что в процессе социализации любые коллективные идентичности, включая национальные, формируют три блока: 1) внутренние факторы внутри группы (нации), 2) отношения с другими группами (нациями), и 3) социальный контекст взаимодействия (т.е. внеш-

¹ McAdam D. *Social Movements: Readings on Their Emergence, Mobilization and Dynamics*. L.: Oxford University Press, 1997.

² Kriesberg L. *Constructive Conflicts: From Escalation to Resolution*. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield, 1998.

няя среда). Внутренние факторы и процессы включают базовые культурные ценности, исторический опыт, влияние политических и религиозных лидеров. Отношения с другой нацией могут формироваться под воздействием силы и принуждения, тогда идентичность включает как составляющую стойкость в сопротивлении давлению и упорство при оказании давления на других. Имеют место и позитивные отношения, когда отдельные члены двух групп заключают конкретные сделки, которые не только взаимовыгодны, но могут быть и альтруистичными. Социальный контекст, в котором нации взаимодействуют, также влияет на их идентичности. Преобладающий образ мышления в каждый исторический период существенно влияет на то, как люди характеризуют себя и друг друга. Отдельные внешние акторы (например, международные организации) пропагандируют свои взгляды и тем самым трансформируют социальные отношения, которые также оказывают влияние на идентичности.

Собственную трактовку сочетания внутренних факторов, отношений с другой группой и социального контекста предлагает А. Вендт. При этом идентичность и интересы выступают внутренними факторами, нормы и институты определяют отношения между государствами, а культура создаёт социальный контекст взаимодействия. Идентичность актора является предпосылкой его интересов и в сочетании с интересами приводит к действиям актора. Без интересов идентичностям не хватает мотивации, без идентичности интересы не имеют направленности. В процессе взаимодействия акторы переопределяют себя в социальной среде и пересматривают свои идентичности, и как следствие, тип, цель и уровень преследования своих интересов. Таким образом, национальные интересы не данность, они сами появляются в процессе взаимодействия и социализации. На определённом этапе взаимодействие между государствами преобразуется в международные нормы, которые, в свою очередь, предписывают государственные идентичности и интересы, и формируют поведение (действия) государств. Международные институты, основанные на нормах, также играют важную роль в регулировании поведения государства. Они помогают сформировать их идентичность, ограничивают их поведение, могут побуждать к действиям.

Культура – это разновидность распределённого знания, полученного при социальном взаимодействии и включающего нормы, практику, обычаи и системы. Характер коллективной идентичности зависит от прогрессивности культуры. Различные отношения: вражду, соперничество, дружбу – А. Вендт характеризует тремя типами культуры, соответственно, Т. Гоббса, Дж. Локка, и И. Канта. В культуре Т. Гоббса акторы являются врагами, не признающими ограниче-

ний в жестокости по отношению друг к другу. В культуре Дж. Локка государства являются соперниками, но их жестокость ограничена взаимным признанием права на существование. Культура И. Канта преодолевает дилемму конкуренции и сотрудничества, так как акторы разделяют интересы других акторов, и, таким образом, создают новое понятие сотрудничества. Кроме того, каждая культура включает три степени интернализации, т.е. стимула играть по правилам. Это принуждение, интересы, и легитимность. Принуждение означает, что выбор делается внешним источником власти. Интересы дают возможность выбора в зависимости от выгодности ситуации. Легитимность предполагает следование институциональным нормам, закрепляющим определённую культуру¹.

По мнению Б. Кронина², существуют также минимальные материальные условия для создания транснациональной идентичности: это осознанная гомогенность (общая этничность, регион, форма правления, политическая или экономическая система, относительный уровень развития) и эксклюзивность (по отношению к тем нациям, которые не включаются в интегрирующийся блок).

Поскольку отношения между нациями могут варьировать от «братских народов» до «исторического противоборства», в регионе возникают и разные типы транснациональной идентичности. По мнению Б. Кронина, транснациональная идентичность представляет собой континуум от отрицательного до положительного, то есть от позиции «другой – социальная или культурная противоположность» до позиции «другой – продолжение меня». Шкала измерения идентичности представлена на рисунке 1.

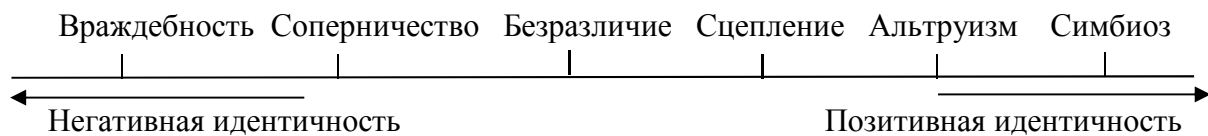

Рисунок 1 – Шкала измерения идентичности

Позитивная коллективная идентичность в наибольшей степени может быть названа симбиозом, когда акторы видят друг в друге продолжение себя. При альтруизме акторы сохраняют свою индивидуальность, но согласны жертвовать собственными интересами в пользу общественных. Сцепление – ситуация, при

¹ Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

² Cronin B. *Community under Anarchy – Transnational Identity and the Evolution of Cooperation*. New York: Columbia University Press, 1999.

которой каждый актер осознаёт существование общего блага и считает себя частью концептуальной группы. В ситуации безразличия акторы недостаточно важны друг для друга. Умеренная форма отрицания – соперничество, другие считаются конкурентами и объектами реализации собственных интересов. Наиболее сильная негативная идентичность связана с враждебностью, когда акторы испытывают взаимный антагонизм.

Рассмотрим практическое применение политических технологий формирования транснациональной идентичности в регионе Северо-Восточной Азии. Прежде всего, наименование региона не только не является общепринятым (так, российская версия Википедии не имеет статьи по СВА, а англоязычная ограничивается обсуждением разногласий по поводу его состава и границ), но и является предметом политических дискуссий (например, Япония предложила название «Регион Японского моря», а Корея называет это море «Восточным»).

Гомогенность региона неоднозначна. С одной стороны, религиозно-философские традиции конфуцианства, даосизма и буддизма объединяют страны «ядра» (Японию, Республику Корея и КНР), схожими являются и базовые культурные ценности: партикуляризм, аскрипция статуса, неприятие неопределённости, уважение власти. С другой стороны, эти ценности затрудняют развитие транснациональной идентичности в регионе. Япония и Республика Корея – редкие примеры этнически однородных стран, и, как этнические нации, они применяют ограничение миграции и политику ассимиляции. Китай – многонациональное государство, которое является скорее культурной нацией и, тем не менее, использует аналогичную политику по отношению к мигрантам и национальным меньшинствам. Гражданской нацией ни одна из трёх стран «ядра» не является, не только по причине этнических особенностей, но и из-за традиционно значительного влияния государства.

Политические элиты, разрабатывающие и применяющие эти технологии, включают национальные правительства, а также региональные и муниципальные органы власти, которые, например, имеют соглашения о дружбе и сотрудничестве с городами-побратимами, или непосредственно вовлечённые в приграничное сотрудничество. Наднациональных институтов, участвующих в проектах идентичности, в СВА нет. Особенностью стран этого региона является значительная дистанция между политическими элитами и политическими массами, что затрудняет ведение диалога между ними. В Китае существует ограничение на доступ к информации, СМИ находятся под контролем государственных органов. В сфере образования у всех стран есть разногласия по поводу преподавания

истории и географии. Многолетние дискуссии об объёме и эмоциональной окраске отражения событий Второй мировой войны в странах СВА не смогли привести к консенсусу. В плане географии не разрешены территориальные споры. Таким образом, дети ещё в школе начинают воспринимать соседние страны как угрозу национальной безопасности. Если во времена Холодной войны противостояние Китая Японии и Республике Корея рассматривалось как идеологическое, то сейчас это пример сочетания демократического и авторитарного режимов в одном регионе.

Мифы о международных отношениях в регионе касаются преимущественно событий Второй мировой войны. Это главный резервуар исторической памяти, который постоянно используется СМИ, в частности, для обоснования национальных интересов Китая и Кореи. «Золотым веком» в Японии и Корее считается период «закрытости» этих стран, а в Китае – период системы вассальных отношений в СВА. Ценность иерархии в политической культуре распространяется не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику всех трёх стран. Символы СВА назвать сложно. Как правило, это либо природные явления (в том числе стихийные бедствия), либо флора и фауна или восточные единоборства. В сфере культуры страны СВА предпочитают указывать на уникальность своих достижений, и даже для иероглифов, которые зачастую воспринимаются как единый языковой код региона, подчёркиваются различия в их написании в японском и китайском языках, и ограниченность использования – в корейском языке.

С точки зрения символов примечательно употребление политического языка. Википедия приводит 7 пренебрежительных определений для китайцев в корейском языке и 3 – в японском, 3 пренебрежительных для корейцев в китайском языке и 4 – в японском, а также 9 пренебрежительных для японцев в корейском языке и 11 – в китайском.

Экономическое единство региона обеспечивается общей декларируемой целью процветания, в том числе оживления депрессивных районов. Не первый год обсуждается создание зоны свободной торговли, тем не менее, продолжают «торговые войны» и борьба за лидерство между Японией и Китаем. Ориентация на будущее процветание регулярно омрачается оглядкой на прошлое.

Можно выделить несколько причин повышенного уровня государственного национализма в СВА. Это не только этническая однородность (особенно в Корее и Японии), культурные особенности, но и кризисы идентичности, происходившие сравнительно недавно или до сих пор не закончившиеся. Для Японии кризис национальной идентичности наступил не только после поражения во Второй

мировой войне, когда самооценка японской нации достигла критически низкого уровня, но и в 1990-е годы, когда теория об уникальности японцев была подорвана экономическими неудачами. Для Китая кризисы идентичности наступали каждый раз при проведении политических реформ, вплоть до 1976 г., но самый острый и очевидный из них был вызван стремительным экономическим подъёмом 1990-х – начала 2000-х годов. Разделённая корейская нация будет переживать кризис национальной идентичности ещё некоторое время даже при условии воссоединения. Национализм, таким образом, оправдан с точки зрения государственной политики, однако, он вступает в противоречие с коллективными интересами в регионе.

По данным глобальных опросов общественного мнения Pew Research Center, национальная идентичность ярко выражена в Китае и Южной Корее. Япония не может преодолеть кризис идентичности – 30% японцев отрицательно относятся к Японии (см. табл. 3). При этом Япония лидирует по показателю негативного отношения к Китаю (не только в США, но и в мире), однако, уровень позитивного восприятия КНР повышается (21% в 2008 г., по 26% в 2009 г. и 2010 г., 34% в 2011 г.). В Республике Корея, наоборот, сокращается доля респондентов, положительно оценивающих Китай (56% в 2008 г., 41% в 2009 г., 38% в 2010 г.).

Таблица 3 – Отношение к странам США
(в процентах от общего числа респондентов)¹

Страны	Китай	Япония	Республика Корея
Китай +*	95	14	48
Китай –	2	84	49
Япония +	21	69	47
Япония –	69	30	51
Республика Корея +	56	57	92
Республика Корея –	29	40	7

* «+» – положительное отношение к стране, «–» – отрицательное отношение.

Т. Иногучи уточняет, что Япония, действительно, не может выйти из кризиса национальной идентичности: только две трети японцев определяют себя как

¹ The Pew Global Attitude Project, 2008 // URL : www.pewglobal.org.

«японцев». Слаба в Японии и азиатская идентичность: лишь 26% опрошенных считают себя азиатами. В Корее сильна как национальная (88%), так и азиатская идентичности (88%). Граждане КНР в большинстве своём признают себя таковыми (80%). Азиатскую идентичность разделяет только 30% респондентов. В качестве объяснения таких различий Т. Иногучи предлагает традиционный «островной» менталитет и недоверие Японии по отношению к нестабильному и опасному континенту, стремление Кореи выступить в качестве «моста»-посредника между Китаем и Японией, не теряя при этом национальной самобытности и политической независимости, а также понимание Китаем своего места в СВА как вершины иерархической лестницы («Азия – это и есть Китай»)¹.

Анализируя состояние международных отношений в СВА с позиций Б. Кронина и А. Вендта, мы можем сделать вывод о том, что в регионе преобладает культура Дж. Локка, при этом решение о сотрудничестве или соперничестве между отдельными странами принимается в зависимости от конкретных национальных интересов. По шкале вариации транснациональной идентичности в СВА можно отметить «соперничество», хотя в периоды стихийных бедствий (например, в марте 2011 г. в Японии) наблюдается скачок до позиции «сцепление».

Заключение

Интеграционные процессы нуждаются в социокультурном основании, которым является транснациональная идентичность. С теоретической точки зрения, политические технологии, которые возможно использовать для её создания, аналогичны технологиям нациестроительства. Однако сравнительно больший вес приобретают факторы культурной общности, истории взаимоотношений и характера внешней политики интегрирующихся государств. В СВА политические технологии успешно используются для нациестроительства, что выражается в высоком уровне национализма. В то же время, существует значительный потенциал применения этих технологий для создания транснациональной идентичности: от названия и определения территории региона до выделения общих черт, единства судьбы и истории сотрудничества. Формирование наднациональных институтов способно добавить экономические и политические составляющие идентичности. В качестве мифа можно использовать государство Бохай, а в качестве неофициальных символов СВА уже сейчас признаются перелётные

¹ Inoguchi T. Does Identity Matter in Facilitating or Hindering Regional Cooperation in East Asia? // URL : http://www.glocom.org/opinions/essays/20031027_inoguchi_does/index.html.

птицы (журавли и лебеди). Здесь существует простор для творчества политтехнологов стран СВА.

Слияние национальной и транснациональной идентичностей для всех стран СВА маловероятно, равно как и амплификация (изменение их иерархии). Корея движется по пути расширения национальной идентичности, её примеру может последовать и Китай. Трансформация идентичности реальна только для Японии, национальная идентичность которой находится в кризисе. Консолидация национальной и транснациональной идентичностей является возможностью для всех стран СВА.

Политические технологии – средство для реализации целей интеграции региона, однако нельзя забывать об этическом аспекте их применения, который однажды уже дискредитировал идею транснационального сообщества в СВА. Эту мысль убедительно выразила В. И. Самохвалова: «И хотя человек обладает врождённым “социальным чувством”, естественный процесс “социального порядка” нельзя искусственно ускорять, формировать, иначе он неизбежно превращается в насильственно реализуемый проект и обретает черты антиутопии... Антиутопии рождаются, когда целью становится не искреннее, пусть иногда и наивное конструирование идеала, а жёсткий расчёт на достижение власти, которая бы позволила осуществить в том или ином смысле корыстные планы лицу или группе лиц (возглавивших проект), или же стратегическая неопределённость и некорректность, тактическая неадекватность в достижении намеченного»¹.

В. А. Смоляков

ПРОБЛЕМА ВМЕШАТЕЛЬСТВА ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА СУВЕРЕННЫХ ГОСУДАРСТВ В ЗАПАДНОМ ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Вопрос о допустимости вмешательства во внутренние дела суверенных государств достиг беспрецедентной политической остроты. Объясняется это, главным образом, тем обстоятельством, что страны Запада в последние десятилетия возвели практику интервенций в ранг внешнеполитического принципа. В качестве оправдания интервенционистской политики выдвигаются разнообраз-

¹ Самохвалова В. И. Указ. соч.

ные аргументы: интересы международной безопасности, гуманитарной помощи страдающему населению, необходимость свержения диктаторов, не желающих уступать власть восставшему народу и т.д. Это, естественно, вызывает критику со стороны развивающихся стран, «третьего мира», которые небезосновательно опасаются, что западные государства возьмут на себя право произвольно свергать неудобные им режимы. Официальная позиция России относительно интервенций высказывалась неоднократно и по разным поводам. Вмешательство противоречит нормам международного права и ведёт к разрушению правовой основы международных отношений. В некоторой степени данная позиция мотивирована опасениями, что Запад под предлогом гуманитарной помощи будет спонсировать «цветные революции» и экспортировать демократию, поддерживая антиправительственные выступления в странах из «группы риска». В связи с этим, особую актуальность приобретает вопрос, насколько глубоко лежат интервенционистские мотивы в политике западных государств, что движет их активностью в этой области, и могут ли они при данных условиях отказаться от практики вмешательства. Ответ на поставленные вопросы требует, как представляется, аналитического проникновения в западный философско-политологический дискурс. В работах политологов, специалистов в области международных отношений можно выявить глубинные мотивы внешнеполитического поведения, а также понять образ мыслей лиц, принимающих решения. В настоящей статье я ставлю перед собой цель рассмотрения и классификации основных течений общественно-политической мысли, в которых излагаются идеи, оправдывающие применение гуманитарных интервенций. В завершение статьи я предпринимаю попытку выявить условия, при которых эта практика может быть оправданной.

Вопрос о допустимости вмешательства во внутренние дела суверенных государств оказался в центре споров между представителями двух лагерей, на которые разделились политические лидеры и учёные. Одни авторы политических заявлений и научных работ представляют позицию принципиального неприятия вмешательства при любых обстоятельствах, а их оппоненты (все они из стран западных либеральных демократий), стремятся найти аргументы, оправдывающие вмешательство и даже военные интервенции под предлогом гуманитарных мотивов. На Западе к настоящему времени опубликовано довольно много работ представителей либерально-плюралистического направления международно-политической теории по проблеме государственного суверенитета и допустимости в целях предотвращения гуманитарной катастрофы или даже тотального нарушения прав человека внешнего вмешательства во внутренние дела

суверенных стран. Наметилась тенденция к увеличению разрыва между нормативной системой регулирования международных отношений и внешнеполитической практикой государств. Недооценка международного права заметна и в работах ряда западных исследователей, чаще всего политологов и социологов международных отношений.

Следует отметить, что либеральная парадигма отличается особой точкой зрения на сущность и место государства как участника мировой политики. Если для политических реалистов государство – это, прежде всего, держава – страна как субъект международных отношений, то для либералов государство – часть общества. Руководствуясь этой перспективой, сторонники либерального подхода рассматривают институт государства в контексте социальных отношений, а международную политику в неразрывной связи с изменениями в экономике, социальных структурах обществ и культурах. Эта же научная школа стремится связать два уровня – государственный и человеческий – в единую систему и включает человеческий фактор, а также ценности в структуру международной политики, подчёркивая, при этом, их растущую роль не только во внутренней жизни, но и в межгосударственных отношениях.

Согласно этим теоретическим представлениям, глубокие структурные изменения, происходящие внутри обществ, неизбежно влекут за собой и перестройку международных отношений, включая взаимоотношения государства и социетальных структур. Ведущей чертой либерального мировоззрения является представление о взаимообусловленности сообщества государств и сообщества народов. В этом отношении интерес, на наш взгляд, представляет книга под редакцией Дэвида Скидмора¹, в которой обосновывается характерная для либеральной парадигмы концепция зависимости государства от социетальных сил. Он пишет: «Государство является только одним из компонентов более широкой системы социальной власти»². Из этого делается вывод об участии в международной политике различных социальных групп, которые могут обеспечивать свои интересы и без государства. В этой системе государства находятся в контексте разнообразных транснациональных связей и являются частью «транснационального социального порядка». Данный социальный порядок может быть оспорен как изнутри (когда расходятся интересы, связанные с распределением власти и ресурсов), так и извне, когда он вступает в конфликт с другим социальным порядком по поводу природы международной системы. Государство высту-

¹ Skidmor D. (ed.) *Contested Social Orders and International Politics*. Nashville, 1997.

² *Op. cit.* P. 4.

пает в качестве «сайта» власти и играет роль посредника между внутренними и внешними порядками. Межгосударственные и индивидуальные формы общезития разделяются перегородками, которые, благодаря коммуникациям и планетарному сознанию, а также зарождению общей идентичности, становятся похожими на сообщающиеся сосуды (через процессы взаимовлияния и обмена информацией, взаимного примера и заражения, распространения общечеловеческих ценностей, среди которых главной становится человеческая жизнь). Любое правительство может быть признано легитимным, если только оно защищает неотъемлемые элементарные права своих граждан. В противном случае оно утрачивает право на осуществление законной власти. Именно такое понимание суверенитета лежит в основе концепции «международной защиты прав человека», неизбежно связанной с вмешательством во внутренние дела суверенных государств.

Несмотря на известное «забегание вперёд» ряда теоретических выводов представителей либеральной парадигмы, можно всё же согласиться с некоторыми из них. Так, бесспорным представляется положение о том, что укрепление политических позиций гражданского общества и развитие транснациональных связей с использованием новейших коммуникационных технологий служат самым мощным фактором (после экономической взаимозависимости), ослабляющим автономную роль государств по отношению к воздействиям изнутри и извне. Подтверждением этому стали события конца 2010 – 2011 гг., названные на Западе «арабской весной».

Революционные изменения в обществе выдвигают необходимость научного осмысления новых явлений. Фундаментальной тенденцией в развитии социальных наук, занятых изучением международных отношений, является взаимопересечение и даже частичное слияние предметных областей. В язык теории международных отношений и практической политики переключаются категории, призванные группировать наши знания о внутристрановых феноменах. К таковым следует отнести такие понятия политической науки, как «общество», «гражданское общество», «идентичность», «права человека», «глобальная внутренняя политика», «управление общественно-значимыми делами» (англ. «Public policy»), «институты», «легитимность» и др. Пересмотр устоявшихся представлений о разделении «внутреннего» и «внешнего» сопровождается появлением ряда новых теоретических обоснований допустимости иностранного вмешательства во внутренние дела суверенных государств. Среди основных философских, правовых и политологических теорий и концепций, которые лежат в основе выводов об устарелости традиционных международно-правовых подходов, полностью

исключающих допустимость международной интервенции, обусловленной гуманитарными целями, следует выделить следующие.

- Теории глобализации, взаимозависимости и развития транснациональных отношений, включающих растущую активность индивидов, групп и движений на международном уровне.

- Теоретические выводы об усилении в условиях глобализации после окончания Холодной войны тенденций к взаимовлиянию, взаимопроникновению и интеграции внутривнутриполитической жизни общества, международной и внешней политик¹.

- Постмодернистские методологические исходные положения теории международных отношений, охватывающие идеи о децентрации мира политического, о плюрализации и децентрализации государственной власти, о мировом пространстве эпохи постмодерна, в котором «здесь» и «там» нередко совпадают. В русле этого подхода исторические границы, разделяющие человечество, провозглашаются плодом социального конструирования, а политика «включения» и «исключения» объявляется несовместимой с гуманистической идеей прав человека.

- Концепция появления двух уровней международных отношений – государственного и человеческого (индивидуального) в условиях демократизации политических систем и растущей компетентности индивидов. С этой концепцией связано представление о качественно новой роли общественного мнения, оказывающего влияние на принятие внешнеполитических решений западных правительств.

- Теория естественного права, противопоставляемая позитивному праву и выводы о различиях между формальной легальностью и эмпирической легитимностью. Последняя делится на два взаимосвязанных аспекта – внутренний и внешний (увязывающие международное признание права народов на самоопределение с уважением правителями их права на свободный политический выбор внутри страны).

- Теории и эмпирические исследования, подтверждающие формирование постматериальных ценностей, транснациональной идентичности, формируемого и усиливаемого медийными средствами солидаристского мировоззрения и эмпатии в массовом сознании развитых обществ.

¹ См.: Смоляков В. А. Проблема взаимосвязей и соотношения внутренней и внешней политики: теоретико-методологический аспект. Владивосток, 2004.

- Появление новой концепции, претендующей на примирение права и морали и утверждающей правомерность появления деонтологических¹ взглядов на мировую политику.

- Концепции устарелости возникшего после Вестфальского мира понимания суверенитета как абсолютной и неделимой власти государства в пределах своей территории, согласно которым суверенитет имеет два измерения – юридическое (формальное) и эмпирическое (растущая взаимозависимость), вследствие чего государства более не монополизируют суверенность.

- Понимание взаимосвязей между внутригосударственными конфликтами, с одной стороны, и вопросами международного мира и безопасности – с другой.

- Концепция универсальности прав человека, которая эволюционировала от первоначальной её трактовки как прав и свобод индивида, неотделимых от национального государства (после 1945 г. произошёл переход к интернационалистской интерпретации, выводящей проблему на уровень международных обязательств и ответственности данного государства.)

- Внешнеполитическая доктрина либерального интернационализма, утверждающая, что либеральные государства должны вмешиваться (как в форме военной интервенции, так и в форме оказания гуманитарной помощи населению) во внутренние дела других суверенных государств ради продвижения либеральных ценностей. Политической базой либерального интернационализма являются Демократическая партия, а также «неоконы» из Республиканской партии США. Однако данная парадигма подвергается критике со стороны представителей школ политического реализма и геополитики. Так, например, классик политического реализма Джордж Кеннан указывал, что «ни один народ не может быть судьёй институтов и уклада жизни других народов»².

С изложенными теоретическими утверждениями связаны и другие принципиальные положения, ведущие к выводам о постепенной эрозии государственного суверенитета и повышении роли внешних факторов во внутренней жизни отдельных обществ. К ним относятся также выводы о важности учёта внутриво-

¹ Деонтологический подход в теории международных отношений предполагает присущее либеральной парадигме распространение критериев нравственности на международные отношения, признание приоритетности прав человека и меньшинств относительно норм международного права (прежде всего, принципа невмешательства во внутренние дела). Термин «деонтология» образован из двух греческих слов – «должное» и «наука» – и был введён в оборот И. Бенетом в 1834 г. для обозначения теории нравственности в целом.

² Kennan Dj. *American Diplomacy, 1900 – 1950*. Chicago, 1951. P. 53.

тических факторов для обеспечения международного мира и безопасности, о снижении барьеров между внутренними и международными процессами.

Понятие «интервенция» применяется в разных областях – от политики до финансов. Оно является довольно широким и включает использование как насильственных, так и ненасильственных средств. В порядке первого приближения представляется допустимым расширительное толкование: интервенция – это разнообразные формы действий, де-факто или де-юре нарушающие принцип государственного суверенитета. В истории международной политико-правовой мысли прослеживается эволюция двух различных трактовок интервенции в международном праве. Узкое понимание сложилось благодаря Э. Ваттелю, который первым в 1758 г. использовал термин «интервенция» и определил его как диктаторское вмешательство, включающее использование силы. В последующем данное понимание разделялось большинством специалистов. Но есть и широкая трактовка, которая утвердилась в XX веке, согласно которой интервенция может приобретать и ненасильственные формы, включающие множество видов «скрытого» вмешательства, т.е. без физического нарушения границ, в том числе такие виды, как дипломатическое непризнание, экономическое и финансовое давление, пропаганда и инфильтрация в политическую жизнь и т.д.

В целях последующего анализа требуется определить концептуальные рамки понятия «гуманитарная интервенция». Вопреки широко распространённым представлениям о недавнем происхождении понятия «гуманитарная интервенция», факты говорят о том, что данный термин появился в политическом лексиконе ещё в XIX веке, вскоре после 1840 г.¹ в связи с предпринятыми в 1827 г. Англией, Россией и Францией военными действиями против Османской империи (Турции) с целью спасения населения Греции от безжалостной резни (иные мотивы, такие как раздел имущества «больного человека Европы», в данном случае, мы намеренно оставляем в стороне). Всего за 1827 – 1908 гг. европейские державы ради защиты собратьев по вере (христиан) предприняли пять интервенций против Турции.

Э. Стоуэлл дал одно из первых определений данного концепта ещё в 1921 г.: «Использование силы ради нравственно оправданных целей защиты населения другого государства от продолжительного, жестокого и тиранического обращения, выходящего за пределы разумности и справедливости, ожидаемых от суве-

¹ См.: Stapleton A. *Intervention and Non-Intervention*. London: Murrey, 1866; *The Foreign Policy of Great Britain from 1790 to 1865*. London, 1866; Stowell E. *Intervention in international Law*. Washington. D.C.: J. Bryne, 1921.

ренной власти»¹. В теории и практике международных отношений установилось общее мнение, что главной особенностью «гуманитарной интервенции» следует признать именно принудительность предпринимаемых мер, что означает также и отсутствие согласия со стороны правительства страны, в отношении которой интервенция осуществляется.

Термин «гуманитарная интервенция» вызывает возражения со стороны некоторых авторов. Критики, например, считают его оксюмороном из-за несовместимости слов «гуманитарная» и «интервенция». Многие представители развивающихся стран утверждают, что прилагательное «гуманитарная» используется западными державами в качестве прикрытия для реализации собственных интересов. Действительно, уже имеются примеры использования понятия «гуманитарная» для правового и морального оправдания односторонних и спорных с правовой точки зрения акций, таких как военная операция НАТО против Сербии в 1999 г. Само это слово означает меры, направленные на предотвращение геноцида, массового голода, вынужденного перемещения больших масс населения и т.д. Рассматриваемое словосочетание содержит указание и на мотивы (гуманитарные, значит морально оправданные), и на действия, по сути, военные операции. Но именно здесь заключается ряд проблем. Первая – это неизбежное нарушение суверенитета. В связи с этим возникает вопрос о легитимации операций и о правах объекта санкций. Вторая – разработка объективных критериев для анализа положения дел внутри страны-объекта и оценки оправданности интервенции. Третья – вопрос о последствиях и результатах, т.е. об ответственности стран-интервентов.

Следует заметить, что в последние десятилетия со стороны западных государств наметилось также расширительное толкование понятия, которое теперь относится и к проблеме смены тиранических форм правления. В связи с этим, актуализировалось ещё одно понятие – «продемократическая интервенция». Можно отметить также тенденцию в западной литературе и официальных внешнеполитических доктринах к расширению шкалы допустимости вмешательства. Так, У. Райсман настаивает на правомерности применения силы в тех случаях, когда народу определённой страны правительство, либо другие силы мешают реализовать своё право на политическое самоопределение через демократический политический процесс. Апелляция к п. 4 ст. 2 не должна препятствовать самоопределению, поскольку «механическое толкование» Устава ООН подрыва-

¹ Stowell E. Intervention in international Law. P. 53.

ет «основополагающие политические цели, к которым стремится международное право, и противоречит здравому смыслу», – пишет автор. Вмешательство в определённых ситуациях становится не только юридически оправданной акцией, но и моральным долгом международного сообщества. В плане политических последствий оно послужит росту вероятности «свободного выбора народом своего правительства и политической структуры»¹.

Вопрос о допустимости вмешательства во внутренние дела и о государственном суверенитете оказался в послевоенный период в центре теоретических и политических дискуссий, которые ведутся между сторонниками международно-правовых концепций отрицания суверенитета, с одной стороны, и защитниками традиционного понимания суверенитета, жёстко разделяющего внутреннюю и международную сферы. Последние признают правомерность вмешательства только при наличии явно выраженного и добровольного согласия государства на ограничение своего суверенитета. Рассмотрим доводы сторонников неприкосновенности государственного суверенитета:

1) они основываются на постулатах, разработанных ещё Ж. Боденом в его работе «Республика» (1576), согласно которому сущность суверенитета заключается в его абсолютности и неделимости и реализуется как «высшая власть государства над гражданами и подданными»;

2) государственный суверенитет является основой международного порядка, установившегося после Вестфальского мира 1648 г., поэтому любые покушения на суверенитет приведут к хаосу и войнам между государствами;

3) национальные государства продолжают оставаться главными политическими институтами, структурирующими человеческое сообщество как на международном, так и национальном уровнях;

4) государство, как единое целое, приоритетно по отношению к составляющим его индивидам;

5) вмешательство является нарушением п. 4, ст. 2 Устава ООН, который гласит: «Все члены Организации Объединённых Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или её применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединённых Наций»².

¹ Reisman W. M. Coersion and self-determination: Constructing Charter article 2 (4). AJIL, Wash., 1984, vol. 78, № 3. P. 644 – 645.

² Устав Организации Объединённых Наций и Статут международного суда. Нью-Йорк, 1984.

В соответствии с вышеизложенным подходом вмешательство в любой форме во внутренние дела суверенных государств однозначно осуждается международным правом. В п. 7 ст. 2 Устава ООН формулируется значение принципа невмешательства во внутренние дела, входящие во внутреннюю компетенцию государства. Ортодоксальными противниками любых форм вмешательства эта норма нередко трактуется так, будто бы международное право в принципе не регулирует внутригосударственные дела. Например, советский правовед-международник А. П. Мовчан писал, что «права человека немислимы и не существуют вне государства»¹, сообразно с этим, не может быть и универсальных принципов, в соответствии с которыми правовое положение индивидов определяется международным правом.

С другой стороны, доктрина вмешательства также имеет длительную традицию (произведения Г. Гроция, Ф. де Витториа и др.) и достаточно разработанную систему аргументации. Испанский католический философ Ф. де Витториа (1492 – 1546), обосновывая войны против индейцев, положил начало традиционному для западного мировосприятия делению народов на «цивилизованные» и «нецивилизованные» (Francisco de Vittoria. *De jure belli hispanicum in barbans*). Теория «гуманитарной интервенции» ныне разработана в многочисленных работах². Профессор Сабина Шорлемер (Женева) даёт следующее узкое определение гуманитарной интервенции: это «применение военной силы для предотвращения или устранения массовых нарушений прав человека в другом государстве»³. Несмотря на отсутствие юридической базы для подобных акций (возможность вмешательства не прописана в Уставе ООН), они обычно оправдываются тем, что не направлены против «территориальной целостности» и «политической независимости». Интерес представляет вопрос о возникновении теории и практики гуманитарной интервенции в XX веке. Устав ООН «не даёт Организации право на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию данного государства», но за исключением случаев, связанных с «применением понудительных мер на основании гл. VII». Правовой предпосылкой вмешательства принято считать принятие ООН в 1948 г. «Всеобщей декларации прав чело-

¹ Мовчан А. П. Права человека и международные отношения. М.: Наука, 1982. С. 20.

² См., напр.: Falk R. *Human Rights and State Sovereignty*. N.-Y.: Holmes and Meier, 1981; Foraythe D. *The Internationalization of Human Rights*. Lexington, mass: Lexington Books. 1991. Greenwood, 1993; Is There a Right of Humanitarian Intervention? // *World Today*. Vol. 49. № 2. P. 34 – 40; Gurr T. Harff B. *Ethnic Conflict in World Politics*. Boalder, Colo.: Westview Press, 1994 и др.

³ Шорлемер С. Права человека и «гуманитарная интервенция» // *Internationale Politik*. 2000. № 2. P. 48.

века». В основе правовой аргументации в пользу вмешательства лежит концепция взаимосвязи принципа суверенного равенства и принципа невмешательства с принципом универсальности и верховенства прав человека. Организация Объединённых Наций, провозгласившая соблюдение прав человека и достоинство человеческой личности высшей ценностью, не только несёт моральную ответственность, но и обязана в случае массового нарушения этих прав (угрозы голода, геноцида и массовой гибели людей, потоков беженцев из зоны конфликта и т.д.) принимать необходимые в таких ситуациях меры, вплоть до интервенции в зоны конфликтов. Следует иметь также в виду, что есть формально суверенные страны, которые, вместе с тем, лишены реальной субъектности. К ним относятся «несостоявшиеся государства», в которых правительство не контролирует территорию; страны, правительство которых находится в изгнании; фактически распавшиеся государства, такие как Сомали и т. п. Окончание Холодной войны сделало возможным принятие в 1991 г. резолюции Совета безопасности ООН № 688, разрешившей осуществление контроля международных сил над пространством Ирака в целях защиты курдского и шиитского населения от расправ со стороны правительственных сил.

Обобщая разнообразные концепции, следует выделить три формы «интервенций», т.е. вмешательства во внутреннюю компетенцию суверенных государств: 1) вмешательство без принуждения (дипломатия, пропаганда, инфильтрация, тайное финансирование партий и т.д.); 2) вмешательство с элементами принуждения, но не насилия (разного рода санкции); 3) прямое применение насилия (военное вторжение, т.е. пересечение границ суверенного государства войсками зарубежных стран). Такой подход позволяет построить исследовательскую матрицу, позволяющую производить политологический анализ конкретных форм вмешательства (см. рисунок).

Основная масса политической и научной литературы о гуманитарной интервенции посвящена рассмотрению проблемы применения военной силы для достижения гуманитарных целей. Однако современный анализ был бы далеко не полным без включения в него вопроса о невоенных интервенциях, к которым относятся санкции и уголовное преследование – «юридический интервенционизм». Международные экономические и политические санкции, такие как разные виды эмбарго, получили широкое распространение в 1990-х годах. Санкции сегодня являются главным инструментом «невоенного» воздействия с целью повлиять на внутреннюю политику или внешнеполитическое поведение опреде-

лённых государств. Экономические санкции включают такие инструменты, как введение эмбарго на поставки товаров, ограничения на судоходство, полёты гражданской авиации, инвестиции, а также замораживание зарубежных финансовых активов банков, компаний и официальных лиц из преследуемых государств. Политические санкции предполагают введение эмбарго на продажу оружия, прекращение военной помощи и военного обучения, признание незаконными определённых актов, объявление «не въездными» на территорию стран-участников бойкота отдельных чиновников и деятелей правительства¹. Основная проблема применения санкций связана с оценкой их эффективности. Опыт применения и соответствующие исследования показывают, что санкции являются довольно грубым инструментом и малоэффективны в плане достижения поставленных целей, однако, они ставят в трудное положение население подвергшихся санкциям стран. К тому же, оценить действенность санкций не всегда возможно из-за того, что методологически сложно отделить воздействие санкций от действия иных факторов.

Матрица «Формы вмешательства во внутренние дела
суверенных государств по типам акторов и типам вмешательства»

Типы акторов \ Типы вмешательства	Ненасильственное		Насильственное	
	скрытое	открытое	скрытое	открытое
Государственные	скрытое	открытое	скрытое	открытое
Негосударственные	скрытое	открытое	скрытое	открытое

Ещё одной формой невоенной интервенции в наши дни является международное уголовное преследование правителя-делинквента по обвинению в преступлениях против человечности. Прецедентом стали Нюрнбергский трибунал и Токийский процесс конца 1940-х годов, когда были заложены его базовые правовые принципы. Ранее считалось, что он не может распространяться на глав государств, но 4 марта 2009 г. появился ещё один прецедент – ордер, выданный Международным судом, на арест президента Судана Омара аль-Башира по об-

¹ Reisman W. M., Steric D. L. The Applicability of International Law Standards to the UN Economic Sanctions Programmes // European Journal of International Law. 1998. № 99. P. 86.

винению в геноциде в связи с конфликтом в Дарфуре, где, как утверждается, проводились этнические чистки (Омар аль-Башир стал, таким образом, первым действующим главой государства, против которого было выдвинуто обвинение органом международной юстиции)¹.

Существует также проблема определения границ между вмешательством гуманитарным и вмешательством политическим. Концепция «гуманитарной интервенции» базируется на международном гуманитарном праве, которое, как иногда утверждают, формально находится вне политики. Тем не менее, многие авторы пользуются понятием «гуманитарная политика» (англ. «humanitarian politics»²). Другие же стремятся отделить «гуманитарное» от «политического», особенно от «реалполитики» и «партийной политики». В ответ на это О. Рамсботем и Т. Вудхаус справедливо замечают, что аполитичный подход, ставящий во главу угла нейтральность, противоречив по своему смыслу, поскольку, как это ни парадоксально, он сам по себе явление политическое³. Аналогично рассуждает и П. А. Цыганков, ставящий риторический вопрос: «Не является ли всякое вмешательство неизбежно политическим?»⁴. Очевидно, что гуманитарное вмешательство по своему характеру – политический феномен, поскольку вытекает из политических решений и означает прямое воздействие на политические отношения внутри другого государства, участие в решении вопросов распределения власти и формирования политического курса, а также ведёт к изменениям политических режимов. Несомненно, это относится и к «продемократической интервенции», имеющей целью смену режима.

Ещё один вопрос, стоящий в центре споров, – о соотношении морали и международного права. Некоторые юристы-международники оправдывают политику интервенции с целью свержения тиранических режимов, ссылаясь на верховенство морали и устарелость некоторых норм права. Так, например, последовательный представитель «либерального интервенционизма» профессор права Фернандо Р. Тесон в работе «Гуманитарная интервенция: исследование права и морали» противопоставляет теорию «естественного международного права»⁵ теории «позитивного права» XIX века. Данная работа интересна в том

¹ Михаил Зыгарь. Президента Судана приговорили к суду // Коммерсантъ. 2009, 5 марта.

² Forsy D. Humanitarian Politics: The International Committee of the Red Cross. Baltimore: J. Hopkins, Univ. Press, 1977.

³ Ramsbotham O., Woodhouse T. Humanitarian Intervention in Contemporary Conflict. A Reconceptualization. Cambridge. 1996. P. 17 – 18; Цыганков П. А. Международные отношения: учеб. пособие. М.: «Высшая школа», 1996. С. 220.

⁴ Цыганков П.А. Международные отношения... С. 219.

⁵ Teson F. R. Humanitarian intervention: an inquiry into law and morality. 2-nd ed. N.-Y., 1997. P. 314.

отношении, что содержит обращения к философским аспектам проблемы вмешательства. Автор обосновывает тезис, согласно которому права государства производны от прав индивидов. Другой тезис: война в защиту прав человека морально оправдана тем, что теоретически неправильно отрывать международную легитимность от внутренней легитимности, поскольку обе они взаимосвязаны¹.

Согласно такой логике, любое правительство, участвующее в международных делах, действует по поручению граждан своей страны и поэтому имеет право представлять их лишь постольку, поскольку обладает внутренней легитимностью. Утрата последней или же диктаторский характер власти ставят под сомнение международный правовой статус государства и его право представлять народ. Кроме того, принцип самоопределения также имеет не только внешнее, но и внутреннее измерение. Самоопределение во внутреннем плане означает, что народ обладает реальной возможностью решать вопрос о том, кто должен обладать властью. При диктаторских режимах индивиды лишены такой возможности и, следовательно, не могут воспользоваться правом на самоопределение и независимость. Нелегитимным может считаться даже режим, угнетающий меньшинство. Такова логика рассуждений Ф. Р. Тесона и многих других авторов.

Впервые связал вопрос о допустимости вмешательства с проблемой самоопределения британский философ, экономист и политический деятель Джон Стюарт Милль (1806 – 1873), который утверждал, что не следует подталкивать демократические преобразования, ибо народ сам должен доказать свою зрелость решительной борьбой за свободу. В работе «Несколько слов о невмешательстве», написанной в 1859 г., Дж. С. Милль утверждал: «Если дух свободы силён в народе, то он самостоятельно определит своё будущее». Внешнее вмешательство ему не поможет, поскольку «свобода держится на внутреннем соотношении сил»². Развивая эту идею, современный политолог М. Уолцер утверждает, что сам факт существования диктатуры в той или иной стране может служить доказательством «соответствия» культурных ценностей власти базовым ценностям народа, что и служит доказательством её легитимности. «Если диктатура легитимна, то вмешательство будет нарушением прав граждан»³, – делает он вывод.

Как видим, новая, теперь уже западная, версия «доктрины ограниченного суверенитета» непосредственно связана с концепцией внутренней легитимности, с одной стороны, и международного признания режима – с другой. В последнее

¹ Ibid.

² Mill J. S. A Few Words on Non-Intervention. Collected Works. Vol. 21. L., 1996. P. 109 – 124.

³ Teson F. R. Op. cit. P. 92 – 93.

время в западной политической теории и практике отмечается сильная тенденция к интервенционизму при трансформации трактовки принципа государственного суверенитета. Внутреннее положение в соответствующей стране нередко рассматривается как повод для вмешательства, особенно в тех случаях, когда в массовом масштабе нарушается базовое право человека – право на жизнь. Принцип государственного суверенитета подтачивается извне, благодаря усиливающейся взаимозависимости, и изнутри – через общественное мнение и опасения зарубежных стран относительно собственной безопасности. Вот почему ряд западных учёных-международников разводят юридические (формальные) и политические (реальные) аспекты суверенитета. Так, С. Краснер, рассмотрев развитие концепции суверенитета, назвал его (перефразировав Б. Дизраэли) «организованным лицемерием». В связи с этим наметилась тенденция к игнорированию норм права и подмене их принципом целесообразности.

Если древнеримская максима гласит: «*Fiat justitia, et pereat mundus*» («Да свершится правосудие, хотя бы погиб мир»), – то современные «либеральные интервенционисты» противопоставляют ей утверждение: «Если бы миром правили юристы, он бы давно погиб». Так можно истолковать современную позицию значительной части западного внешнеполитического истеблишмента. В основе данного воззрения лежит убеждённость в том, что существуют, во-первых, универсальные гуманитарные ценности и принципы; во-вторых, международная взаимозависимость, которая выводит ценности морали за пределы государственных границ и накладывает определённые нравственные обязательства на всех участников международного сообщества (Р. Линклейтер); в-третьих, интернационализация конфликтов, ведущая к тому, что острые гуманитарные ситуации приобретают международный характер и могут стать угрозой миру и безопасности.

Государственный суверенитет остаётся политико-юридическим принципом, разделяющим политику на две сферы: внутреннюю и внешнюю. При этом его роль внутри страны в системе отношений «человек – государство» заключается в поддержании социального порядка и стабильности, а в международном плане, т.е. в системе отношений «государство – государство» выражается в преобладании элементов анархии и способствует возникновению войн между странами, отстаивающими собственные интересы при отсутствии над ними высшей власти, играющей роль арбитра. Однако в современном мире действуют тенденции, ведущие к исчезновению «непроницаемости и непрозрачности» государственного суверенитета. Постепенно и незаметно изменяются, нарастают во времени количественные изменения в соотношении между автономией и полномочиями меж-

дународного сообщества. Права человека становятся ведущим фактором, стирающим границы между внутренней и внешней политикой. Волна демократизации, охватившая десятки стран мира, усиление «человеческого измерения» международных отношений, объективное уменьшение роли государств в мировой политике в связи с появлением новых акторов и новых видов политической лояльности, распространение идеологии естественного права, либерализма, объективно ведут к ограничению всевластия государства и возрастанию его ответственности не только перед своими гражданами (принцип политической легитимности), но и перед международным сообществом, руководствующимся универсальными гуманистическими критериями.

Растущее осознание взаимозависимости между нациями, связи между «домашними порядками» и поведением на международной арене позволяют сделать вывод о том, что суверенность не следует рассматривать в качестве абсолютного и неизменного атрибута государственности. К тому же теория суверенитета никогда не соответствовала действительному положению дел. В реальном мире суверенитеты различаются по степени и интенсивности (хотя это и не сказывается на формальной стороне правосубъектности государств). На практике, как представляется, действует ряд ограничителей, которые объективно способствуют эрозии суверенитета. На наш взгляд, их можно свести в три группы:

1) пределы государственной власти (и, соответственно, юрисдикции) в отношениях с теми, перед кем правительство имеет свои обязательства и над кем оно властвует (Дж. Локк доказал, что согласие подданных обусловлено тем, насколько правители способны выполнять свои обязательства и охранять неотъемлемые права членов политического сообщества);

2) отношения государства с другими суверенами и международными межправительственными организациями, которые регулируются соглашениями и нередко сопровождаются добровольным отказом от части суверенитета на основе взаимности (как это имеет место в рамках Европейского Союза, где сложился институт вмешательства во внутренние дела стран-участников);

3) объективно существующая и всё более усиливающаяся взаимосвязь между государствами (экономическая, военная, социально-психологическая, коммуникационная, финансовая, политическая, экологическая и т.д.), означающая, что любые изменения не только во внешней, но и во внутренней политике каждого из субъектов прямо или косвенно затрагивают остальных.

Проблема прав человека и коллективных гуманитарных прав народов (или меньшинств), таким образом, является транснациональной, поскольку включает

в себя внутри- и внешнеполитические компоненты. Для её решения требуются не только усилия национальных правительств или коллективные действия и сотрудничество государств, но оказание гуманитарной помощи без достижения согласия с властями страны-объекта и, в крайних случаях, вопреки их сопротивлению.

Теоретические выкладки, тем не менее, оставляют ряд вопросов, на которые сегодня нет и не может быть однозначного ответа. Кто имеет право быть субъектом? Каково соотношение между суверенными правами и полномочиями государств, с одной стороны, и правами-полномочиями более широкого международного сообщества – с другой? Или иначе, имеет ли международное сообщество право на вмешательство с гуманитарной целью или нет? Какие акторы могут быть включены в понятие «международное сообщество», и чем доказывается его репрезентативность? В данном случае сталкиваются нравственная целесообразность и один из основополагающих принципов международного права. После того, как 5 апреля 1991 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 688, был создан прецедент интервенции во внутренние дела суверенного государства во имя гуманитарных целей и принципов. Весной 1991 г. Перес де Куэльяр, тогдашний Генеральный секретарь ООН, выступил в университете г. Бордо. «Право вмешиваться, – сказал он, – получило в свете недавних политических событий новое звучание... Мы с очевидностью становимся свидетелями того, что в сознании общественности, по-видимому, является необратимым сдвигом в сторону признания того, что принципы морали при защите угнетённых должны преобладать над соображениями, связанными с нарушениями границ или оформлением юридических документов... не ставит ли это под вопрос один из кардинальных принципов международного права, диаметрально противоположного этому, а именно обязанность невмешательства во внутренние дела государства?»¹

Несмотря на то, что право на гуманитарное вмешательство рассматривается в международно-правовой теории с XVI века, и имеется уже немало прецедентов подобного рода действий, остаётся ряд проблемных вопросов, требующих тщательного рассмотрения:

1) при каких обстоятельствах международное сообщество может вмешиваться во внутренние дела;

2) не будет ли вмешательство экспортом демократии, т.е. насильственным навязыванием западных политических институтов с непредсказуемыми, а иногда и разрушительными для обществ-объектов экспорта результатами;

¹ Цит. по: Лайонс Дж. М., Мастандуно М. Международное вмешательство, государственный суверенитет и будущее международного общества // Международный журнал социальных наук. 1994. № 2 (5). С. 94.

3) не приведёт ли практика нарушения суверенитета к разрушению территориально-государственной системы и международных институтов и тем самым к хаосу и войнам;

4) что означает понятие «права человека», и существует ли в многообразном мире единое понимание содержания и объёма этих прав, а также, насколько универсальны гражданские и политические права;

5) кто будет судить о состоянии прав человека (исторический опыт показывает, что группа «цивилизованных наций» может присвоить себе монопольное право на установление стандартов и вмешательство), и можно ли при этом избежать субъективизма в оценках внутривнутриполитической ситуации;

6) смогут ли державы, присвоившие себе право вмешиваться в дела суверенных государств во имя «гуманитарных и демократических ценностей» быть достаточно последовательными во всех случаях и смогут ли они удержаться от применения двойных стандартов (другими словами, есть ли гарантии, что «дипломатия прав человека» сможет быть во всех случаях последовательной и принципиальной, т.е. будет применяться один и тот же стандарт ко всем странам – «своим» и «чужим», сильным и слабым без исключений);

7) не будут ли западные державы проводить в своей внешней политике собственные национальные интересы под видом заботы о правах человека, осуществляя диктат сильного над слабым;

8) можно ли соглашаться с претензиями «демократических наций» (основанными на их субъективном убеждении в собственном цивилизационном превосходстве, но являющемся, по сути, выражением культурного этноцентризма) на право навязывать свои морально-политические принципы другим странам ради ценностной легитимации собственного режима во внутренней политике, не считаясь при этом с традициями и уровнем политической культуры экономически и политически неразвитых народов.

Постановка перечисленных вопросов приводит нас к выводу: нужна всесторонне разработанная концептуальная основа для преобладающего, неформального международного консенсуса относительно правовых и морально-политических стандартов гуманитарной интервенции. Следует исходить из незыблемого правила, согласно которому правом коллективной легитимации обладает исключительно Организация Объединённых Наций. Следовательно, вмешательство допустимо только на основе консенсуса международного сообщества, определяемого как государства. «Резолюции Совета Безопасности ООН, дающие мандат на вмешательство во исполнение статьи VII Устава, можно счи-

тать юридическим эквивалентом голоса международного сообщества», – пишут Дж. М. Лайонс и М. Мастандуно¹. Легитимность решения Совета Безопасности ООН становится существенной, когда к голосам пяти постоянных членов присоединяются голоса, как минимум, ещё четырех представителей государств. Тогда, согласно установившейся традиции, большинство (9 из 15) может претендовать на представительство большей части стран мира. Попытки расширительного толкования права на оценку состояния дел и на гуманитарное вмешательство представляются нецелесообразными. Наоборот, следует выделять элементарные, не допускающие двойной трактовки права, гуманитарные проблемы, признаваемые представителями всех культур и требующие международной защиты, которая должна осуществляться исключительно через механизмы международно-правовых институтов и, прежде всего, ООН.

¹ Лайонс Дж. М., Мастандуно М. Указ. соч. С. 109.

Часть 4

Конфликтология, психология

С. М. Марков

МЕДИАЦИЯ – АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРТИВНЫХ КОНФЛИКТОВ (СПОРОВ)

В юридической теории закон исключённого третьего выражается в принципе альтернативы («либо – либо») и состязательности («борьбы противоположностей») судебных споров, например, истца и ответчика, адвоката и прокурора и т.п. Цель – выигрыш (победа) по критериям права и закона (предпочтение отдаётся закону).

Попробуем изменить или подвергнуть сомнению абсолютный постулат «борьбы противоположностей» (состязательности) при разрешении спортивных споров, а в качестве альтернативного варианта предложить и внедрить в практику разрешения спортивных споров примирительную технологию, в первую очередь, медиацию и переговоры. Это тем более важно, что указанные инструменты разрешения спортивных споров применяются повсеместно, однако, законодательно пока не оформлены. В частности, Федеральный закон № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте» от 04.12.2007 г. (далее закон «О спорте») не упоминает понятие «спортивный спор»¹. То же самое касается термина «спортивный конфликт». Не существует у нас и спортивного права (по аналогии с «Административным правом», «Финансовым правом», «Гражданским правом» и др.). Закон «О спорте» не предлагает никаких процедур по разрешению спортивных конфликтов (споров). Трудовой кодекс РФ также обходит вниманием эту острую тему. В лучшем случае спортивные чиновники и юристы соглашаются на создание специализированных третейских судов или спортивной юстиции, например, наподобие итальянской спортивной юстиции. Но это самые продвинутые юристы-теоретики. Складывается впечатление, что спортсмены живут лишь на спортивной арене.

¹ Федеральный закон № 329-ФЗ от 04.12.2007 г. «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (в ред. от 07.05.2013 г. № 104-ФЗ) // КонсультантПлюс // URL : <http://www.consultant.ru/online/>.

В начале XXI века медиация становится фактом Международного права и международных отношений. В качестве примера можно привести законодательное закрепление медиации в международном праве в виде Модельного закона о международных коммерческих примирительных процедурах (Model Law on International Commercial Conciliation, или UNICITRAL)¹ и принятие 2 июня 2004 г. в Брюсселе (Бельгия) Европейского кодекса правил поведения для медиаторов, рекомендованного для стран ЕС (European Code of Conduct for Mediators)². В настоящее время медиация в европейских странах реально действует в государственных и гражданских правоотношениях, включая международные стандарты спортивного права. Это Спортивный арбитражный суд (Court of Arbitration for Sport, CAS,) созданный по инициативе Хуана Антонио Самаранча в 1983 г. первоначально под эгидой МОК в Швейцарии (Лозанна). Учредителями выступили ассоциации летних и зимних видов спорта. Данный логический подход оказался неудачным для других ассоциаций, не входящих в МОК, в частности, для федераций восточных единоборств. В результате в 1994 г. CAS отделился от МОК (после знаменитого дела немецкого конника Эльмара Гунделя³). Сегодня в его составе работают более 300 арбитров из 87 стран мира. Но это не значит, что они все одновременно задействованы. Это очень важный фактор.

В 1990-е годы компетенции лозаннского спортивного арбитража расширили. Был принят Кодекс Международного спортивного арбитража (КСА) и Договор о создании Международного Совета по спортивному арбитражу (Парижский договор 1994 г.)⁴. КСА состоит из двух частей: учредительной (S) и процессуальной (R), т.е. административные функции и судебные функции разделены в принципиальном плане. В часть R входят: арбитражный регламент, апелляционный регламент, регламент примирительной процедуры с участием посредника (медиация), положения о конституционных заключениях CAS. Финансируется CAS из бюджета арбитражного суда и за счёт взносов спорящих сторон. Решения судебного арбитража (третейского суда) в юридическом плане считаются окончательными и обжалованию не подлежат. Окончательная его институционализация закончилась «делом лыжниц Ларисы Лазутиной и Ольги Денисо-

¹ UNICITRAL Model Law on International Commercial Conciliation with Guide to Enactment and Use 2002 // URL : http://www.uncitral.org/pdf/english/texts/arbitration/ml-conc/03-90953_Ebook.pdf.

² European Code of Conduct for Mediators // URL : http://ec.europa.eu/civiljustice/adr/adr_ec_code_conduct_en.pdf.

³ Спортивное право // URL : <http://jurstars.ru/joomla-license.html>.

⁴ Кодекс Международного спортивного арбитража от 22.11.1994 г. (с поправками и доп. от 01.01.2012 г.) // URL : <http://lib.sportedu.ru/GetText.idc?TxtID=1538>.

вой»¹, когда в 2003 г. Лозаннский арбитраж впервые продемонстрировал свой суверенитет и независимость от судов общей юрисдикции на международной арене. Но не все спортивные комитеты и ассоциации признают его юрисдикцию. Это касается и спортсменов. Напомним, что юридически в России на сегодняшний день сосуществуют два спортивных арбитража. Кто из них главнее? Неразбериха сказывается на конкретных спорах. Спорящие часто неверно указывают в исковых заявлениях наименование арбитражного института, что приводит к административно-юридическим коллизиям и бесконечным судебным прениям в различных инстанциях. Параллельно заметим, российские спортсмены и спортивные ассоциации являются активными участниками Международного спортивного арбитража. Последнее обстоятельство обязывает российских спортсменов и их агентов включать в контракты соответствующие арбитражные оговорки по Уставу CAS. Эти арбитражные оговорки служат эмпирической базой для создания в нашей стране отдельной отрасли – спортивного права и спортивной медиации.

По спортивному праву защищаются диссертации (Е. В. Погосян, Екатеринбург, 2009; А. В. Сердюков, Москва, 2010; А. А. Соловьёв, М., 2011; А. Е. Базыкин, М., 2012; Е. А. Вострикова, М., 2012 и др.). В области спортивного права работают известные российские учёные (С. В. Алексеев, С. С. Алексеев, А. М. Бриллиантова, С. И. Гуськов, Р. О. Зыков, В. В. Ярков и др.). Проводятся конференции, круглые столы и симпозиумы. Несколько раз переиздавался учебник С. В. Алексеева, который мы рекомендуем для более полного ознакомления с проблемой данного исследования². Появляются спортивные юристы и ассоциации. Другими словами, спортивное право в нашей стране медленно, но уверенно создаётся и институализируется, при этом, следует подчеркнуть, отнюдь не обязательно под контролем государства. Но на общем фоне развивающегося Sport Law медиация пока незаметна: спортивные юристы-практики, да и теоретики к ней относятся настороженно даже несмотря на то, что спортивный арбитраж весьма схож по своей процедуре с медиацией. В этой связи возникает вопрос: есть ли перспективы спортивной медиации для российского спортивного сообщества? Насколько реально внедрить инструменты медиации в разрешение конфликтов в области спорта и сопряжённых сфер деятельности? Попробуем разобраться.

¹ Новости и скандалы в мире допинга // URL : http://www.steroid.ru/books_ska_1.htm; Дело Лазутиной-Даниловой рассмотрит Страсбургский суд // URL : <http://www.odintsovo.info/news/?id=11127> и др.

² Алексеев С. В. Спортивное право. Трудовые отношения в спорте : учебник. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2013.

Спортивный спор – разногласия субъектов в спортивных правовых отношениях по поводу взаимных прав и обязанностей. Кстати, отнюдь необязательно, чтобы спортивный конфликт был исключительно правовым. В спортивном конфликте важное значение приобретает сочетание внутренней и внешней сред зоны конфликта. Главный субъект – спортсмен. Но наряду со спортсменом в конфликте принимают участие и другие субъекты, вплоть до болельщиков и ТВ, т.е. спортивные конфликты – многосоставные и комбинированные. Поэтому и надо создавать спортивное право. Кроме того, спортивные конфликты, по своей сути, эмоционально-психологические. Наиболее распространены спортивные споры. Гражданско-правовые конфликты связаны, преимущественно, с трансферами игроков, спортивными санкциями, причинением вреда здоровью, а также спонсорские и рекламные. Трудовые конфликты: контракты спортсменов, восстановление на работу, о выплате заработной платы. Дисциплинарные конфликты: обжалование санкций, наложенных на спортсмена за тот или иной проступок, разногласия с применением допинга. Спортивные споры по содержанию условно можно разделить на «коммерческие», «дисциплинарные» и «этические».

Профессиональный спорт сегодня превратился в коммерческую арену и бизнес-индустрию массовых спортивных развлечений, на первый план в которой, как и в любой другой индустрии, выходит целевая установка на извлечение прибыли. Это касается всех видов спорта. Когда-то в СССР, да и в России действия, направленные на извлечение прибыли из спорта, подпадали под санкции уголовного права (это противоречило такому важному аспекту официальной советской идеологии, как утверждение здорового образа жизни). Сегодня коммерциализация спорта стала нормой, и, как следствие, закономерно привела к институционализации спортивных конфликтов (особенно трудовых). К ним можно добавить организационные конфликты, например, соперничество между различными школами каратэ ИКО и ИФК и др. С целью их нейтрализации создаются разные кодексы: «Закон Пеле» в Бразилии, Устав ИКО Ояма Масутацу, «Этикет Кёкусин-кан» Окадзаки Хирото. Международные и национальные спортивные федерации, включая российские федерации восточных единоборств, стараются вернуть спорт (в широком смысле) в древние (классические) традиции. Например, в российской федерации Кёкусин-кан каратэ-до в качестве спортивного регулятора предлагается «Философия Кёкусин» или путь к истине Оямы Масутацу¹. Но дойдёт ли эта философия до 12 млн. поклонников Кёкусин каратэ-до? Вряд ли! Нужны другие, более универсальные механизмы.

¹ См.: Горбылёв А. М. Путь к «сильнейшему» каратэ. Истоки мастерства Оямы Масутацу // URL : <http://www.husan.ru/oyama.php>.

Что предлагают в этом плане в российской спортивной федерации? На сегодняшний день в России работают две официальные организации, в которых можно урегулировать спортивный конфликт: Спортивный арбитражный суд при «Спортивной арбитражной палате» и Спортивный арбитраж при Торгово-промышленной палате РФ. Это официальные спортивные органы, наделённые правом разрешать национальные спортивные конфликты.

Правовой макет Спортивного арбитража переписан из устава Международного спортивного арбитражного суда (Швейцария). Следует отметить, что по схеме Лозаннского арбитража работают почти все национальные третейские спортивные суды: Бельгийская арбитражная комиссия по спорту (Comission Belge d'arbitrage pour le sport), Национальный спортивный центр по разрешению споров в Австралии (National Sport Dispute Center), Палата по разрешению споров в области спорта в Италии (Camera di Conciliazione e Arbitrato per lo Sport) и др. Конфликты в сфере международного спортивного права разрешают Международный спортивный арбитражный совет (International Council of Arbitration for Sport) и Международный спортивный арбитражный суд (Court of Arbitration for Sport). Национальные арбитражные суды – организации некоммерческие. Но судят спортсменов в них всё равно юристы, как это подобает любой судебной власти. Однако для квалифицированного разрешения спортивного спора, как показывает практика, требуются не только юристы, специализирующиеся исключительно в области правового обеспечения спорта, но и спортивные чиновники, менеджеры, конфликтологи, тренеры, т.е. специалисты в области спорта. В современных третейских судах не хватает спортсменов-юристов. И потом, третейский суд по своей природе имеет другое предназначение и отличается от процедуры медиации. С другой стороны, технология медиации входит в третейское урегулирование конфликтов. Проблемы, действительно, есть и в области теории (законодательстве), и на практике. В общих чертах они освещены через практику CAS доктором права из Германии (Франкфурт-на-Майне), международным юристом по спортивному арбитражу и примирительным технологиям в области международного права С. А. Беляевым¹. В этой же работе приводится достаточно яркий эмпирический материал для сравнительного анализа спортивного арбитража и медиации. Вернёмся к России.

Спортивный арбитражный суд и Спортивный арбитраж при Торгово-промышленной палате РФ – весьма солидные юрисдикционные органы. К сожа-

¹ Беляев С. А. Актуальные вопросы международного спортивного арбитража // Третейский суд. 2005. № 5. С. 92 – 100; № 6. С. 51 – 62.

лению, они находятся далеко от Дальневосточного региона. Но и под их юрисдикцию подпадают не все конфликты. Так, трудовые споры, т.е. самые массовые, не находятся в их ведомстве. При спортивных организациях, разумеется, работают свои «третейские суды» (допустим, в виде дисциплинарных комиссий). Но их полномочий явно недостаточно. Главный их недостаток заключается в том, что в них заседают свои же чиновники от данного вида спорта, и это явно не удовлетворяет отдельно взятых спортсменов. До сих пор законодательно не систематизированы и способы разрешения спортивных споров. Все они имеют свои недостатки, главные из которых: а) длительные сроки рассмотрения, б) отсутствие компетенции у судей по данному виду спора. Приведём лишь один пример – «Дело Прядкина» по спортивной этике, которое долго и скрупулёзно рассматривалось в Лозаннском спортивном арбитраже¹. Напомним суть: футболист Левченко обвинил Президента РФПЛ С. Прядкина в том, что он имеет собственную агентскую фирму. В конечном итоге CAS конфликта интересов не усмотрел, и отправил дело вновь в российский футбольный комитет по этике. Так, этические вопросы поднимаются до самих верхов спортивного арбитража, а затем вновь возвращаются на национальную почву и т.п.

Формы разрешения спортивных конфликтов в самом общем виде можно разделить на юрисдикционные (официально-публичные) и неюрисдикционные (частные, конфиденциальные). Инструменты последних – переговоры, спортивный омбудсмен, частный трибунал, третейский суд, спортивный арбитраж и медиация. Рассмотрим преимущества медиации при разрешении спортивных споров в индивидуальных видах спорта и практике восточных единоборств. Но сначала представим общую схему разрешения спортивных конфликтов через спортивный арбитраж, составленную на основе Международного спортивного права, потому что российским спортсменам и их агентам приходится под неё подстраиваться в урегулировании конфликтов, возникающих на национальной почве.

Правовой порядок разрешения споров через спортивный арбитраж или арбитражная процедура выглядит по Уставу CAS следующим образом.

1. Арбитражное ходатайство на имя председателя суда, в котором даётся краткое описание фактов и правовых оснований, включая описание спорных вопросов, претензия истца, копия контракта с арбитражной оговоркой, предоставляющей право обращаться в спортивный арбитражный суд, оплата судебного разбирательства.

¹ См.: РФС, РФПЛ. Позорище. «Дело Прядкина» // URL : <http://www.sports.ru/tribuna/blogs/post-scriptum/195726.html>.

2. Назначение арбитров (обязательно независимых). При этом стороны сами договариваются о порядке назначения арбитров.

3. До судебного разбирательства спорящим сторонам предлагается пройти процедуру примирения с целью достижения мирового соглашения.

4. Судебное разбирательство основано исключительно на диспозитивности. Стороны сами предоставляют доказательства, свидетелей, экспертов, адвокатов и т.д. Но и в судебном заседании дело изначально нацеливается на примирение в так называемой ускоренной процедуре.

5. Решение (приговор). Решение выносится большинством голосов, а при отсутствии большинства – председателем группы арбитров. Приговор может быть обжалован в Апелляционной палате CAS. Но в судах общей юрисдикции это решение уже не рассматривается. Итак, решение (приговор) окончательно разрешает спор и никакому обжалованию в иных судах не подлежит (по Уставу Международного спортивного арбитража).

Арбитражная процедура осуществляется в следующих формах, которые установлены в 1990 г.:

1) краткий арбитраж. Цель – примирение. Если примирение (медиация) предусмотрена арбитражной оговоркой, эта процедура обязательна, если нет, то исходит от председателя Арбитражного суда. В рамках краткой процедуры возможно частичное примирение по отдельно взятым пунктам спора и тогда в дальнейшем они уже не рассматриваются;

2) ускоренная (упрощённая) процедура: укороченные сроки рассмотрения спора, в которых возможно устное расследование без документов, без свидетелей и экспертов. Иногда спортсменов она устраивает, что обуславливается спецификой спортивной жизни и спортивной карьеры;

3) обычная арбитражная процедура;

4) апелляция;

5) решение (приговор).

Следует обратить внимание, что спортивный арбитражный процесс напоминает посредничество: третейское или медиативное. Проходит оно также по правилам, которые приняты на Международной арене.

Приведём виды этого посредничества:

1) примирительные процедуры – вмешательство третьего независимого лица (посредника) с целью достижения между спорящими мирового соглашения по предмету спора, либо отдельным его пунктам;

2) добровольное урегулирование конфликта под общим руководством посредника-модератора;

3) нейтральная оценка спора беспристрастным специалистом;

4) спортивный омбудсмен;

5) спортивная медиация – урегулирование спора с учётом нейтрального (независимого) посредника-медиатора на основе принципов добровольности, конфиденциальности, сотрудничества, равноправия и беспристрастности.

В командных видах спорта медиация (примирение с целью заключения мирового соглашения) является обязательной досудебной процедурой (например, дисциплинарный комитет КХЛ). О практике восточных единоборств открытой информации нет. Известно, например, что Федерация Косики каратэ России (М. Крысин) заключила соглашение на эффективное разрешение споров с ТПП РФ. Но это отдельные факты. А другие федерации восточных единоборств? Спортивные конфликты множатся, а способов их разрешения спортивные чиновники не предлагают. Слабое звено российской спортивной индустрии – отсутствие правовой базы или недостаточная осведомлённость о её наличии среди спортивных чиновников.

Приведём для размышлений классический пример спортивного спора о «правилах игры» Бернандо Сегуро. Мексиканский спортсмен подал иск в Лозаннский арбитраж о якобы незаконной его дисквалификации за нарушенные правила спортивной ходьбы. Напомним, Сегуро трижды был уличён в отрыве обеих ног на последних 400 метрах 20 км олимпийской дистанции. В результате лозаннский арбитраж лишил его олимпийского золота. Этот вид спортивного конфликта мы именуем спором о «правилах игры»¹. Весьма характерный конфликт для спортивного права. Как известно, Международный арбитраж не смог его разрешить с юридической точки зрения. Сегодня данный вид спортивного конфликта стал нарицательным.

Другой вид спортивного конфликта – коммерческий. В Древнем Риме атлетам давали специальные займы (кредиты) для подготовки к спортивным играм. Допустим, если введут в России льготные кредиты для спортсменов, то по каким «правилам игры» будут бороться судебные приставы с невозвратом, в случае неудачного выступления спортсмена на играх? Мы предлагаем в качестве альтернативного варианта технологию медиации.

¹ См.: Лузянин К. Разрешение спортивных споров в международном праве // URL : <http://juscivile.org/sportspor/>.

Вот её преимущества. Цель медиации – добровольное, конфиденциальное, конструктивное содействие в урегулировании конфликта (спора) через переговоры с участием третьей стороны (медиатора). Медиатор – помощник-консультант, но не судья-администратор, тем более не регулировщик конфликтной ситуации. Он создаёт условия для взаимоприемлемого разрешения конфликта (спора), но не разрешает конфликт, тем более в чью-либо пользу. Медиатор помогает найти справедливые нормы для будущего разрешения конфликта. Медиация – примирительная процедура, целью которой является достижение мирового соглашения или сохранение, по крайней мере, деловых и партнёрских отношений между конфликтующими.

Медиатор одновременно выступает в роли психолога, педагога, менеджера, юриста, дипломата, но как нейтральное, беспристрастное, тем не менее, авторитетное для переговорщиков лицо. Он организует рациональные и иррациональные коммуникации между переговорщиками, создаёт психологически комфортную атмосферу для переговоров. Медиатор выступает в роли консультанта в выработке окончательного решения и объективных (справедливых) критериев, но не судьёй. Ещё раз напомним, медиатор – посредник, и его роль определяется нейтральной позицией ко всем участникам переговоров. В роли медиатора могут выступать физические и юридические лица. Медиатором вправе работать профессионал (конфликтолог) и просто авторитетный человек (политик, дипломат, артист, судья в отставке и др.). Осуществлять деятельность медиатора на непрофессиональной основе может любой гражданин, достигшей возраста восемнадцати лет и не имеющий судимости. На профессиональной основе – лица, достигшие 25-летнего возраста, имеющие высшее профессиональное образование и соответствующий сертификат на право заниматься посреднической деятельностью. Это означает, что профессионалы должны пройти обязательное обучение.

Спорящие сами выбирают место, время, территорию и сроки проведения медиации. Это очень важно для отдалённых от цивилизации районов, где нет судов общей юрисдикции и, тем более, арбитражных и третейских судов. Её можно проводить в самых дальних районах Крайнего Севера и Дальнего Востока. Язык – необязательно государственный. Стороны сами выбирают для себя язык общения. Соответственно, в конфликтах между иностранными гражданами и местным населением также выгодно применять альтернативные формы разрешения споров. Опять-таки это выгодно для спортсменов, участвующих в международных соревнованиях, а также по спорам, затрагивающих как национальные, так и международные договоры (включая «правила игры»). Данные положения

из Федерального закона №193-ФЗ от 27.07.2010 г. «Об альтернативной процедуре разрешения споров с участием посредника (процедуре медиации)»¹ подходят и для практики разрешения спортивных конфликтов.

Процедура медиации предоставляет спортсмену явные преимущества: эффективность (договорённости, достигнутые в добровольном порядке, как правило, выполняются по законам совести и чести), конфиденциальность (тайные «сделки» спортсмена не раскрываются широкой публике), равноправие (в медиации учитывается справедливое равноправие, в том числе это касается оплаты процедуры медиации), отсюда вытекает защита интересов «слабой стороны» в дилемме «спортсмен – федерация», ориентация в споре на интересы, а не позиции сторон, быстрота (ограниченные законом рамки проведения процедуры медиации), стоимость процедуры (в буквальном и переносном значении), самостоятельный выбор посредника-медиатора и места проведения процедуры медиации. Это явные преимущества, но есть и другие, например, гуманитарные принципы. Они вполне согласуются с мировоззренческой установкой спортсменов всех федераций, в том числе восточных единоборств (верность, вежливость, мужество, правдивость, простота).

С. М. Марков

СКАЗ О ЛОГИКЕ А. КУРБСКОГО, ГЛАГОЛЕМЫЙ ДЛЯ СОВРЕМЕННЫХ ЮРИСТОВ

*Возлюбленный и чтимый русский народ.
Если труды мои окажутся достойными
всякой милости, примите их с любовью...*
Иван Фёдоров. «Апостол» (1564)

Сказ о логике А. Курбского («Сказ Андрея чего ради сии написах» – добавление к переводу Иоганна Спаненберга «Trivii erotemata» (в трактовке А. Курбского «О силлогизме»)) – первая печатная книга по логике, изданная на русском языке в Вильно в 1586 г. Логика для А. Курбского – это органон познания, средство для тренировки разума, метод обоснования политико-правовых учений,

¹ См.: Федеральный закон №193-ФЗ от 27.07.2010 г. «Об альтернативной процедуре разрешения споров с участием посредника (процедуре медиации)» // КонсультантПлюс // URL : <http://www.consultant.ru/online/>.

аналитика власти (самодержавия). Логику А. Курбский трактует по-аристотелевски (как учение о демонстративных доказательствах), а применяет в качестве метода изложения политико-правовых взглядов в письмах к Ивану IV Грозному и в труде «История о великом князе Московском».

Впервые рукопись И. Спаненберга была опубликована К. В. Харламповичем в 1900 г. в журнале «Киевская старина», но и после более чем столетнего пребывания в научной среде остаётся мало известной научной общественности. В первую очередь потому, что историков и филологов она не интересует, а логики и юристы, работая врозь, не уделяют должного внимания этому важному культурологическому тексту, оказавшему влияние на политико-правовую полемику второй половины XVI века. При этом сам факт обращения к силлогистике для обоснования политических взглядов уже имеет значимость и для политиков, и юристов. А то, что «Сказ о логике» А. Курбского – первая печатная книга по логике, изданная в Вильно в 1586 г. в типографии купцов Луки и Кузьмы Мамоничей¹, вообще требует отдельного осмысления. По другой версии, сказ А. Курбского о логике сначала был опубликован в учёных записках Казанского университета в 1873 г. М. Л. Петровским (Песковским). Первенство сегодня определить трудно, но известно, что К. В. Харлампович работал приват-доцентом, а затем профессором в Казанском университете. И всё-таки, зачем понадобилась логика опальному князю?

Этот вопрос рано или поздно должен быть решён. Есть мнения и гипотезы, но ответов пока нет. Основная трудность – недостаточность исторического материала и разночтения среди учёных по первоисточникам. Так, американский историк Э. Кинан считает, что труды А. Курбского представляют собой плод сочинений летописцев 20-х годов XVII века². В среде российских обществоведов (Д. С. Лихачёв, Р. Г. Скрынников, А. А. Зимин, А.И. Филюшкин и др.) тоже нет единогласия. Историки не могут определить, кто на кого ссылался (Исайя, Иван Федоров, Андрей Курбский, Иван Пересветов, Зиновий Отенский и др.). Суть проблемы заключается в том, что переписка А. Курбского с московским царём и другие его произведения дошли до нас в так называемом «Печёрском сборнике» 20-х годов XVII века. Оригиналы не сохранились. Вплоть до 30-х годов XIX века сочинения опального князя были известны в рукописных списках (всего около

¹ Братья Кузьма и Лука Мамоничи – купцы, книгоиздатели и общественные деятели Великого княжества Литовского (XVI – начало XVII века).

² Keenan Edward L. A Landmark of Kurbskii Studies. Harvard Ukrainian Studies. Ukrainian Research Institute Harvard University. Cambridge, Massachusetts. U.S.A. Vol. X. Number 1/2, June 1986. S. 241 – 248.

120). Впервые их опубликовал Н. Г. Устрялов, хотя попытки предания общественной гласности были предприняты Фёдором Поликарповым по заказу Петра I ещё в 1716 г. Сегодня они опубликованы во многих странах мира (Великобритания, Германия, Франция, Чехия и др.). Тем не менее, не все историки-медиевисты признают послания и переписку А. Курбского подлинными, хотя уже и не считают их «историческим недоразумением» (В. О. Ключевский). Расхождения во мнениях относятся к первоисточникам. Мы же выдвигаем гипотезу, согласно которой просветители и боярская оппозиция XVI века были знакомы с «Диалектикой» Иоанна Дамаскина, трудами Максима Грека, «Аристотелевыми вратами», Священным писанием и др. Попробуем её доказать нарративным путём.

Андрей Михайлович Курбский (1528 – 1583) – сначала ближайший сподвижник (правая рука) царя Ивана IV и советник (входил в состав Избранной рады), а затем опальный князь (1564), сбежавший под опеку короля Польши в Литву, историческая личность для XVI века авторитетная, более того – харизматическая. Аристократ, причислявший себя к интеллектуальной оппозиции, умелый воевода, политик, представлявший интересы вольнодумного боярства, организовавший в своём имении в Литве что-то вроде коллегіума для сподвижников (правда, иезуитское слово «коллегіум» он не терпел). Знал в совершенстве несколько европейских языков, включая греческий и латынь. Максима Грека считал своим духовным наставником. Переписывался с учёными Западной Европы, изучал и переводил сочинения Платона, Аристотеля, Марка Туллия Цицерона, Иоанна Дамаскина, Дионисия Ареопагита, Симеона Метафраста. Примечательно, что идеи и взгляды политиков и философов от Цицерона до Боэция и современников А. Курбского отчётливо просматриваются, более того, им же цитируются в переписке с Иваном IV и других посланиях¹.

Историческая фигура и политико-правовые взгляды А. Курбского – это весьма значимый культурологический пласт нашей духовной истории, требующий отдельного осмысления и оценки, из которого мы взяли для своих исследований лишь увлечение князя логикой, диалектикой, риторикой. Дело в том, что именно эти науки, пришедшие на смену старой местнической идеологии, выступили ориентирами новой государственной политики, в терзаниях зарождавшейся внутри дворцовых интриг Московской Руси. Косность политического мышления удельных князей, прописавшихся на постоянное место жительства в Кремлёвском дворце во времена правления Ивана III и давно забывших миропонимание

¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Я. Лурье, Ю. Рыков, Д. С. Лихачёв. М. : Наука, 1993.

Андрея Боголюбского, надо было вытеснить новой философией. В целом, к этому было готово даже боярство, но шло к его решению разными путями. Одним из вариантов стало переосмысление античной философии.

Логику и диалектику, вслед за Иоанном Дамаскиным, А. Курбский рассматривал как органон познания, средство для тренировки разума (ссылаясь на Максима Грека) и как метод обоснования своих политико-правовых поучений (по Аристотелю и Симеону Метафрасту). И не правы историки, считающие, что Аристотель был неизвестен или малоизвестен древним русичам. Это относится как к натурфилософским и политическим трудам античного классика, так и к его методу. Известно, например, что, благодаря кружку «жидовствующих» (интеллектуально-гуманистической оппозиции царской власти в XVI веке), арабская версия Аристотеля («Аристотелевы врата») была весьма популярна среди бояр. В научной традиции, берущей начало в исследованиях М. Н. Сперанского, А. И. Соболевского, Д. М. Буланина, В. Вальденберга, В. П. Андриановой, Д. С. Лихачёва, А. А. Зимина, этот труд принято называть «Тайная тайных» («Книга, нарицаемая тайны») или книгой без названия. В европейской версии – «Secretum Secretorum».

«Аристотелевы врата», изданные в еврейской типографии Дамаска, и, согласно легенде, предназначенные для Александра Македонского, содержат поучения и советы античного философа императору Александру. Несмотря на запрещение «Аристотелевых врат» Стоглавым Собором 1551 г., эта книга всё равно тайно хранилась в частных библиотеках бояр. Более того, есть свидетельства, что к ней обращались не только бояре, но и цари. М. Н. Сперанский, например, «Аристотелевы врата» называет «Домостроем» для царей и правителей. Примечательно, что А. Курбский в посланиях к Ивану IV Грозному ссылался на политические наставления псевдо-Аристотеля, а Иван IV (в первом письме) – на еретическую (гадательную) часть «Аристотелев врат».

Последнее не позволяет нам согласиться с утверждением М. Н. Громова и Н. С. Козлова о том, что аристотелевский метод был неизвестен в Древней Руси¹. В действительности, сочинения Аристотеля появлялись в византийской, арабской, болгарской версиях и к XVI веку стали достаточно известны образованной общественности того времени. Косвенным подтверждением этому служит факт, что, начиная с эпохи Ивана III, Москва стала привлекательной для европейских просветителей и мастеровых (Аристотель Фиораванти, Антонио Джисларди

¹ Громов М. Н., Козлов Н. С. Русская философская мысль X – XVII веков. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 28.

(Антон Фрязин), Максим Грек). К этому времени Москва стала притягательной для умных, мастеровых и даровитых иностранцев, надеявшихся найти в Московии свои перспективы.

В Европе XVI века Аристотель уже стал главным философом, его труды включались во все энциклопедии, богословские трактаты, популярные книги. И об этом в Древней Руси не могли не знать, по крайней мере, книжники, дипломаты, политические деятели, государи, советники Избранной рады, летописцы и т.п. Цитаты и фрагменты из работ Аристотеля появлялись в популярных книгах: «Пчеле», «Домострое», «Шестодневах». Другое дело, что русичи и болгары отдавали предпочтение Платону и Сократу, которые более соответствовали восточно-христианской догматике и духовному образованию в духе наставничества. Этому поспособствовал и Максим Грек, относивший к еретикам Аристотеля и его философский метод. Но из этого вовсе не следует вывод о том, что Аристотель был совсем или почти неизвестен. Наоборот, московским дворянам как бы на выбор предлагались и Платон, и Аристотель. Обычно в Москве выбирали Платона, на западе – Аристотеля. Идеи Платона служили для духовного творчества, Аристотеля – для политико-философских откровений. Возвращаясь к отмеченной выше книге М. Н. Громова и Н. С. Козлова, отметим, что им после столь категорического заявления (о неизвестности аристотелевского метода в Древней Руси) в последующем пришлось в других главах своей монографии неоднократно упоминать Аристотеля и его метод, в том числе, при анализе политико-философского наследия Ивана IV и А. Курбского. Тем не менее, высказанная ими в начале книги мысль запечатлелась в виде мировоззренческой установки и сегодня начала тормозить эмпирические и теоретические исследования воздействия аристотелевского метода на русскую философскую, богословскую, политическую литературу прошлого. Настало время её переосмысления.

Системный анализ правовых взглядов А. Курбского показывает, что он был сторонником естественно-правовых учений в средневековом понимании правды и справедливости, а также ратовал за сословно-представительскую верховную власть, ограничивавшую волю царя советами близких сподвижников Избранной рады. В области политической философии А. Курбский проповедовал концепцию свободной воли («самовластной») в традициях трактата Аристотеля «О душе». Человек свободен, и эта свобода воплощается в социально-политическом пространстве (в православном измерении) как разумная деятельность, ограниченная законом (Аристотель) и правдой (Максим Грек). Как и Аристотель, он

выделял в душе разумную часть. Формирование разумной деятельности происходит через образование, воспитание, активную социальную позицию.

Как просветитель, но в духе своего времени, А. Курбский поддержал все начинания и реформы Ивана IV Грозного: реформу государственного управления, создание приказов вместо дворов, перепись земли и её перераспределение между служивыми людьми (дворянами), военную реформу, почтовую (ямскую), церковную (особенно), налоговую и др., а также вместе с А. Ф. Адашевым выступил активным разработчиком царского Судебника 1550 г. На последнем надо остановиться особо.

Судебная реформа Ивана IV не просто ограничивала власть княжеского суда на местах. Это, по сути, такое же эпохальное событие для Московской Руси, как судебная реформа 60-х годов XIX века. Её следует расценивать как попытку создания государственного суда в трёх инстанциях: суда государевых наместников общей юрисдикции, приказного суда, введившего принцип судебного расследования в духе того времени, апелляционного суда Боярской думы или царского суда высшей инстанции. Отдельный статус получили церковные и вотчинные суды. Иван IV ввёл даже государственное (царское) помилование, ещё раз тем самым возвеличив царскую власть. Так, попавший в опалу Исайя, автор сочинений «Плач» и «Жалоба», не был казнён, несмотря на наветы своих противников, а был заточён в Каменец-Подольский монастырь, где и написал свои главные труды, в том числе, по медицине. Не забыл московский владыка, кто ему привёз царский титул из Царьграда от константинопольского патриарха. То же самое касается Максима Грека и многих других видных деятелей эпохи царя Ивана IV. Но вернёмся к Судебнику.

В Судебнике 1550 г. разделено гражданско-правовое и уголовное судопроизводство, появилось понятие «лихих» преступлений: разбой, грабёж, поджог, убийство, татьба, крамола (антигосударственные преступления: заговоры и мятежи), клевета, должностные преступления: посул (взяточничество) и казнокрадство, фальшивомонетничество и т.д. Но самое главное, что имеет значение для нашего исследования, введено судебное доказательство и расследование, а также состязательность по гражданским и не особо тяжким уголовным делам. Об этом говорит, в частности, судебный ордалий или судебный поединок. Судебные приставы и дьяки по протоколу (нововведение) должны были доказывать обвинение или невиновность обвиняемых, следуя новым судебным правилам, ориентируясь на состязательность и доказательность. Был введён особый язык судопроизводства (уставной язык). Всё это признаки корпоративной культуры!

В итоге произошло рождение новой касты судебных дьяков, которую впоследствии станут именовать юристами. Они-то и выступили инициаторами внедрения в судебные ордалии новых методов доказательств в виде логики, диалектики, риторики. Точно таким же образом логика, диалектика, риторика стали популярны в Древнем Китае и Древней Греции¹.

По всем этим пунктам А. Курбский не расходился с Иваном IV. Но он выступал против абсолютного самодержавного суверенитета. Идеал А. Курбского – православное христианское самодержавие, ограниченное Избранной радой. Идеология сословной княжеской власти, по его мнению, должна была соответствовать Священному писанию. Причём, для народных масс её следовало представлять через «Толковый псалтырь» Максима Грека, а для аристократов – через логику и диалектику Иоанна Дамаскина, великого учёного, жившего в Дамаске (Арабский Халифат) в VII – VIII веках. С этой целью А. Курбский перевёл «Диалектику» (точнее, «Философские главы») Иоанна Дамаскина, включив в неё после главы «О силлогизме» Иоганна Спаненберга и свой «Сказ о логике». Кроме того, добавил к своему сочинению «Сказание о древе Порфирия». Написал предисловие («Предисловие Андрея грехми преисполнена»). В результате получилось что-то вроде учебного пособия по диалектике и логике. При этом надо учесть, что занимаясь переводом труда Иоанна Дамаскина, А. Курбский держал в руках «Источник знаний» по богословию, этике, политике, истории, а диалектику («аже и логику») рассматривал как метод теоретического и практического познания (по Иоанну Дамаскину и Максиму Греку).

Впервые труд А. Курбского проанализировал знаток древнерусской письменности и литературы, редактор полного собрания сочинений В. А. Жуковского, профессор Казанского университета А. С. Архангельский². Известно, что «Диалектика» Иоанна Дамаскина входила в «Изборник Святослава»³. Логической частью «Изборника» было учение Аристотеля и Порфирия о категориях. Логика и диалектика в традициях того времени рассматривались как органы богословия. Историко-культурное влияние «Изборника» Иоанна Мансура для русской литературы бесценно, в том числе, с точки зрения введения в богослов-

¹ Марков С. М. Лекции по логике для юристов. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2012. С. 32 – 45; 48 – 49, 51 – 52.

² Архангельский А. С. Очерки из истории западнорусской литературы XVI – первой половины XVII вв. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М.: Университетская типография, 1888. Кн. 1. Отд. 1. С. 1 – 135.

³ Гаврюшин Н. К. «Изборник» 1073 и «Диалектика» Иоанна Дамаскина // Советское славяноведение. 1983. № 4. С. 94 – 96.

ский и книжный оборот философских и логических понятий, а также приёмов изложения богословских и политико-правовых учений. Однако с этой версией не все историки и филологи согласны. Есть мнение (Д. С. Лихачёв, Г. Г. Шпет и др.), что философско-логический язык первых русских сочинений по диалектике «фантастически исковерканный» и даже «тарабарский». Далее мы попытаемся опровергнуть это предвзятое мнение.

Благодаря исследованиям А. И. Соболевского, П. К. Коковцева и молодого, но весьма перспективного логика питерской школы П. А. Шапчица¹, стало известно, что иностранные термины вводились в научный обиход в старославянском акценте. К тому же, и это достоверно, иностранная литература переводилась по схеме: греческий язык – латинский – церковнославянский – славянский. Поэтому при поверхностном чтении, тем более учёному, незнакомому с логической терминологией, они и воспринимаются как «тарабарские»². Но это лишь на первый взгляд. В современной Японии, например, иностранные слова тоже употребляются на национальный манер, и Х. Мураками это не смущает³.

В «Логике Авиасафа» XV века (логика жидовствующих) отработан оригинальный логический стиль изложения аристотелевской силлогистики (кстати, сегодня учебники по логике для юристов излагаются именно в этой композиции). Трактат состоит из 14 глав, именуемых «вратами». Отметим отдельные его категории: «осуд» (суждение), «держатель» (субъект), «одержанный» (предикат), «прилог» (утвердительное суждение), «уем» (отрицательное суждение), «одержанное» (категорическое суждение), «прилепное» (условное), «урезное» (разделительное), «ровнание» (силлогизм), «роженная» (логический вывод или умозаключение) и т.д. То есть, язык логики XV века совсем не «тарабарский». Кстати, в школе А. Курбского «Логика Авиасафа» была известна. Диалектику, логику, риторику, иногда математику использовали в своих философско-правовых доктринах и сподвижники А. Курбского.

Сам А. Курбский переводил «Диалектику» в течение более чем двух лет (с 1575 по 1577 гг.), снабжая издание комментариями, исправлениями и дополне-

¹ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV – XVII вв. : сб. Отдела русского языка и словесности Академии наук. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1903; Коковцев П. К. К вопросу о Логике Авиасафа // Журнал Мин-ва народ. просвещ. 1912. № 5 (май). С. 114 – 133; Шапчиц П. А. Очерки истории логики и логической терминологии Древней Руси // Актуальные проблемы русской философии и культуры: матер. студенч. конф. 19 мая 2006 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 130 – 142.

² Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии // Очерки истории русской философии. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1991. С. 267.

³ Харуки Мураками (род. в 1949) – всемирно известный японский писатель и переводчик.

ниями (как было принято в то время). Комментарии – это перевод труда Иоганна Спаненберга «О силлогизме». Добавления: «Сказание о древе Порфирия» и «Сказ о логике». Свои переводы князь изложил в риторической форме, ориентируясь на рядового читателя, а для более продвинутых соратников просил достать ему что-нибудь более солидное. Первоначально А. Курбский использовал этот труд в качестве учебного пособия, а затем издал его в типографии Луки и Кузьмы Мамониной.

Что же переделал А. Курбский в кратком курсе логики Иоганна Спаненберга? Прежде всего, он ввёл собственное определение силлогизма, позволяющее отличать силлогизм от софизма, дал краткую характеристику энтимемы («энтимемы»), которую назвал «охромленным силлогизмом»¹. Проиллюстрировал примерами все три фигуры силлогизма и их модусы, убрал некоторые примеры, отредактировал непонятные термины, снабдив их дефинициями. Провёл различие умозаключений на демонстративные и вероятностные: «овые правду обрывают словесною силою и истине помагают, а овые сопотив правды глаголют». Из текстов его работ видно, что он прекрасно разбирался в логическом строении софизмов, которые называл «сатанинскими силлогизмами» (интеллектуальным мошенничеством). Например, в «Истории о великом князе Московском» хитро заметил: «Силлогизм псеношного старца». В связи с задуманным им планом, изменил композицию учебника, подстроив его под читателей, мало знакомых с логикой. В таком виде первая печатная книга по логике и была представлена для образованной публики.

Теперь можно обратиться к анализу стиля изложения политико-правовых учений А. Курбского. Предварительно заметим, что данная тема является малоизученной, даже несмотря на авторитетные исследования в этой области русских дореволюционных, советских и американских учёных. Дело в том, что одни историки и филологи (А. С. Архангельский, Я. С. Лурье, Д. С. Лихачёв, Р. Г. Скрынников, Э. Кинан и др.) обращали внимание, преимущественно, на литературно-художественные формы эпистолярного наследия А. Курбского, другие – на политические (Б. А. Рыбаков, А. А. Зимин), третьи – на либерально-политические (Б. В. Кобрин, Р. Г. Скрынников, Р. Пайпс). Но все исследователи обходили вниманием логико-философские трактовки посланий опального князя. Между прочим, он ведь не только Ивану IV Грозному строчил письма, но и другим сво-

¹ Энтимема (от. греч. in thymos – в уме) – логический вывод (силлогизм), в котором пропущена одна из посылок или заключение, или рассуждение в сокращённой форме, например: «Я мыслю, следовательно, существую» (Декарт).

им современникам. Правда, первостепенное значение всё равно имеет переписка с царём, поэтому без ответных писем поставленную задачу нам не решить. Для того, чтобы это сделать, надо внедриться в методы изложения двух политико-правовых идеологий: Ивана IV и А. Курбского. В самих общих чертах отметим, для Ивана IV Грозного характерен стиль платоновских диалогов, а для А. Курбского – аристотелевская аналитика. Это вполне коррелирует с двумя методологиями Афинской школы.

Напомним, что А. Курбский сбежал в Литву, где собрал в своём имении кружок единомышленников. Кстати, «перелёты» боярской аристократии и деловых людей в Польшу и Литву (одна уния с 1564 г.) до середины XVI века совсем не воспринимались современниками изменою (не случайно понятие государственной измены было введено в царский Судебник 1550 г.). Так, Иван Фёдоров (Москвитин), впервые напечатавший «Апостол» на старославянском языке, после разгрома монахами-летописцами его типографии (1565 г.) тоже переметнулся в Литву, которая в те времена служила русским примером для подражания. Боярская дума, например, называлась на польский манер «радой», а простой народ Литовского княжества предпочитал говорить по-русски. Государственные указы в Литве до второй половины XVI века также издавались на русском языке (судебник Казимира IV от 1468 г. и др.). Кстати, назывался этот судебник «Письмом» и представлял собой что-то вроде учебника по судопроизводству. Ситуация начала меняться лишь с 1586 г.

В сфере образования Литва и Польша тяготели к академическим школам (во второй половине XVI века на их территории стали открываться иезуитские школы), а Москва ориентировалась на монастырское духовное наставничество. Вокруг Максима Грека, например, образовался кружок «совопросников» (В. Патрикеев, Ф. Карпов, А. Курбский). Методики образования сильно различались. Так, в иезуитских школах наряду со Священным писанием преподавались семь светских наук, изучение которых требовало написания большого количества учебников и учебных пособий. Вот тут-то и пригодились сочинения Аристотеля, переведённые на латинский язык Боэцием Северином (480 – 524). Он же прокомментировал диаграмму логического квадрата и гипотетические силлогизмы, отзвуки которых встречаются у Максима Грека и А. Курбского, и «древо» Порфирия. Очень долгое время в Европе логика преподавалась по учебникам Боэция.

Сам князь А. Курбский был сторонником европейского образования. Правда, иезуитских школ не терпел, как и Максим Грек, который прекрасно знал, что

в итальянских школах господствуют Платон, Аристотель и подобные им. Религиозные догматы в них обязательно аргументировались «аристотелевскими силлогизмами» («Против латинян»¹). Кстати, до XVI века в рукописных «Шестоглавах» часто ссылались на Аристотеля. Косвенным подтверждением известности античных философов в Древней Руси является и их изображение на иконах в церковных храмах сначала в XVI веке в Новгороде (Новгородский Отенский монастырь), затем в XVII веке в Москве (Успенский собор в Кремле), а, возможно, и раньше. Изображения античных философов встречаются в храмах Новгорода, Пскова, Москвы, Ярославля и других русских городов. Так, например, после смерти Максима Грека в Благовещенском соборе Московского кремля были написаны его изображения на иконах в окружении Гомера, Платона, Аристотеля, Анаксагора (1564).

В то же время появились канонические требования писания икон с изображениями античных философов. Сохранились каноны писания наставника Академии: «Платон. Рус и кудряв, в венце; риза голуба, испод киноварь; рукою указывает во свиток». Те же требования предъявлялись и к изображению Аристотеля. Косвенно это говорит о том, что Аристотель и его метод были знакомы древним русским книжникам и образованным слоям общества. Все эти нововведения были описаны знатоком русских икон Н. Сперовским, магистерская диссертация которого «Старинные русские иконостасы» (1891) и по сей день признаётся русской культурологической классикой. Ради справедливости отметим и его мнение, что массовые изображения философов были канонизированы на Руси только в XVII веке².

В «Истории о великом князе Московском»³ А. Курбский со знанием дела использовал в полемике силлогизмы, индуктивные обобщения, топику, древо Порфирия, логические приёмы аргументации. А. С. Архангельский, Я. С. Лурье, Д. С. Лихачёв в своих исследованиях особо выделяют «книжный» (добавим – академический) стиль А. Курбского, противопоставляя его публицистическому (риторическому) стилю Ивана IV Грозного. Я. С. Лурье и Д. С. Лихачёв назвали его памфлетикой.

¹ «Против латинян» – одно из 365 сочинений Максима Грека, в котором он обличает аристотелевскую силлогистику, по его мнению, несовместимую с истинным религиозным воспитанием.

² Сперовский Н. Старинные русские иконостасы // Христианские чтения: Санкт-Петербургская православная духовная академия. 1892. № 1 – 2. С. 16 – 17.

³ Курбский А. М. Истории о великом князе Московском // Сочинения / под ред. Г. З. Кунцевича. СПб.: Русская историческая библиотека, 1914. Т. XXXI. С. 161 – 354.

Как нам представляется, в трёх письмах А. Курбского ощущается сильное влияние Максима Грека, которого сам князь назвал своим «превозлюбленным учителем». А согласно антропологии Максима Грека и Нила Сорского, душа человеческая состоит из трёх частей: чувственной (телесной), волевой (рассудочной) и разумной. При этом разумной части души отдаётся предпочтение (ум – «кормчий души»). Соответственно, и князь ориентировался на главенствующую роль ума (разума), используя его в качестве средства убеждения царя Ивана IV в необходимости перемены своей государственной политики (других орудий у А. Курбского не было). Но в методологическом плане он пошёл дальше своего учителя. Это произошло после его «перелёта» в Литву.

Увлечение логикой не умаляет значения риторики, в том числе и для А. Курбского. В третьем письме он изложил собственный перевод двух глав из труда Марка Туллия Цицерона «Paradoxa ad M. Brutum» («Парадоксы Брута»): «Против Антония» и «Против Клавдия». И всё-таки для А. Курбского характерен книжный (академический) стиль, состоящий из исторического и аналитического учения о государстве и праве. Не случайно В. О. Ключевский в своём «Курсе русской истории» ссылается на его послания как авторитетный источник. С тех пор повелось на Руси цитировать других авторов и ссылаться на первоисточники. При этом учебники первоисточниками среди историков не считаются. Возможно, именно поэтому, критикуя стиль Ивана IV Грозного, А. Курбский во втором письме поименовал послание царя «широковещательным и многоразумным», «ядовитыми словесы отрыгано», «ото многих священных словес хватано», «бабьями баснями».

Тем не менее, письма Ивана IV Грозного только на первый взгляд, да и то весьма поверхностный, кажутся наполненными алогизмами и грамматическими нелепостями (современники не случайно считали первого царя всея Руси «книжным человеком»). Об этом свидетельствует хотя бы то, что уже в то время многие европейские деятели, включая Римского папу и его окружение, пытались найти знаменитую «библиотеку Ивана Грозного». Поисками библиотеки ещё во второй половине XVI века занялись П. Джовио¹ и И. Веттерман². Её подлинность подтверждает австрийский дипломат С. Герберштейн³.

¹ Паоло Джовио (1483 – 1552) – итальянский гуманист, историк и писатель, филолог, большой любитель античных книг. Работал на Льва X, Климента VII, Козимо Медичи.

² Пастор Иоганн Веттерман из Дерпта, которого Иван IV Грозный, якобы, пригласил в 1570 г. для разбора и систематизации своей библиотеки

³ Герберштейн С. Записки о Московитских делах. Павел Иовий Новокамский. Книга о Московитском посольстве / введ., пер. и прим. А. И. Малеина. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1908.

Библиотека Ивана IV Грозного, или Либерия, до сих пор остаётся русской легендой¹. Но в любом случае, русские цари и бояре до и после жизни Ивана IV Грозного собирали и хранили избранные книги, занимались переводами, правда, в основном богословской и юридической литературы. Так, А. А. Туровский отмечает, что Иван IV заказал митрополиту Макарию перевод Синтагмы, который был выполнен в Молдавии в 1556 – 1560 гг. Этот перевод до Москвы не дошёл, но сохранился и находится сегодня в архивах Львова².

Как показывает С. И. Николаев, во времена Ивана IV Грозного между Польшей, Литвой и Москвой были тесные и плодотворные литературные связи³. Иван Федоров, например, печатал свои книги на русском языке после отъезда из Москвы сначала в Литве, затем в Польше. Кстати, тесно сотрудничал с братьями Лукой и Кузьмой Мамоничами, владельцами типографии в Вильне, в типографии которых была издана первая русская книга по логике, а также с печатником Петром Тимофеевичем Мстиславцем.

Увлекался чтением умных книг и Иван IV Грозный. В письмах московского царя есть ссылки на древнерусскую литературу, «Шестоглавы», библейские тексты, летописи, «Диоптру» инока Филиппа, византийскую и римскую правовую литературу. Правда, в отличие от А. Курбского, делал он это по-царски, без конкретных указаний на первоисточники. Что же касается метода изложения, то он соответствовал сократовским диалогам Платона, то есть, выражаясь языком эристики, риторическому стилю. Такой текст поймёт не всякий современный юрист, а тем более – историки и философы предшествующей эпохи.

Апагогический метод аргументации Ивана IV Грозного явно читается в его письме в Кирилло-Белозёрский монастырь (1573)⁴. Тема послания – спор о монастырском уставе в свете взаимоотношений со светской властью. Послание было написано в ответ на монастырскую грамоту, в которой монахи просили царя о «наставлении» в связи с возникшим конфликтом между двумя монахами: Иваном (Ионной) Шереметевым и Василием (Варлаамом) Собакиным. Если кратко,

¹ См.: Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М.: Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1898; Библиотека Ивана Грозного: реконструкция и библиографическое описание / сост. Н. Н. Зарубин; подгот. к печати, примеч. и доп. А. А. Амосова; под ред. С. О. Шмидта. Л.: Наука, 1982.

² Туровский А. А. Южнославянские переводы XIV – XV вв. и корпус переводных текстов на Руси // Исследования. 2010. Ч. 1. С. 152.

³ Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI – XVII вв. : библиографические материалы. СПб.: Нестор-История, 2008.

⁴ Послание в Кирилло-Белозёрский монастырь (1573) // Послания Ивана Грозного / подгот. текста Д. С. Лихачёва, Я. С. Лурье; пер. и коммент. Я. С. Лурье; под ред. В. П. Андриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. С. 162 – 192.

И. В. Шереметев (боярин, воевода, член Избранной рады) и И. И. Хабаров (боярин, воевода, дворецкий), приняв постриг, засели в Кирилловом монастыре, ведя там светский, довольно распутный образ жизни.

Начинается послание нарочито вопросительно с иронического восклицания Ивана IV Грозного: «Ува мне грешному! Горе мне окаянному! Ох мне скверному! Кто есмь аз на такую высоту дерзати?» – Кто же посмеет дерзать против монастырского устава? Даже царь Иван такого права не имеет. А далее из антитезиса выводятся следствия и сопоставляются с фактами. Узнаёте? Это логика апагогического доказательства. Не случайно современники называли Ивана IV Грозного «в словесной премудрости ритором». Продолжим логический анализ.

Иван IV Грозный утверждает тезис и антитезис: «Послабление в инокической жизни достойно плача и скорби! Вы же ради Шереметева и Хабарова преступили заветы чудотворца и совершили такое послабление». Из антитезиса выводит следствия и сопоставляет их с фактами: «Если мы по Божьему изволению решим у вас постричься, тогда к вам весь царский двор перейдёт, а монастыря уже не будет!» Зачем тогда монашество? Факты: великие светильники православия – Сергей, Кирилл, Варлаам и мн. др. преподобные Русской земли – установили крепкие уставы инокической жизни, необходимые для спасения души. А бояре, придя к вам, ввели свои распутные уставы. Шереметев сидит в своей келье словно царь, а Хабаров и другие чернецы к нему приходят и едят и пьют, словно в миру. Царь сравнивает их с иудейскими первосвященниками Анной и Катафой, главными виновниками распятия Христа. Это ли путь к спасению? Это ли монашеская жизнь? «Если вам устав Шереметева хорош, держите его, – продолжает царь, – а устав Кирилла плох, оставьте его». В этом месте применяется условно-разделительный комбинированный силлогизм. Вывод: монастырь поддерживается благочестием и монастырскими уставами русских святых. В противном случае мало-помалу крепкий монастырский уклад потеряет силу, а бояре его своими обычаями разрушат. «Без бояр монастырь не оскудеет», – делает логическое заключение Иван IV Грозный.

В посланиях к Василию Грязному (Ильину), попавшему в плен к крымским татарам в результате неудачного похода за языками, Иван IV Грозный предстаёт перед читателями мастером ораторского красноречия, умело применявшим в своём письме к пленнику риторические тропы и фигуры для опровержения тезиса оппонента, явно ориентируясь при этом не только на своего опричника, но и широкую публику, скорее всего, на крымского хана Девлет-Гирея и его ближайшее окружение. Напомним, письма Ивана IV Грозного к Василию Грязному

стали известны научной общественности благодаря Н. М. Карамзину, но интерес к ним в среде историков и филологов не угасает и сегодня. Однако логический анализ послания Ивана IV Грозного (сохранилось одно письмо) никто пока не проводил. Далее в своих исследованиях мы будем опираться на тексты и комментарии этого письма, выполненные П. А. Садиковым¹, добавив к ним переводы Д. С. Лихачёва и Я. С. Лурье.

Начнём с заголовка: «От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси Василью Григорьевичю Грязному Ильину». Обращение явно предназначено для широкой публики. Далее автор пишет как бы Василию Грязному (судя по тексту), а на самом деле мы видим прокламацию к крымскому хану и христианским полоняникам, оказавшимся в его неволе.

Предыстория письма такова. Василий Грязной написал обращение к московскому царю, причём, явно под диктовку (к сожалению, это письмо не сохранилось) с просьбой выкупить его из крымского плена за 100 тыс. руб., либо обменять на полководца Дивея Мурзу. В качестве аргументов привёл свои заслуги перед царём и отечеством. На что Иван IV Грозный иронически заметил: «Писал ты, что за грехи взяли тебя в плен; так надо было, Васюшка, без пути среди крымских улусов не разъезжать; а уж как заехал, не надо было как при охотничьей поездке спать: ты думал, что в окольные места приехал с собаками за зайцами, а крымцы самого тебя к седлу и приторочили. Или ты думал, что и в Крыму можно так же шутить, как у меня, стоя за кушаньем?» Стиль письма – полемический в духе горгианского ораторского искусства, с применением метафор, гипербол, перифраз, поговорок, синекдохи, антитезы, риторических вопросов и других троп и риторических фигур. Риторические фигуры и поговорки использованы как средство аргументации с целью отвлечения оппонентов от главной темы. Например, «Вася дурует», т. е. играет в важного дипломата, «дати волю царю, ино и псарю», «дати слабость вельможе, ино и простому»; «если бы крымцы были бабами...» и др. Или: «и ради приближенья твоего тысячи две рублей дадим, а до сих пор такие и по пятьдесят рублей бывали; а ста тысяч выкупа ни за кого, кроме государей, не берут и не дают такого выкупа ни за кого, кроме государей». Царь Иван иронически уличил Василия Грязного в подвохе (некоторые перебежчики-опричники в 1571 г. участвовали в походе крымского хана на Москву): «Если б ты объявил себя маленьким человеком, за тебя бы в обмен Дивея не просили». Впрочем, царь, помня старые заслуги Василия Гряз-

¹ Садиков П. А. Царь и опричник (Иван Грозный и Василий Грязной и их переписка 1574 – 1576) // Века. Ч. 1. Пг., 1922. С. 73 – 78.

ного, передал через своего посланника Ивана Мясоеда жалованье и материально обеспечил членов его семьи. Но платить 100 тыс. за пленника наотрез отказался.

Для письма Ивана IV Грозного характерен живой диалог с оппонентом, а с логической точки зрения, метод «сведения к абсурду». Хорошо, рассуждал московский царь, допустим ты дорогой советник (опричник) и важный воевода. Но в отличие от тебя, Дивей большего стоит и более значимый полководец, отпустив которого, мы можем погубить многих христиан. «...Станет воевать (Дивей. – С. М.), да несколько сот христиан получше тебя пленит. Какая в том будет польза?» Здесь мы преднамеренно привели большие отрывки для того, чтобы показать внутреннюю логику публицистического таланта Ивана IV Грозного, характерную и для других сочинений царя, а также с тем, чтобы у читателя имелась возможность сравнить её с логикой А. Курбского.

Послания князя А. Курбского царю Ивану IV Грозному, впервые опубликованные профессором Санкт-Петербургского университета Н. Г. Устряловым в 1833 г. и впоследствии неоднократно переиздававшиеся¹, построены методом аристотелевской аналитики. Попробуем обосновать данное положение.

Начинается I послание² с риторических вопросов типа: «Зачем царь... воевод, дарованных тебе Богом для борьбы с врагами, различным казням предал... и притеснения измыслил, обвиняя невинных православных в изменах и чародействе, и в ином непотребстве...? В чём же провинились перед тобой и чем прогневали тебя христиане – соратники твои?» Затем А. Курбский плавно перешёл к своим проблемам: «Обо всём вместе скажу: всего лишён был и из земли Божьей тобою без вины изгнан. И воздал ты мне злом за добро моё и за любовь мою непримиримой ненавистью». Почему?

В качестве доказательств князь привёл отступничество Ивана IV Грозного от святой веры и беззаконие («кровопийство») против ближайших его соратников. Аргументировал свой политический памфлет ссылками на Священное писание, евангельские истории, цитировал русских святых и богословов, приводил исторические факты, на которые впоследствии ссылались Н. М. Карамзин и В. О. Ключевский, свои заслуги перед Отечеством и царём, своё благородное происхождение и т.п. В заключение, в III письме он воззвал: «Вспомни прошедшие дни и возвратись к ним. Зачем ты, безумный, всё ещё бесчинствуешь против

¹ См.: Устрялов Н. Г. Сказания князя Курбского. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1868; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подгот. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков; отв. ред. Д. С. Лихачёв. М.: Наука, 1993.

² Здесь и далее римскими цифрами указаны номера писем А. Курбского.

Господа своего? Разве не настала пора образумиться и покаяться и возвратиться к Христу? Пока ещё не отторгнута душа от тела, ибо после смерти не опомнишься, а в аду не исповедуешься и не покаешься. Ты же был мудрым и, думаю, знаешь о трёх частях души и о том, как подчиняются смертные части бессмертной. Если же ты не ведаешь, то поучись у мудрейших и покори и подчини в себе звериную часть Божественному образу и подобию...» (риторические вопросы → тезис → его дедуктивное обоснование).

Вслед за Н. М. Карамзиным принято считать, что главная фабула писем А. Курбского представлена концепцией «двух Иванов»: до и после введения опричнины. В целом, это правильно. Но с точки зрения логики, концепция А. Курбского выстраивается гораздо интересней, если анализировать все три письма как органически целое произведение, тем более что II и III письма, как известно, были отправлены царю одновременно, после окончания русско-литовской войны и переводов «Диалектики» (здесь мы отвлекаемся от дискуссионного «печёрского» аспекта).

Анализ всех трёх писем позволяет сделать вывод, что свои послания А. Курбский подстраивал под аналитику Аристотеля, не умаляя значимости диалектического метода! Исходный тезис: личная обида на московского царя за умаление его заслуг и устранение из рядов ближайших советников, исключение из Избранной рады. А далее начинается полемика-спор, по нашему мнению, рассчитанный на публику и потомков. И только затем, в контексте публичного спора, выдвигаются новые тезисы и аргументы. Центральным становится утверждение: «Иван IV Грозный предал Священное писание и евангельские заповеди». Но заканчивается аргументация весьма прозаично: «Вспомни же дни своей молодости, когда блаженно царствовал!» Вся аргументация соответствует диалектической схеме: тезис – антитезис – новый тезис. Вот он, диалектический метод, основанный на демонстративных доказательствах, принятый Н. М. Карамзиным, В. О. Ключевским, К. Д. Кавелиным и другими историками-исследователями русской старины. А что говорил сам князь А. Курбский о своём методе?

Во II письме он с сарказмом и издёвкой раскритиковал риторический стиль Ивана IV Грозного: «Широковещательное и многошумное послание твоё получил и понял, и уразумел... что не только учёным и знающим мужам, но и простым, и детям на удивление и на осмеяние, а тем более посылать в чужую землю, где *встречаются люди, знающие не только грамматику и риторику, но и диалектику и философию*» (выделено мной. – С. М.). Далее намекал на хамский словесный оборот царя и таким способом настраивал своего оппонента на науч-

ную дискуссию. Не хотел, как сам выражался, отвечать на каждое слово на самом деле большого и сумбурного послания царя, в котором отсутствует логическая конструкция. Действительно, письмо Ивана IV Грозного более похоже на устное извещение, а не письменный текст. А. Курбский предложил перевести дискуссию на «слог древних» и в дальнейшем даже приложил к письму свой перевод труда Марка Туллия Цицерона: «А ещё посылаю тебе две главы, выписанные из книги премудрого Цицерона...».

Но подлинный дар аристотелевской аналитики проявился у А. Курбского в его «Истории о великом князе Московском»¹. Приведём лишь один пример из этого сочинения, ярко характеризующий умение автора пользоваться в полемике демонстративными силлогистическими доказательствами: «Если царь поставлен на царство, а способностей на то ему от природы не дано, то должен искать доброго и полезного совета, и не только у советников своих, но и у всех своих подданных, поскольку духовный дар даётся не по богатству и не по силе царства, но по душевной мудрости, так как Бог не смотрит на могущество и гордость, а только лишь на правду сердечную и тем людям даёт свои дары, которые способны их воспринять своей душой. Ты же всё это забыл! И из уст твоих вместо благоухания смрад исходит». Здесь мы видим вариант комбинированного полисиллогизма в виде эпихейремы с элементами условно-разделительного умозаключения. Из подобных силлогизмов построена вся композиция «Истории», на которые указывает сам князь, настроенный, благодаря своим учителям, негативно против словесных вольностей и пафосно-простонародной манеры письма.

Сочинения князя А. Курбского, а также деятельность кружка «совопросников» привнесли в русскую интеллектуальную культуру логику, диалектику и риторику. Впрочем, отдадим должное царю Ивану: и через его эпистолярное наследие красной нитью проходит строгая логика, но в ином исполнении: «Царь – гроза не для добрых, а для злых дел: хочешь не бояться власти – делай добро, а делаешь зло, бойся, ибо царь не втуне носит меч – в месть злодеям». Однако особого значения Иван IV Грозный логике не придавал, отдавая предпочтение риторике (красноречию).

В «Истории о великом князе Московском» логико-риторический талант «книжника» А. Курбского проявился в полной мере, позволяющей воспринимать его высокообразованным просветителем и учёным XVI века. К тому же это произведение – последняя точка в его творческой эпопее. «Историю» вполне можно

¹ Курбский А. М. История о великом князе Московском / сост., вступ. статья, коммент. Н. М. Золотухина. Тольятти: Изд-во УРАО, 2001.

оценить и как политико-философскую теорию сословно-представительской монархии в контексте политико-религиозной дискуссии между Москвой и Западной Европой. Но её анализ – это предмет новой научной работы.

По мнению А. Курбского, логика – орудие познания и изложения правды (истины). Логика – аналитика мышления и изложения теории. Логику также надо использовать в борьбе с неправильными умозаключениями («сатанинскими силлогизмами»). Заниматься ею должны политики, правоведы, богословы: «Оучите же и навывайте её (логику. – С. М.) неленосне, иаще её добре навывкнете, оудобнее вам будет читати и разумети писания философские, яко наших великих учителей христианских, так и внешних философов»¹.

Значимость логики отмечена её высокой оценкой в XVII веке Николаем Спафарием-Милеску (1636 – 1708) – дипломатом и учёным, автором исторических, географических (описал Байкал, Амур, Китай, Монголию), богословских сочинений, первым издателем русской арифметики «Арифмологион» и других полезных книг. С 1671 г. переводчик, а затем дипломат Посольского приказа, он получил прекрасное образование в Константинополе и Италии. Думается, что Н. Спафарий-Милеску знал доподлинно пользу логики для умословия. Вот что он написал в конспективном изложении о ней: логике надо учиться «ради достоинства», так как логика – это орудие, органон, с помощью которого можно «благоразделить слово и довод учинити». Логика нужна «ради истинства», «ради сладости», т. е. благодати, спокойствия, «ради обладания истиной и устойчивым взглядом на вещи», «ради пользы, так как диалектика (яже и логика нарицается) есть... слияние божественного ума и царица человеческого разума»². О пользе риторики: «Риторика есть художество, яже учит слово украшати и увещевати»³. Именно эти рекомендации были преподнесены им царю Алексею Михайловичу и его детям.

Так начиналась логика в России. После А. Курбского появились новые знатоки логики, заслужившие отдельного внимания и почитания, хотя бы потому, что это были, в первую очередь, учителя богословия. Русская логика как светская теория в контексте предложенной парадигмы появилась в университетском образовании лишь в первой половине XIX века, а уже в середине того же столе-

¹ Цит. по: Харлампович К. Новая библиографическая находка. Переводная статья кн. А. М. Курбского: «От другие диалектики Иона Спанинберга о силлогизме вытолковано» // Киевская старина. Киев, 1900. Т. LXX.

² Спафарий Н. Эстетические трактаты / подгот. текста и вступ. статья О. Я. Белобородовой. Л.: Наука, 1978. С. 33.

³ Там же. С. 141.

тия вышла на передовые рубежи европейской науки. Снова движущим фактором её развития выступили преобразования в политической и правовой сферах, не последнюю роль сыграла судебная реформа Александра II. Все эти изменения по совокупности позволили логике занять своё место в методологии и методике преподавания университетских дисциплин. Но и тогда ей приходилось конкурировать с риторикой за право считаться первым методом образования и воспитания нормативно-демонстративного умословия первокурсников, обучавшихся по гуманитарным специальностям. Философы, филологи, журналисты, юристы, историки должны были изучать её в обязательном порядке. Высокий статус логики не смогли поколебать даже советские реформы 1930-х годов. Её сохранили для гуманитариев университетского уровня, правда, волонтаристским способом удалив из средней школы (просто вычеркнули из перечня дисциплин). Попытки вновь вернуть логику в образовательные учреждения после окончания Великой Отечественной войны по ряду причин оказались безуспешными. Однако в высшую школу логика всё-таки пробились. Иногда кафедры логики открывали, невзирая на трудности с их кадровым обеспечением. При этом, несмотря на все исторические метаморфозы русского вузовского образования, от его возникновения и до наших дней, для юристов логика всегда оставалась обязательной дисциплиной. Так было завещано Екатериной II. Ведь, по выражению И. В. фон Гёте, на курсах логики ум «приучат к дисциплине, чтоб взял он направленья ось, не разбредаясь вкривь и вкось»¹. Нравится юристам юридический догматизм!

Формальная или юридическая логика преподавалась юристам всегда, даже в самые тяжёлые для высшего профессионального образования годы. Благодаря их невольной поддержке русская логика ворвалась (в буквальном смысле) на мировую арену, к ней стали относиться достойно и с уважением учёные-логики всего мира. Но, как ни парадоксально, в 2010-е годы логику вычеркнули сначала из перечня обязательных для изучения дисциплин, затем из дисциплин по выбору и, наконец, факультативов. Если такое положение сохранится, ещё немного, ещё чуть-чуть, и мы вновь вернёмся к логической культуре первых Азбуковников, а, возможно, и далее в глубину истории – к толкованиям неразумных слов и терминов, так называемым, «Толкам неразумных словес», царских указов, приказов Боярской думы и казусов судебной практики. Для юристов это, по сути, означает отказ от юридического мышления. И вряд ли кто-нибудь теперь вспомнит в среде юристов слова кота Бегемота из пророческого в своей фантастично-

¹ Гёте В. Ф. Фауст / пер. Б. Пастернака / вводная статья и комментарий Н. Вильмонт. М.: Изд-во Худ. лит-ра, 1960. С. 22.

сти романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: «Речи мои представляют не пачкотню, а вереницу прочно упакованных силлогизмов». Логика и риторика исчезнут из лексикона юристов-практиков.

К сожалению, в настоящее время логику исключили и из третьего поколения ФГОС ВПО для правоведов, переместив её из блока федеральных (обязательных) дисциплин в вариативную часть, т.е. отдали на откуп региональным вузам. Кто бы мог подумать, что местные «князья» похоронят её в анналах истории? Но это произошло. Так, в моей alma mater, Хабаровской государственной академии экономики и права, из учебного плана бакалавров (030900.62 «Юриспруденция») исключили логику, диалектику и риторику, а взамен поставили та-рабарские ОТСК, ЧИТМ, БЖД, КСЕ, аббревиатура которых не поддаётся у студентов расшифровке даже после сданных зачётов! В центре политико-правовых учений – ГЕОПОЛИТИКА. Аминь!

И в заключение – весьма кстати звучат слова поэта: «А всё-таки жаль: иногда над победами нашими встают пьедесталы, которые выше побед»¹.

В. Р. Фёдорова

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСОВОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЯН: ИЗНАНОЧНАЯ СТОРОНА

Данная статья является продолжением темы критики как формы обратной связи². В ней наглядно отражены разные виды, приёмы, способы критики, в данном случае, связанные с особенностями финансового поведения людей.

Изнанка у каждого из нас ассоциируется с обратной, скрытой или отрицательной стороной чего-то или кого-то. Именно данный контекст мы предлагаем рассмотреть на примере финансового поведения россиян, разделив последних на две категории: тех, кто платит (или от кого зависит материальный доход: работодатели/руководители), и тех, кто получает плату: рядовые граждане (сотрудники). Данная статья не претендует на истину, но даёт определённую пищу для размышления.

¹ Слова из песни Булата Окуджавы «А всё-таки жаль» на стихи Галины Хомчик.

² См.: Фёдорова В. Р. Критика как форма обратной связи // DIXI – 2012... С. 187 – 204.

Первоначально рассмотрим изнаночную сторону финансового поведения значительной части рядовых граждан, которая состоит в следующем.

1. *Удел жить от зарплаты до зарплаты, влача жалкое существование*¹.

Средняя по России зарплата очень часто не покрывает большей части потребностей работников (не говоря уже о членах их семей). При этом они не ищут реальных выходов из ситуации, а либо мирятся с ней, либо подрабатывают на столь же низких окладах, получая гроши и испытывая очередное разочарование. В связи с этим социологи в последнее время заговорили о появлении в России такого исключения для развитого мира как «*работающий бедный*»².

Проведённое нами в 2012 г. исследование³ показало, что зарплата людей с невысокими доходами, в обход расхожему мнению о *позитивных* чувствах («держи зарплату и радуйся»), вызывает у многих сотрудников отрицательные эмоции (особенно если человек считает, что ему «недоплачивают», на нём «экономят», его зарплата не соответствует его квалификации).

К отрицательным зарплатным эмоциям можно отнести:

- *разочарование* («говорили, денег добавят, а по факту ничего не изменилось»);
- *напряжение* («за квартиру – заплати, за детский сад – заплати, на еду выдели и т.д.»);
- *тревогу* («на всё денег не хватает, даже если будешь экономить»);
- *злость* («в следующий раз пусть сами крутятся, нашли девочку/мальчика за копейки надрывать»);
- *вину* («не могу достойно содержать себя, семью, детей») и др., которые в совокупности можно охарактеризовать как «*унижение зарплатой*».

Острое переживание описанных эмоций может привести к *зарплатной фрустрации*⁴, под которой мы понимаем неприятное напряжённое психологическое состояние, вызванное получением материального вознаграждения за свой

¹ По данным Росстата 15,8 млн чел. в России живут за чертой бедности (2013).

² В Западной Европе человек, имеющий легальный заработок, не может попасть в страту ниже, чем «малообеспеченный» (см.: URL : <http://www.city-n.ru/view/298677.html>).

³ Экспертный опрос слушателей курсов повышения квалификации ФГБОУ ВПО «Хабаровская государственная академия экономики и права», 2012 г. Всего опрошено 43 чел., в т.ч. 40 женщин и 3 мужчины в возрасте от 23 до 30 лет – 7 чел., от 31 до 50 лет – 23 чел., старше 50 лет – 13 чел., у всех высшее образование.

⁴ Фрустрация (лат. *frustratio* – «обман», «неудача», «тщетное ожидание», «расстройство замыслов») – психическое состояние, возникающее в ситуации реальной или предполагаемой невозможности удовлетворения тех или иных потребностей.

труд, не удовлетворяющего основные потребности человека и дающего ему ощущение крайней финансовой несправедливости и безысходности.

В книге профессиональной дрессировщицы Карен Прайор «Не рычите на собаку» есть такой текст: «Для лабораторных крыс и голубей подкреплением часто является пища. Чтобы повысить их мотивацию, им начинают давать пищи меньше, чем обычно. Обычно лабораторным животным дают пищи столько, чтобы они могли поддерживать 85 процентов нормальной массы тела. Такой приём называется пищевой депривацией¹.... Депривация стала стандартным приёмом <... > при работе с крысами и голубями»². Не правда ли, если заменить крыс и голубей на человека, который изначально получает зарплату меньше прожиточного уровня («пищевая депривация», безысходность), получатся, что многие «хомо сапиенсы» в социуме живут на «птичье-крысиных правах», и чтобы хоть как-то сбалансировать свою финансовую жизнь, вынуждены брать несколько работ, т.е. устраивать «крысиные бега».

Возвращаясь к низкой зарплате и отрицательным эмоциям, представленных зарплатной фрустрацией, необходимо уточнить, что она может протекать в нескольких формах:

– *агрессия* («хочется рвать и метать», «да гори оно всё синим пламенем», «зарплатный дебош»);

– *месть* (на работе: «сдать шефа с потрохами» (распустить слух, испортить имущество, сделать и скрыть ошибки и пр.); дома: устроить внеплановую проверку дневника у ребёнка; указать на проблемы мужа/жены);

– *озлобленность* (назло всем приобрести дорогую вещь, отдав последние финансы («а что я, хуже других?»));

– *депрессия* (человек впадает в «зарплатный ступор»: не знает, что с этим делать, как жить, с чего начать; от зарплаты к зарплате приближается к диагнозу «улыбающаяся депрессия», которая проявляется следующим образом: человек маскирует своё печальное финансовое положение и улыбается назло всем, демонстрируя, что у него всё в порядке, в том числе и в денежном плане);

¹ Депривация – (лат. *deprivatio* – потеря, лишение) – психическое состояние, вызванное лишением самых необходимых жизненных потребностей (таких как сон, пища, жилище, общение ребёнка с матерью, и т.д.) или вызванное лишением благ, к которым человек был привычен очень долгое время.

² Прайор К. Не рычите на собаку! Книга о дрессировке людей, животных и самого себя / пер. с англ. Т. О. Новиковой. М. : Эксмо, 2009. С. 222 – 223.

– *регрессия* (уйти в запой; бездарно потратить все деньги; «забить холодильник продуктами под завязку»¹; включить режим полной экономии; попытаться выиграть в казино; прореветь весь вечер, посыпая голову пеплом, и т.п.).

Результатом зарплатной фрустрации может стать *десакрализация труда* – обесценивание важности хорошей работы, редукция профессиональных достижений, поверхностное выполнение своих обязанностей, изменение установок на прямо противоположные: «сколько платят, столько и работаю, остальное – не моё дело»; низкая (недостойная) зарплата – это демотиватор, который оставляет «болезненные шрамы» не только на оси мотивационных координат, но и на жизни конкретного человека.

2. *Жить одним днём.*

У известного российского бизнес-тренера Натальи Грэйс описан эффект «горячей ложки»: как только человек получает деньги, он их тут же должен истратить. Такие люди идут по жизни с вечным финансовым нулём: заработал – потратил – пришёл к нулю; опять заработал – потратил – пришёл к нулю. Их поведение можно назвать финансовым сценарием: не важно, сколько человек зарабатывает, – 12, 22 или 220 тыс., он всё равно потратит всё до копейки. В народе таких людей называют «мот» (человек, ведущий расточительный образ жизни).

3. *Вещизм или потребность тратить деньги.*

Для современного человека свойственна своего рода «покупательская наркотизация» (термин Н. Грэйс): покупая вещи, человек пьянеет, получая кратковременную радость. Квартиры превращаются в склады одежды, обуви, техники и пр. Шопоголизм (или «ониомания») стал нормой поведения «истинной» женщины, формой «психологической разгрузки» от тяжёлых будней, эффективным способом снятия стресса, во время которого представительницы слабого пола впадают в транс, делая приобретения: у них поднимается настроение, они становятся жизнерадостными и счастливыми, испытывают приток жизненной энергии, состояние эйфории, повышение самооценки.

В психологии шопоголизм относят к аддикции². Причём, такой «аддикции к трате денег» свойственно учащение аддиктивного ритма, а также формирование стереотипов реагирования на психологический дискомфорт³. Многим россиянам

¹ Это можно назвать «фобией пустого холодильника», вызванной чувством страха испытать голод, оставить свою семью без пищи (а, значит, без жизни).

² Аддикция (англ. addiction – зависимость, пагубная привычка).

³ Голубева Е. В. Отношение к деньгам у людей с разным уровнем дохода // Омский научный вестник. 2010. № 3. С. 136 – 139.

и невдомёк, что эта страсть уже включена в список психических заболеваний, так как у неё имеются симптомы, похожие на симптомы умственных расстройств.

4. *Жизнь в долг.*

Это ещё одно экономическое ноу-хау нашего времени. «Живи красиво и ни в чём себе не отказывай», – зазывают банки. По данным статистики, сегодня больше 50% взрослого кредитоспособного населения страны подсажено на кредиты и имеет банковские долги. Если иметь в виду, что в большинстве современных семей есть как минимум два взрослых работающих человека, то можно прийти к выводу, что кредит, буквально, «вошёл в каждый дом» (в иных семьях и не один). Нормой поведения рядовых россиян сегодня зачастую становится «финансовое кочевничество»: миграция от одного долга к другому.

Россияне с лёгкостью берут чужие деньги, часто не задумываясь о том, что «отдавать придётся свои», да ещё под большие проценты, попадая в современное «кредитное рабство»¹. Одним из печальных последствий этого явления стала специфическая форма девиации, получившая в клинической психиатрии название «*кредитный суицид*», ставший для иных горе-заёмщиков радикальным способом решения проблемы задолженности.

Сегодня есть все основания утверждать, что банки, снимая преграды для получения кредитов (не нужно поручителей, справок о доходах, залога имущества и мн. др.), просто «подсаживают» россиян на лёгкие деньги, как «на иглу». Даже те, кто никогда прежде не брал в долг у банков, уже не могут гарантировать, что «сия чаша» жизни в долг их минует.

5. *«Магичность сознания».*

Вера в то, что финансовая ситуация может измениться к лучшему *сама собой*: мне солидно (прилично) поднимут зарплату, дадут премию, я выиграю в лотерею², удачно выйду замуж/женюсь, получу наследство, сяду родителям на шею, совершу какой-нибудь подвиг (наградят), и деньги на меня посыплются, просто, как манна небесная.

6. *Полная индифферентность к финансовой грамотности.*

Люди не хотят ничего знать об активах, пассивах, девальвации, ценных бумагах, кредитах и др. «финансовой чепухе». Финансовая безграмотность, основанная на нежелании что-то изменить к лучшему в своей жизни или чему-либо

¹ В Китае, Германии и Франции, например, потребительские кредиты выдают под 4% – 8% годовых.

² Не случайно так популярны сегодня разнообразные телепередачи, основанные на денежных выигрышах: «Золотой ключ», «Спортлото», «Бинго», «Русское лото» и др. В интернете подобных «игр на деньги» ещё больше.

научиться (синдром «митрофанушки»), делает уязвимой любую финансовую стратегию, даже самую эффективную. Финансовое «поглощение» слабого (экономически безграмотного) сильным становится закономерным финалом, уготованным для тех, кто пренебрегает знаниями в сфере финансов. Выражаясь словами персонажа из басни И. А. Крылова «Волк и ягнёнок», «ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».

7. *Наивность и безответственность в вопросах финансового поведения.*

Проявляется это в том, что сотрудник, не читая, не вникая, не задавая вопросов расписывается в документах только потому, что «начальник сказал расписаться» («он – начальник, ему видней»; «чтобы я ещё голову ломал над этими цифрами!»). Бывают и криминальные ситуации, когда руководитель предлагает взять кредит «на расширение производства», сотрудники дружно делают это под их личную финансовую ответственность и отдают всё до копейки шефу (чаще всего такое происходит на селе). При этом среди большинства россиян до сих пор не принято, давая деньги в долг кому бы то ни было, брать расписку («я ему доверяю», «мы свои люди, сочтёмся», «это не великие деньги, чтобы так позориться и брать долговую расписку») и пр. Сакраментальной («культовой») фразой в этом случае являются слова: «Вернёшь, когда сможешь!» В ней можно услышать и *сочувствие* к проблеме другого, и «*финансовый пофигизм*», и игру в «*благородство*», и *барство, высокомерие* «дарителя» (часто независимо от его реального финансового положения).

К финансовому простодушию можно также отнести и веру в то, что если честно работать, да ко всему прочему не пить, не курить («не пускать деньги на ветер»), то можно со временем стать *состоятельным человеком*. Апогеем же финансовой простоты (а простота, как известно, хуже воровства) является то, что для большинства рядовых россиян до сих пор самым надёжным способом «удвоения» своих денег остаётся сложить их пополам («удвоить») и упрятать подальше («не тратить»).

8. *Долготерпение.*

Даже если данная работа не решает финансовых проблем человека, его семьи, она нарушает законы справедливости в распределении финансовых средств. При этом многие годами продолжают поднимать «целину», в которой нет «плодородной почвы», сеять «в пустоту» и ждать «всходов». Сюда же можно отнести тысячи предприятий, которые не столько платят зарплату сотрудникам, сколько кормят их обещаниями. Инерция, как жизненная стратегия, заставляет выбравших её россиян жить необоснованными, но привычными надеждами, оставаться

на той работе, которая не приносит финансовых благ, а делает человека и его семью заложниками полуголодной жизни.

9. *Катастрофизация¹ мышления в вопросах о деньгах.*

Вот примеры подобного мышления: «Денег на всех не хватит»; «не жили богато, нечего и начинать»; «кругом нас дурят по страшному»; «удел честных людей в России: век прожить, а денег не нажить»; «везде произвол, обман и коррупция»; «было плохо, а станет ещё хуже».

10. *Неуважение к российским деньгам.*

Данная особенность имеет длинную историю. Ещё М. Е. Салтыков-Щедрин писал: «То не беда, если за рубль дают полрубля; а то будет беда, когда за рубль станут давать в морду».

Можно выделить две типичные формы такого неуважения:

1) «*глумление*» над монетами номиналом в одну, пять, десять и пятьдесят копеек, а с ростом инфляции – и к монете достоинством в один рубль, восприятие их как «обузы», «железного мусора». Такое отношение ярче всего проявляется на рынках и в общественном транспорте. Конкретизируем ситуацию. В последнее время всё чаще и у кондукторов, и у пассажиров, что называется, «сводит скулы», когда пассажиры уплачивают, или кондукторы расплачиваются мелкими монетами. Порой не обходится без конфликтов и шумных ссор, в которых, как правило, пассажир оказывается поставлен в более неудобное положение. Не редкими стали и случаи «вандализма» кондукторов по отношению к деньгам: перебирая мелочь, они просто пригоршнями выбрасывают её в открытое окно автобуса или за дверь;

2) *недоверие* к рублю и одновременно *преклонение* перед долларом и евро, которые можно проиллюстрировать «модифицированными» пословицами: «Доллар силён, евро важен, а рубль пустопорожен»; «на доллар можно достойно жить, на евро красиво, а на рубль “изысканно”»: во всём нуждаться, от всего отказаться»; «деньги к деньгам льнут: с долларом милуются, с евро ласкаются, а от рубля чураются (сторонятся)»; «там, где собираются доллар, евро и рубль, всегда кто-то третий лишний» и т.п.

11. *Зависть и ненависть к богатым, состоятельным людям, начальникам.*

Проявляемое многими «простыми» людьми стойкое неприятие к чужому богатству и благополучию является лишь прикрытием бессознательного желания пополнить ряды «ненавистных буржуев», самому стать начальником и рас-

¹ Катастрофизация – паттерн, предполагающий постоянное ожидание и представление о надвигающейся беде.

пределять деньги по своему усмотрению. Усиливает это стремление и распространённое среди работников мнение о том, что начальник и богач (часто это одно и то же лицо) «ни черта не делает», «катается как сыр в масле» и «держит Бога за бороду». Как свидетельствует греческое предание, точно так же рассуждал и Дамокл, фаворит тирана из Сиракуз – Дионисия Старшего. Последний, желая проучить завистника, уступил ему на один день своё место, а в разгар веселья показал острый меч, висевший на конском волосе над его головой¹. Дионисий объяснил, что, несмотря на кажущуюся счастливую жизнь, он, как властитель, постоянно живёт на волосок от гибели.

12. Патологический интерес к зарплатам других людей.

Примерно половина слухов и сплетен в организации приходится на денежные вопросы («у кого что болит, тот о том и говорит»). Данная тема считается «эмоционально заряженной» и не только вводит людей в аффективное состояние, но и формирует стратегию психологического сопротивления, недовольства, снижает показатели работы, её эффективность. Знание о существенной разнице в зарплатах руководителя и рядовых сотрудников формирует у последних устойчивое чувство несправедливости: «Почему у начальника зарплата намного больше моей, ведь толку от нас одинаково никакого?..»

13. Использование провальных стратегий в распоряжении деньгами².

Можно выделить следующие типичные для россиян стратегии, не приводящие к материальному благополучию:

а) стратегия «дно» – самое плачевное, поверженное финансовое состояние («хуже некуда»). «Дно» характеризуется тем, что, даже экономя «на всём», человек не может обеспечить удовлетворение своих витальных потребностей;

б) стратегия «ямка» – выбирается теми, кто мало зарабатывает. Для реализации своих планов им часто приходится залезать в долги. Неумение, а подчас и нежелание зарабатывать постепенно превращается в постоянную материальную подчинённость, слепое повиновение требованиям тех, от кого работник материально зависит;

в) стратегия «обрыв» – характеризуется тем, что человек, накопив (или заработав) большую для него сумму денег, потом *бездарно её расходует* (проедает, тратит на развлечения, проигрывает в азартных играх и т.п., после чего оста-

¹ Выражение «дамоклов меч» впоследствии стало синонимом нависшей опасности.

² См. подробнее: Голубева Е. В. Отношение к деньгам у людей с разным уровнем дохода // Омский научный вестник. 2010. № 3. С. 136 – 139; Чиксентмихайи М. Поток: психология оптимального переживания. М. : Смысл ; Альпина нон-фикшн, 2012.

ётся «у разбитого корыта»). Конечно, данная стратегия позволяет получить массу кратковременных удовольствий, но итог всегда один – финансовое банкротство;

г) стратегия «*равнина*» имеет место, когда человек тратит без остатка всё, что зарабатывает. Это лишает его движения вперёд – возможности накопления, развития, финансового благополучия. Но самое удивительное, что многие россияне *гордятся* тем, что реализуют такую стратегию. Они рассуждают примерно так: «Я получаю достаточно, умею планировать, денег мне хватает до конца зарплаты». Или утверждают: «Слава Богу, впроголодь, как соседи, не живём. Дети накормлены, сыты, довольны, и самим кое на что хватает».

Следует отметить, что все перечисленные стратегии относятся к *финансово неблагоприятным*, и если человек им следует, то его жизнь превращается в *жёлтое и бесперспективное* существование.

14. *Страсть, любовь к деньгам.*

Многие люди готовы работать сутками, лишь бы сколотить состояние. Корысть, выгода, манипуляции в нашем обществе стали рядовыми явлениями. Деньги превратились в смысл жизни. К сожалению, уже не метафорой, а реальностью стала фраза: «За деньги продам и мать родную». Процветает сомнительный бизнес «магических заговоров» на деньги и богатство. Для тех, кто оказался в плену денег, сделал их своим кумиром, хотим напомнить миф о царе Мидасе. Как и большинство современных россиян, этот царь полагал, что станет счастливым, если обретёт богатство. Он обратился к богам с просьбой наделить его способностью превращать в золото всё, к чему бы он ни прикоснулся. Казалось, ничто на свете уже не могло помешать Мидасу стать самым богатым, а значит, и самым счастливым человеком на земле. Однако очень скоро он понял, что совершил роковую ошибку: не только предметы, но и вся пища, глоток вина, попадая к нему в рот, превращались в золотые слитки. В итоге несчастный царь умер от голода, окружённый горами золота¹.

15. *Вороватость работников.*

Вот типичные рассуждения на этот счёт: «Все воруют, чем я хуже?»; «Какая жизнь – такой и я»; «Если я не возьму, другой возьмёт, а значит, нельзя упускать свой шанс»; «Я не ворую, я беру своё»; «Я забираю то, что нам недодало общество и государство»; «Я беру понемногу, другие вообще тащат вагонами»; «Если от большого (у государства) взять немножко – это не грабёж, а делёжка»; «А что тут такого, всем надо как-то жить»; «Я знаю свою норму, лиш-

¹ См.: Прайор К. Указ. соч.

него не возьму»; «Ободрать государство – это святое»; «Как они нас [кинули. – В. Ф.], так и мы их [кинем. – В. Ф.]»; «На моём месте так поступил бы каждый нормальный человек» и т.д., продолжать можно до бесконечности.

Закроем выше обозначенную финансовую особенность россиян анекдотом «в тему»:

«Встретились руководители американской, английской и русской компаний, и зашла у них речь о зарплатах.

Американский руководитель говорит: “Наш бюджетник получает минимум 2 000 долларов. Из них 300 идут на налоги, 300 на жильё, 200 на еду, 200 на одежду, а куда он тратит оставшиеся 1000 – не мои проблемы”.

Английский руководитель говорит: “Наш бюджетник получает минимум 2 000 фунтов: 400 идут на налоги, 200 на жильё, 200 на еду, 200 на одежду, а куда он тратит оставшиеся 1000 – не мои проблемы”.

Российский руководитель говорит: “Наш бюджетник получает в среднем 20 000 рублей: 5 000 идут на налоги, 5 000 на жильё, 5 000 на еду, 5 000 на одежду, а откуда он берёт ещё 20 000 – не мои проблемы”»...

Пусть каждый из нас сделает из этого анекдота свои выводы.

16. Мышление наёмника.

Проявляется такое мышление в навязчивом желании обязательно быть «под кем-то», не нести ни за что ответственность, получать из рук «хозяина» дважды в месяц законные «финансовые подаяния», трястись за своё место (даже если оно никому не нужно), не брать больничный, разрешать начальству периодически «неистовствовать», «прогибаться» перед ним, забывая о собственном достоинстве, «подставлять шею», чтобы начальнику было удобнее приводить «приговор в исполнение», мечтать о свободе, но нуждаться в «погонщике» и никогда не попытаться стать *финансово самостоятельным* (например, открыв собственное дело).

Всё это напоминает действия обезьян из притчи, приведённой П. С. Тарановым в книге «Секреты поведения людей?»:

«Человек, который кормил обезьян орехами, однажды сказал:

– Дорогие обезьяны! Орехов стало мало. Теперь я буду вам давать утром только три килограмма, а вечером четыре!

Обезьяны пришли в ярость.

– Ну, хорошо, хорошо! – рассмеялся человек. – Я вам буду давать утром четыре, а вечером три!

Обезьяны обрадовались!..»¹

Если теперь сделать главными персонажами этой притчи людей, то повествование будет выглядеть следующим образом:

«Человек, который руководил организацией/фирмой, однажды сказал:

– Дорогие коллеги (сотрудники)! Денег министерство стало выделять меньше. Прибавки не ждите!

Сотрудники пришли в ярость.

– Ну, хорошо, хорошо! – рассмеялся начальник. – Я буду платить вам деньги *два раза* в месяц вместо *одного*: аванс и зарплату.

Обезьяны (ой, пардон, *сотрудники*) обрадовались!..»

Как говорится, «притча ложь, да в ней намёк», но наёмникам невдомёк.

17. *Сложности самоидентификации по финансовому признаку.*

Россиянину трудно ответить на вопрос, к какому классу он принадлежит: «бедному» или «среднему»? Сразу оговоримся, что там, где «в одном кармане вошь на аркане, а в другом блоха на цепи», принадлежность к классу «богатых» однозначно исключается.

При исследовании данного вопроса мы столкнулись с парадоксальной ситуацией. Так, в одной и той же семье муж мог причислять себя к «среднему классу», а жена – к «бедной прослойке» (или наоборот). Если считать, что одним из важнейших и бесспорных критериев принадлежности к тому или иному «социальному классу» является *размер доходов*, то получается, что россиянин точно не знает, сколько он должен зарабатывать, что бы соотнести себя с одной из трёх статусных групп (высшей, средней, низшей).

Попробуем, насколько это возможно, ответить на данный вопрос. В соответствии с критериями государственной статистики, люди, которые получают зарплату, примерно равную одному прожиточному минимуму (в Хабаровском крае по состоянию на сентябрь 2013 г. это 10 203 руб.), относятся к категории «*низший класс*». Принадлежность к «*среднему классу*» начинается с зарплаты (дохода) в шесть прожиточных минимумов. Для Хабаровского края это 61 218 руб. «чистыми»². «*Высший класс*» характеризуется *сверхдоходами* (здесь не ошибётесь, если будете оперировать цифрами в млн. и даже млрд. руб.).

¹ Таранов П. С. Секреты поведения людей? М., 2007.

² На наш взгляд, сама по себе зарплата в 60 – 70 тыс. руб. в месяц мало о чём говорит, если у человека детей «семеро по лавкам», поэтому для объективности необходимо вводить дополнительные критерии финансового благополучия.

Итак, по финансовым возможностям людей можно разделить на три основных класса: «*низший*» (состояние *нищеты* при дефиците удовлетворения базовых потребностей); «*средний*» (в зоне *достатка*); «*высший*» (в зоне *изобилия*).

Для выяснения процентного соотношения выделенных нами трёх основных классов, приведём цифры, обнародованные Министерством экономического развития Российской Федерации в августе 2013 г. Согласно этим данным, в России примерно 3% – 5% граждан считаются богатыми, 22% – «средняками» (заметьте, что в развитых странах доля среднего класса составляет от 55% до 60%), а остальные, соответственно, бедными. Печальную статистику попытались «спасти» учёные, они ввели для её «оптимизации» новую страту – «*эконом-класс*». Понятие «*эконом-класс*» характеризует промежуточную доходную форму между «*низшим*» (категория дефицита) и «*средним*» (категория достатка) классами. На наш взгляд, его пора «легализовать» и использовать в государственных формах отчётности.

18. *Неумение (нежелание) воспользоваться ситуацией, которая может изменить финансовое положение к лучшему.*

Каждый может вспомнить, что ему на протяжении жизни неоднократно предлагали начать новое (своё) дело, переехать в другой город, устроиться на интересную работу, чему-либо научиться и т.д., но по разным причинам, например, отсутствия времени, страха, сомнений положительного отклика это не вызвало. На наш взгляд, такой феномен можно объяснить отсутствием желания меняться, расти, а, значит, и решать свои финансовые проблемы. Существует простое правило: «чтобы получить *новые* результаты, нужно начинать делать что-то *новое*». К сожалению, желание меняться не является сильной чертой многих русских людей, поэтому, когда судьба поворачивается к ним лицом, они очень часто «показывают ей спину». При этом автор уверен, что каждый из нас *может* и *должен* стать состоятельным.

19. *Уверенность, что если кто-то из знакомых (родственников) стал состоятельным человеком, то он обязан делиться своим капиталом и постоянно всех выручать.*

Практика показывает, что родственники, друзья, бывшие одноклассники, соседи, просто знакомые и мало знакомые люди идут с просьбами, мольбами, закливаниями о помощи к состоятельному человеку, а получив её, не торопятся отдавать деньги, искренне считая, что «от буржуев не убудет». Иные делают по несколько заходов за деньгами, пока им, наконец, популярно не объяснят, что «халява» закончилась. После чего те обижаются и очень часто поносят своего

«дарителя» последними словами, забывая прописную истину, что «на чужой каравай рот не разевай, а пораньше вставай да свой затевай».

20. *Вера в духовное начало, прерогатива внутреннего (морального) над внешним (материальным)*, обобщённо представленная нами как «главное, чтобы человек был хороший».

Если вам кажется, что данный постулат устарел, покрылся «социалистической пылью», тогда почему россияне до сих пор не стыдятся быть бедными и подогревают свою ненависть к богатым?

Может, не стоит противопоставлять одно другому, а необходимо всего лишь достигнуть консенсуса в этом вопросе и подтянуть своё материальное положение под духовное начало, не быть, так сказать, финансовым «двоечником» в своей собственной жизни и в жизни своей семьи?

20. *Леность, нежелание выкладываться на все 100%.*

Даже острая необходимость в деньгах подчас не может подвигнуть россиян на «трудовые подвиги»: «Лучше за рубль лежать, – считают они, – чем за три бежать».

21. *Смириться со своим плачевным финансовым положением и даже видеть в этом «ВЫГОДУ».*

«А что тут такого? – рассуждает российский обыватель. – Налоговая не дёргает, бандиты не трясут, воровать у меня нечего, в долг никто не просит, работа не напрягает, соцпособие платят – не жизнь, а сплошное удовольствие». Человек увлекается игрой в афоризмы, такие как «худа без добра не бывает»; «жить на Земле, возможно, дороговато, зато вы получаете ежегодный *бесплатный* круиз вокруг Солнца»¹ и т.п.

22. *Потребность пожизненно оказывать материальную помощь своим детям.*

Большинство современных родителей, руководствующихся этим принципом, рассуждают примерно так: «Мы нормально не жили, пусть хоть у них всё будет хорошо». Такая модель поведения встречается сплошь и рядом. Исследователь энергетических взаимоотношений В. П. Гоч считает, что это одна из разновидностей вампиризма по отношению к своим детям, а потом и внукам (например, манипулирование деньгами, завещанием). Родители, снабжающие взрослых детей деньгами, формируют у них особую зависимость, вследствие которой ребенок-переросток должен по гроб жизни быть им обязанным. Хотя, по-

¹ См. : Портал афоризмов // URL : Aforizhoff.NET.

что все матери и в меньшей степени отцы с этим высказыванием вряд ли согласятся. Они искренне считают, что выполняют свой долг. Важно уточнить, что речь здесь идёт не о патовой финансовой ситуации у детей, а рядовом денежном затруднении или, вообще, его отсутствии.

А теперь внимание! Важно помнить, что в этом случае работает простой принцип: чем больше родители помогают материально взрослым детям, тем больше объективно ограничивают поступление средств в пространство детей, которым всё сложнее *самим* зарабатывать деньги. Проще говоря, на каждый вложенный во взрослых и самостоятельных детей рубль, их собственные потери составляют 100 руб. Дети это интуитивно чувствуют и, несмотря на родительскую помощь, лучше к своим родителям не относятся. Они не испытывают чувства благодарности за материальную помощь, подсознательно ощущая, что это «троянский конь», который приносит им вред. Да, и не зря говорят, что на деньги любовь не купишь¹.

Итак, рассмотрев изнаночную сторону финансового поведения *рядовых граждан* («сотрудников/работяг»), мы выяснили, что для большинства из них характерно «искажение (деградация) трудового сознания»². Следствием такого явления становится вытеснение многих представлений о личных и профессиональных качествах, возникает острая потребность в иждивенчестве, над чем россиянам следует работать, меняя свои устойчивые привычки и предпочтения.

Теперь перейдём к рассмотрению изнаночной стороны финансового поведения *руководителей/управленцев*. На наш взгляд, она состоит в следующем.

1. Назначение себе высоких («достойных») зарплат³.

Эту особенность можно выразить известным слоганом «своя рука владыка». Возможность баловать себя любимого премиями, бонусами и другими выплатами приводит к тому, что «ножницы» зарплат между руководителем и подчинёнными только по официальным данным в России разнятся в 16 раз, а реально и того больше (по некоторым источникам, использование методик и расчётов Всемирного банка в российском обществе даёт 800-кратную разницу!⁴). Если

¹ См. : Некрасов Н. Мир во мне: материнская любовь // URL : <http://shkolamudrosti.ru>.

² См. : Кочеткова А. И. Введение в организационное поведение и организационное моделирование. М.: Дело, 2004.

³ С повышением уровня чиновника его богатство возрастает в геометрической прогрессии (см.: URL : <http://statistika.ru/reviews/nishcheta-tretego-mira.html>).

⁴ Это утверждает, в частности, А. Шевяков – директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН (см.: URL : <http://oppops.ru>статистика-россии.html>). Отметим, что по тем же официальным данным в Германии и Франции этот разрыв составляет 5 – 7 раз и считается «наиболее оптимальным».

раньше народ подшучивал, что «повышение руководителю Газпрома Миллеру оклада всего в два раза автоматически повысит среднюю зарплату россиян сразу на десять процентов», то сегодня данная шутка уже не является *персонализированной*. В эту схему укладывается всё руководство без исключения: от столицы до провинции (назовём это «управленческой антикоррупционной находкой»: зачем брать взятки, на которых можно попасться, подмочить репутацию и испортить себе жизнь, если есть весьма законный способ обогащения?). Для подстраховки в коллективный трудовой договор организации вводится пункт: «Размеры должностных окладов, ставок заработной платы, доплат, надбавок, а также премий максимальными размерами *не ограничиваются*». Отсюда и «достойная» *средняя зарплата* по предприятию. Как правило, это зарплатная игра в одни ворота. По данным Левада-центра, всё большее количество россиян в огромной разнице заработных плат между низшим и высшим звеном персонала организации/учреждения видит проявление социальной несправедливости.

2. *Использование в личных целях административного ресурса.*

Проявляется это в самых разных сферах, например, чтобы узаконить «финансовое рабство» (финансовый беспредел) в организации. При распределении средств, многие руководители беззастенчиво играют на финансовой безграмотности и психологической зависимости подчинённых от начальника. В результате «одни от зарплаты к зарплате богатеют, другие нищают». Не случайно первый вопрос, который задали президенту РФ во время «прямой линии» с народом (онлайн-трансляция от 25.04.2013), был о зарплате. «Деньги выделены... имеет место сбой в системе ручного управления», – признался президент. «Это не денежная проблема, а управленческая», – резюмировал глава государства. Однако, на наш взгляд, проблема не столько «управленческая», сколько системная, потому её и так сложно решить. Она проявляется и реплицируется не только в управленческом звене, но и на уровне общественного сознания, а самое главное, легализуется нынешним несовершенным российским законодательством.

3. *Использование в личных целях футуристичности мышления¹ россиян.*

Начальник говорит о повышении зарплаты за год, два и даже более до её реального повышения. Данная форма манипуляции общественным мнением успокаивает (гасит градус возмущения) одних, даёт надежды другим, но так как

¹ Под «футуристичностью мышления» мы понимаем его обращённость в будущее, устойчивые ожидания россиян, что их сегодняшние проблемы будут успешно решены если не завтра-послезавтра, то уж точно через год-два.

процент повышения зарплаты практически всегда меньше инфляционного, то существенной разницы в уровне реальной зарплаты никто не чувствует.

4. Манипулирование схемами расчёта зарплат и налоговых отчислений.

Практически все изменения в схемах начисления зарплаты работникам бюджетной сферы (за исключением госслужащих и «силовиков»), происходившие в нашей стране в последние годы, проводились под девизом «роста реальных доходов населения», однако, на практике создавали впечатление, что власть просто глумится над народом. Трудно понять, как можно реально поднять зарплату сотрудникам, сохранив мизерным оклад и одновременно убрав все (или многие) надбавки: за проживание на северной территории, за вредность, за выполнение особых поручений и др. Данную тенденцию мы относим к финансовому манипулированию: сегодня вам дополнительные выплаты положены, а завтра – нет. Как правило, зарплату у наиболее массовых категорий работников бюджетной сферы повышают на «копейку», а разговоров вокруг этого на «рубль». Причём, нередко перед повышением зарплаты сотруднику ещё и «накидывают» должностных обязанностей, которые эту финансовую прибавку, по сути, «съедают».

Наиболее справедливые и финансово прозрачные расчёты, на наш взгляд, представлены сегодня в программе «Материнский капитал», где заранее обговаривалось, что не позднее 1 сентября каждого года сумма выплат будет пересматриваться с учётом инфляции. Так, в 2007 г., когда эта программа стартовала, размер выплат составлял 250 тыс. руб., в 2010 г. он равнялся уже 343 378 руб., а в 2013 г. – 408 960 руб. (т.е. за 6 лет сумма выплат выросла на 158 960 руб.).

Возвращаясь к зарплатам бюджетников, можно констатировать, что на сегодняшний день их инфляционные перерасчёты либо вообще не делаются, либо преподносятся как повышение («благоденствие» со стороны власти). Отсюда и фактическое снижение реальных доходов населения. В психологии появился даже такой термин – «синдром бюджетника» – это психоэмоциональное состояние людей, работающих в бюджетных организациях, имеющих низкие доходы и обременённых множеством комплексов (в том числе, комплексом неполноценности).

5. Манипулирование сознанием людей с применением различных психологических приёмов речи.

Чаще всего встречаются следующие приёмы:

а) использование *эвфемизмов* (греч. εὐφήμη – «благоречие»), то есть слов, которые снижают эмоциональную «нагрузку», часто изменяют (искажают, смягчают) смысл сказанного, вводя общественность в заблуждение и фальсифицируя

действительность. Если раньше этим грешили, преимущественно, политики, то теперь это поставлено на поток в практике управления. Не будем голословными и приведём наиболее распространённые примеры:

– вместо «*беднота*» говорят «*люди с невысоким уровнем жизни*» (стоит обратить внимание и на симптоматичную замену слова «*низкий*», имеющего негативную коннотацию, на много более мягкое «*невысокий*»);

– вместо категоричного приказа: «*Прекратить выплаты* таким-то категориям сотрудников», – употребляют слова, оставляющие надежду, порождающие иллюзию временности экономических невзгод: «*Приостановить выплаты...*»;

– вместо неприятного «*подорожание, рост цен*» говорят о «*либерализации (освобождении, упорядочении и т.д.) цен*»;

– вместо «*увеличение нагрузки*» говорят «*интенсификация труда*»;

– слова высокого уровня конфликтности и заметных эмоциональных издержек «*уволить, сократить*» заменяют «*красивым*» словосочетанием «*оптимизация численности персонала*»;

– прагматичная цель «*закрыть организацию, оставив людей без средств существования*» маскируется витиеватой фразой о «*вынужденной реорганизации предприятия*»;

– вместо всем понятного «*повышения зарплаты*» твердят о «*реформировании системы оплаты труда*», в ходе которого рост зарплаты уже никто не гарантирует, а руководитель открытым текстом (не стесняясь) говорит: «Скажите “спасибо”, что ваша зарплата не уменьшится». Или как часто пишут в официальных документах: «Зарплата не должна быть меньше ранее полученной при условии сохранения объема должностных обязанностей и выполнения работ той же квалификации...»;

б) использование *дисфемизмов* (греч. δυσφήμη – «неблагоречие») (прямо противоположных эвфемизмам), предполагающих замену изначально нейтральных понятий грубыми или непристойными словами с целью придания им негативной смысловой нагрузки, проще говоря, употребление «*крепких слов*» или пренебрежительных выражений, которые повышают эмоциональный градус, усложняют разрешение ситуации, делают её «*патовой*» в глазах людей¹:

– вместо «*ошибка, неточность*» – «*неразрешимая проблема*»;

– вместо «*временные финансовые трудности*» – «*бедственное финансовое положение*»;

¹ См.: Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи / Русистика. Берлин, 1994. № 1 – 2. С. 28 – 49.

– вместо «ошибся» – «намеренно ввёл в заблуждение»;

– если сотрудник «спросил, уточнил», значит «не владеет информацией (не управляет ситуацией)» и т.д.;

в) применение *сатиации* (англ. satiation, лат. satiare – кормить досыта, насыщать), возникающей при полной или частичной утрате словом своего лексического значения из-за сверхчастого употребления. Так, слово-конфликтоген «уволю» в устах руководителя может обозначать и «*работайте лучше*», и «*я вас воспитываю (как умею)*», и «*у меня плохое настроение*» и пр.

Сатиацию можно проиллюстрировать следующим довольно типичным примером. Молодая сотрудница по 2 – 3 раза в день слышит в свой адрес критику руководителя со словами «уволю». В результате она сама уже в конце первой трудовой недели идёт к начальнику с заявлением об увольнении (чего дожидаться?). Однако шеф, узнав истинную причину ухода, искренне смеётся и объясняет, что никого увольнять не собирается, просто он таким образом «мотивирует» персонал (хотя, на наш взгляд, это, скорее, «демотивация», поскольку такие высказывания накаляют обстановку в коллективе и заодно дискредитируют самого руководителя);

6. Катастрофизация мышления в вопросах денег.

Руководитель регулярно нагнетает обстановку, сообщая сотрудникам: «Денег нет и не будет» (возможная мотивация: «Москва не перечислила»; «банк не выдал»; «счета заморожены»; «наличных нет»; «вам не положено»; «сейчас все деньги отправлены в бедствующие регионы»; «потерпите (Бог терпел и вам велел)» и др.). Смысл этих типовых высказываний: «я не несу ни за что ответственность», «ожидайте надвигающуюся беду». И как следствие – *финансовая невротизация* сотрудников.

А вот получение денег всякий раз превращается в демонстрацию своих заслуг перед сотрудниками, в доказательство им (и себе), что «я не зря сижу в этом кресле», потому что «смог выбить», «достать», «потребовать».

7. «Барство» в назначении различных дополнительных выплат сотрудникам.

Проявляется это в том, что принятие таких решений связано не с реальным вкладом сотрудников (объективными критериями), а лояльностью подчинённых к персоне руководителя. Выплата материального поощрения за выполненную работу по манере подачи, подчас, больше похожа на милостыню (как будто руководитель отрывает деньги от себя лично). Выплата премиальных всё больше становится инструментом увеличения властной дистанции между руководителем

и подчинёнными: ему – «бублик», всем остальным – «дырка от бублика» (создаётся впечатление, что многие руководители уже давно в плену у мамоны¹).

8. *Использование при решении финансовых вопросов принципа Н. Макиавелли: «разделяй и властвуй».*

«Пробный камень» в практической реализации этого принципа был заброшен ещё во время зарплатной реформы здравоохранения в 2005 г., когда зарплату подняли только медработникам первичного звена: терапевтам, педиатрам и врачам общей практики (обозначив это «первой волной повышения или поэтапным повышением»). Узкие специалисты были поставлены в «зарплатную очередь» и должны были ожидать вторую волну (многие, так и не дождавшись второго этапа, ушли в частные медицинские учреждения). По той же технологии сегодня проходит зарплатная реформа в образовании: ставка делается на учителей средних общеобразовательных учреждений, а о зарплатах педагогов техникумов, колледжей и ВУЗов сохраняют безмолвие (хотя, в отчётах на всех уровнях власти речь идёт о повышении заработной платы педагогическим работникам).

9. *Некорректное использование в финансовых отчётах приёмов математики.*

«Красной тряпкой» для народа стали «парадные цифры» регулярного повышения *средней зарплаты* во многих регионах (а, значит, и роста зарплаты педагогов)². По данным официальной статистики, среднее жалование работников растёт как на дрожжах, в то время как сами труженики этой «мифичной прибавки» в своих кошельках почему-то не чувствуют. Ситуация напоминает концовку в русских народных сказках: «По усам текло, а в рот не попало».

Проконсультировавшись с математиками, как такое, вообще, возможно, мы выяснили, что понятие средней величины очень *относительно* (помните расхожее выражение «средняя температура по больнице»?). Чтобы повысить средний размер чего-либо, не обязательно это что-либо (например, зарплату) увеличивать. В данном случае достаточно совершить простую «статистическую манипуляцию»: «убрать» несколько человек со сверхвысокими доходами и одновременно «сократить» группу людей с самыми низкими доходами, тогда результат не заставит себя ждать – среднестатистическая величина доходов заметно «вырастет».

Ещё одной математической хитростью управленцев является то, что средняя зарплата рассчитывается не от размера ставки, а с общего заработка сотруд-

¹ Мамона (маммона) – у некоторых древних народов бог богатства, денег и наживы; в христианских текстах: символ стяжательства, жадности, чревоугодия, то есть пороков.

² См.: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики».

ника. То есть, если он «вкалывает» на 1,5 или 2 ставки, то здесь и к гадалке не ходи: его совокупный доход «легко» приблизится к средней по региону зарплате или даже превысит её (появится «финансовый жирок»), что тоже чиновнику на руку. Таким образом, решение задачи повышения средней зарплаты перекладывается исключительно на плечи самих работников. Как говорится, «спасение утопающих дело рук самих утопающих», а какой ценой оно достаётся – никого не интересует.

Как видим, «математика – наиболее совершенный (а для чиновников и безопасный. – В. Ф.) способ водить народ за нос»¹.

10. *Неуважение к российской валюте.*

Не секрет, что практически все богатые люди в России, включая управленцев и чиновников, предпочитают хранить деньги в зарубежных банках, переводить их в офшоры, иметь бизнес за пределами своей страны².

11. *Оказание финансовой помощи другим странам, в то время как в своей стране (России) есть огромное число нуждающихся в такой помощи.*

На наш взгляд, надо быть *очень богатой* страной, не имеющей финансовых проблем, чтобы, например, предоставить Кипру в 2013 г. кредит в 2,5 млрд. долларов под 4,5% годовых! (В то время как средняя банковская ставка для россиян в рублях составляет сегодня от 17% до 19% годовых).

12. *Провозглашение принципа «прозрачности власти» и одновременно сокрытие своих реальных доходов.*

Здесь, как очевидно, действует известный психологический принцип: «по мере возрастания дохода увеличивается склонность людей утаивать его величину»³. Не случайно для того, чтобы народ узнал, наконец, истинные размеры доходов своих «слуг», потребовалось вмешательство президента и принятие специального закона о предоставлении сведений о доходах госслужащих и руководителей госучреждений⁴. Уместно вспомнить меткое наблюдение, сделанное в свое время ещё З. Фрейдом, что больше всего неправды (лжи) там, где идёт разговор о сексе и о деньгах.

13. *Вороватость на всех уровнях власти, коррупционная составляющая управления.*

¹ Перифраз афоризма А. Эйнштейна «Математика – наиболее совершенный способ водить самого себя за нос».

² Лишь совсем недавно Госдума РФ приняла закон, запрещающий чиновникам иметь заграничные счета (данный закон вступил в силу 19 августа 2013 г.).

³ См.: Чиксентмихайи М. Указ. соч.

⁴ См.: Указ Президента РФ от 18.05.2009 г. № 559.

В совокупности, это привело к тому, что в 2012 г. в рейтинге коррумпированных стран, приведённом международной организацией Transparency International, Россия заняла 133-е место из 174 возможных¹. Одновременно, в рейтинге правовых государств, составленном независимой организацией World Justice Project, Россия заняла 85-е место из 97, что, на наш взгляд, может косвенно указывать на то, что далеко не каждый «полтинный вор»² получит у нас по заслугам.

Вот некоторые интересные сведения для общего размышления. Психологи, использующие нравственные критерии, разделяют людей на три категории и приводят их примерное соотношение в обществе:

1) исключительно честные и порядочные люди, которые никогда не возьмут чужого, – примерно 25%;

2) люди, готовые обогащаться любыми способами, в том числе «за чужой счёт», о них говорят – «только могила исправит» – около 25%;

3) люди, живущие и действующие *по ситуации* (включая особенности воспитания): если можно *безнаказанно* взять (украсть, стащить, похитить и др.), то они это делают без зазрения совести («один раз живём»), а если *наказание неотвратимо*, то не рискуют и внешне выглядят вполне добропорядочными гражданами – и таких около 50%.

На наш взгляд, при прохождении конкурсного отбора следует учитывать не только профессиональные, но и нравственные качества руководителей/управленцев, т.е. подбирать на такие должности людей, безусловно, порядочных. Пока же характеристика «этот человек кристально честный» нередко, как ни парадоксально, обрекает его на долгие поиски работы.

14. *Использование эффективных стратегий распоряжения деньгами, нередко принимающее порочные формы.*

К эффективным стратегиям можно отнести:

а) стратегию «*норма*», когда человек реально оценивает свои возможности и потребности, зарабатывает столько, сколько планирует, тратит, сколько необходимо, и часть денег откладывает (имеет активные доходы);

б) стратегию «*горка*», которая предполагает *поступательное* увеличение доходов, позволяющее богатеть от зарплаты к зарплате;

в) стратегию «*сверхнорма*» или «*денежный Эверест*», когда человек «заточен» на значительное (баснословное) увеличение доходов (категория «*мульти*»)

¹ См.: Самые коррумпированные страны в 2012 году // URL : <http://rating.rbc.ru/article.shtml?2012/12/14/33843988>.

² Как известно, «алтынного вора вешают, а полтинного – чествуют».

и умеет это виртуозно делать¹ (в России, к сожалению, нередко находя лазейки в законах, или пользуясь их несовершенством).

Среди *неэффективных* финансовых стратегий чаще всего встречается «*обрыв*»: игра в казино, крупные (раритетные) приобретения, связь с криминалом, вредные привычки и др. «Финансовая пропасть (в нашем случае «*обрыв*» – В. Ф.) – самая глубокая из всех, в неё можно падать всю жизнь»². О других порочных стратегиях, таких как «*ямка*» и «*равнина*», мы говорили выше (см. стратегии работников). На них также нередко бывают «*подсажены*» «*богатые и знаменитые*», что очень быстро приводит их к неплатежеспособности.

Перечисленные современные особенности финансового поведения управленцев/чиновников позволяют говорить о их высоком (достойном) финансовом положении, но рассмотрение его изнаночной стороны позволяет понять, что и оно требует серьёзных поправок.

В целом, все выше перечисленные особенности изнаночной стороны финансового поведения рядовых россиян и управленцев, вместе взятые, позволяют говорить о заметном *антагонизме* в их отношениях, множестве «очагов поражения» финансового сознания как с одной, так и с другой стороны. На практике это нередко приводит к неустойчивому финансовому результату, а значит, демотивирует россиян.

Можно также констатировать, что современная зарплатная политика (как государства, так и частного бизнеса) в вопросах материального стимулирования человека за добросовестный труд и конкретные результаты, которая, по сути, должна быть основой финансового благополучия россиян, часто не соответствует обязательной трихотомии «*работа – успех – деньги*». Система стимулирования сводится к примитивному поведению: «*работа – успех*» для одних, «*работа – деньги*» для других и «*мнимый успех – реальные деньги*» для третьих. Это, в свою очередь, на практике приводит к серьёзным дефектам трудового поведения, неустойчивому, а подчас и незаслуженному финансовому результату, а значит, требует незамедлительной коррекции.

¹ Так, когда в 1970-е годы Баффет Уоррен резко увеличил своё состояние на 28 миллиардов долларов (!), журнал «Фортюн» написал о нём: «Он стал богаче самого Бога». А вот сегодня «денежным альпинизмом» никого не удивишь (сведения представлены журналом «Форбс»: www.forbes.ru).

² Слова Остапа Бендера из книги И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой телёнок».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие (от редактора)</i>	3
<u>Часть 1. История</u>	
<i>Бакшеева Е. Б.</i> Незарегистрированные православные объединения на Дальнем Востоке РСФСР (1943 – 1962).....	8
<i>Гончарова С. В.</i> Изучение китайских обществ в Приамурье (конец XIX – начало XX века).....	18
<i>Скрабневская Е. С.</i> Социальная защита населения дальневосточной окраины России в деятельности органов местного самоуправления (XIX – начало XX века).....	28
<u>Часть 2. Философия, культурология</u>	
<i>Конобеев Г. М.</i> Духовный кризис российского общества и проблема развития личности.....	37
<i>Костюрина Н. Ю.</i> Молодёжная аксиология современной России: по материалам эмпирического исследования.....	69
<i>Ревич И. М.</i> Гуманитарный этос и история.....	85
<i>Юдина В. И.</i> Об определении научной сферы современной провинциологии....	93
<u>Часть 3. Социология, политология</u>	
<i>Завалишин А. Ю.</i> Социокультурные аспекты этнической ксенофобии и экстремизма.....	103
<i>Ламашева Ю. А.</i> Политические технологии создания и трансформации транснациональной идентичности.....	121
<i>Смоляков В. А.</i> Проблема вмешательства во внутренние дела суверенных государств в западном теоретическом дискурсе.....	137
<u>Часть 4. Конфликтология, психология</u>	
<i>Марков С. М.</i> Медиация – альтернативный инструмент разрешения спортивных конфликтов (споров).....	156
<i>Марков С. М.</i> Сказ о логике А. Курбского, глаголемый для современных юристов.....	165
<i>Фёдорова В.Р.</i> Психологические особенности финансового поведения россиян: изнаночная сторона.....	185

Научное издание

DIXI – 2013

идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях

Сборник научных трудов

Выпуск 4

Под научной редакцией

д-ра социолог. наук А. Ю. Завалишина

В дизайне обложки использована репродукция картины Сальватора Дали
«Превращение нарцисса»

Тексты статей печатаются в редакции авторов

Подписано к печати 5.11.2013 г. Формат 60x84/16. Бумага писчая.
Печать офсетная. Усл. п.л. 12,1. Уч.-изд. л. 8,7. Тираж 700 экз. Заказ № 524

680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 134, ХГАЭП, РИЦ